

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

И. А. Бескова

**КАК ВОЗМОЖНО
ТВОРЧЕСКОЕ
МЫШЛЕНИЕ ?**

Москва
1993

ББК 15.13
Б 53

Ответственный редактор
доктор философских наук *И.П.Меркулов*

Рецензенты:
доктора философских наук *А.Л.Никифоров,*
В.А.Смирнов;
кандидат философских наук *А.А.Осовцов*

Б 53 **Бескова И.А.**
Как возможно творческое мышление? - М.,
1993. - 196 с.

На материале когнитивной психологии, психолингвистики, культурной антропологии, логики и др. автор прослеживает трансформации архаичного мировосприятия и мироощущения, приводящие к зарождению и развитию современных форм образного и символического представления информации. Утверждается, что филогенетически первичные формы познавательной деятельности в скрытом виде функционируют и на более поздних этапах, являясь компонентами творческого мышления.

Исследуются эмоциональные и психологические особенности творческой личности, влияние характера культуры на развитие креативности.

Для интересующихся проблемами творческого мышления.

ISBN 5-02-008178-7
ISBN 5-201-01835-1

© И.А.Бескова, 1993
© ИФРАН, 1993

ВВЕДЕНИЕ

Исследование природы творческого мышления не возможно без сколько-нибудь адекватного понимания закономерностей функционирования различных компонентов мыслительной способности человека, включая подсознательную и бессознательную переработку информации.

В общей форме необходимость учета подобных компонентов признается многими исследователями. Но пока не существует теоретических построений, которые позволили бы более или менее полно представить, в какой форме на разных стадиях мыслительного процесса функционируют механизмы подсознательного и бессознательного оперирования информацией. Есть и трудности, связанные, например, с принципиальной невербализуемостью в каждый данный момент времени некоторых пластов психических содержаний (вследствие их травмирующего характера для данного субъекта, несоответствия его "Я-концепции", угрозы поколебать или разрушить некоторые стереотипы, лежащие в основании принимаемой им картины мира).

Определенного прогресса, как нам представляется, можно будет достичь, если различные компоненты мыслительной активности человека удастся понять в их исторической взаимосвязи и взаимообусловленности. Для этого мы попытаемся реконструировать логику их формирования в филогенезе.

Подобная реконструкция, мы надеемся, позволит по-иному взглянуть на достаточно устоявшиеся вещи. Кроме того, попытка понять, как в результате естественного исторического развития одни компоненты мыслительной способности человека зарождались и вызревали в рамках других, поможет установить, какие черты исходной формы восприятия "наследуются" и каким обра-

зом они трансформируются в филогенетически более поздних способностях. Все это даст возможность видеть, как мышление оперирует различными пластами системы личностных смыслов (включая те, которые содержат компоненты общечеловеческого и индивидуального опыта), используя при этом механизмы, сформировавшиеся в ходе эволюции человека.

Безусловно, такого рода реконструкция не претендует ни на полноту, ни на завершенность картины. Это не более чем один из возможных подходов к пониманию эволюции мышления и языка.

Поскольку в монографии предпринимается попытка проанализировать природу творческого мышления как комплексного, многопланового феномена, отдельные параметры которого исследуются в рамках самых различных дисциплин (когнитивной психологии, психофизиологии, психолингвистики, культурной антропологии, социобиологии и др.), постольку при ее написании возникли трудности определенного порядка. Они были обусловлены тем, что каждая из упомянутых областей научного знания имеет свой категориальный аппарат, свое видение поля исследования, свои устоявшиеся методы решения задач, свои приоритеты и т.п. Создать какой-то универсальный язык, на который бы достаточно корректно "переводились" языки этих наук и который позволял бы одинаково эффективно обсуждать все acts

Аспекты проблемы творческого мышления, не представлялось возможным. Поэтому в работе (в какой-то степени неизбежно) проявились недостатки, связанные с необходимостью использовать сходные понятия для обозначения более или менее серьезно различающихся сущностей (например, понятие "смысла" в формальной логике, в лингвистике и в психологии). Чтобы уменьшить отрицательные последствия такой категориальной неопределенности, мы старались в тех случаях, когда это не было ясно из контекста, уточнять, какое из возможных пониманий имеется в виду.

Кроме того, обращение к данным различных наук потребовало некоторых предварительных пояснений. У людей, хорошо знакомых с соответствующей областью исследования, подобные пояснения порой вызывают ощущение затянутости. Однако предварительное обсуждение монографии показало, что представителями иной дисциплины те же объяснения зачастую оцениваются как недостаточно подробные.

С самого начала было очевидно, что такого рода трудности возникнут. Поэтому при написании монографии одну из задач мы видели в том, чтобы попытаться каким-то образом соотносить степень развернутости пояснений с необходимостью не слишком удаляться от основной темы исследования и не загромождать рассмотрение многочисленными ссылками на предысторию вопроса, а также характер и степень его исследованности в настоящее время в каждой конкретной области научного знания.

Совершенно очевидно, что подобное положение вещей может вызвать справедливые возражения у читателя, специально занимающегося изучением соответствующих аспектов проблемы. Но иного способа обсудить интересующие нас вопросы с привлечением данных различных наук (и при этом не упустить нить изложения) мы не видели.

Доминирующими методами исследования в данной монографии выступают, пожалуй, логико-методологический и когнитивно-психологический. Сначала попытаемся обосновать обращение к первому из них.

В этой связи необходимо отметить, что некоторые из обсуждаемых в монографии проблем относятся к таким сферам мыслительной деятельности человека, в которых получение непосредственных экспериментальных данных затруднено (например, анализ филогенетической эволюции языка и мышления, исследование функционирования подсознания и т.п.). Это, конечно, не означает, что подобных данных вообще не существует. Так, определенные этапы эволюции мышления могут рекон-

струироваться на основе изучения языка и мышления культур, уровень развития которых в настоящее время достаточно близок архаичным культурам. Но и здесь возникают свои вопросы: во-первых, можно ли с уверенностью утверждать, что имеющиеся между ними различия не слишком существенны и не препятствуют экстраполяции выводов? И во-вторых, не всегда удается в явной форме выделить те основания, по которым осуществляется уподобление культур. А следовательно, нельзя быть уверенным в том, что экстраполяция совершена на достаточном основании.

Сходные сложности возникают при рассмотрении проблемы функционирования подсознания. Соответствующие данные могут быть почерпнуты из наблюдений-самоотчетов, принадлежащих перу крупных исследователей, научная практика которых содержала периоды творческих взлетов, озарений. Но дело в том, что такого рода данные сами нуждаются в интерпретации, которая может быть осуществлена лишь в рамках некоторых более общих представлений о природе творческого процесса. Именно поэтому одни и те же результаты могут быть основанием для совершенно различных теоретических построений.

В связи с этим попытка ответа на поставленные вопросы вряд ли может оказаться успешной в случае, если будет осуществлена только с учетом фактической стороны дела.

Поэтому мы придерживались иного подхода к выявлению природы интересующих феноменов. Несколько условно он может быть выражен следующим образом: каким этот процесс можно себе представить, если "на выходе" мы имеем некоторые известные характеристики мыслительной активности, а исходим из предпосылки естественного и осуществляющегося на своей собственной основе развития процесса? Как представляется, сама логика движения мысли в этом случае может быть достаточно адекватно выражена в форме вопроса: как возможно нечто?

Данная книга и является попыткой реализации этого подхода применительно к анализу тех проблем, которые значимы для понимания природы творческого мышления: реконструкции этапов эволюции мыслительной способности человека, закономерностей формирования языка, предпосылок осуществления коммуникации и др.

Поскольку творческий акт является наиболее концентрированным выражением максимально эффективной работы всех компонентов мыслительной системы индивида, постольку понимание его природы требует анализа и учета множества самых различных факторов: закономерностей организации и функционирования системы личностных смыслов, к которым индивид обращается в процессе творчества, способов оперирования ими (с учетом специфики символической и образной репрезентации информации), наличия определенной генетической обусловленности компонентов мыслительной активности, влияния языка на характер восприятия и оценки информации, некоторых особенностей личности ученого и др.

Эти и некоторые другие вопросы мы и попытаемся проанализировать в логико-методологическом плане.

Теперь несколько слов о когнитивном подходе.

Прежде всего необходимо отметить, что это направление сейчас динамично развивается. В мире выходит ряд журналов¹, регулярно публикуются многотомные издания, посвященные этой проблематике². И хотя не

¹Cognitive Psychology, Cognition, Cognitive Science, Memory and Cognition и др.

²Cognitive theory (Hillsdale, Erlbaum). 3 vol; Handbook of learning and cognitive processes (Hillsdale). 6 vol; серия книг под редакцией Solso R.L.: Contemporary issues in Cognitive Psychology (1973); Information processing and Cognition (1975); Theories in cognitive psychology, The Loyola symposium. Potomac, 1974. Cognitive psychology. N.Y.; L., vol.15 (1983), vol.16 (1984), vol.17 (1985). Cognition and emotion. (Hove etc. Erlbaum), vol.1 (1987), vol.2 (1988). The Foundations of Cognitive Science. Ed. by M.Posner. The MГГPress, 1989. An Invitation to Cognitive

которые исследователи прослеживают развитие идей когнитивной психологии от Аристотеля и Платона, но современные постановки вопросов обычно связывают с именем У.Найссера, опубликовавшего в 1967 г. книгу "Cognitive Psychology", которая стала в определенном смысле программной.

Исследования, осуществляемые в рамках когнитивного подхода, объединены тематикой (в самом общем виде ее можно охарактеризовать как анализ различных аспектов мыслительной деятельности индивида), широким использованием экспериментальных данных, а также достаточно общим представлением о значимости для анализа мыслительной активности методов, разрабатываемых в рамках теории информации, современной структурной лингвистики и так называемых компьютерных наук.

Формирование когнитивного подхода в значительной степени было обусловлено стремлением преодолеть скептицизм в отношении роли внутренней организации психических процессов, характерный для доминировавшего в США бихевиоризма. Вместе с тем, он унаследовал от бихевиоризма уверенность в значимости контролируемых лабораторных исследований, а также отношение к проблематике научения и памяти как принципиально важной для понимания мышления и поведения. В то же время, вслед за психологическим структурализмом, в рамках когнитивного подхода серьезное внимание уделяется выявлению и изучению различных структур, играющих важную роль в мыслительных процессах.

Science. Ed. by D.Osherson. Bradford Books, 1990. 3 vol. set. Jerome Bruner. Acts of Meaning. Harvard Univ. Press, 1990. Выходили отечественные и переводные работы на русском языке, посвященные той же проблематике. См., напр.: *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М.,1982; *Хофман И.* Активная память. М.,1986; *Норман Д.* Память и научение. М.,1985; Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. М.,1986 и др.

Одним из наиболее существенных параметров данного подхода является рассмотрение субъекта как действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными планами, правилами, стратегиями. Существуют и некоторые другие особенности. Например, специфическая направленность исследований, выражающаяся в движении от понимания сложного феномена - к пониманию простого (в отличие от необихевиоризма, для которого характерна противоположная исследовательская стратегия, - понять сложный процесс на основе предварительного изучения простых); рассмотрение организации активности индивида как иерархической, а не линейной и др. Существенное влияние на развитие категориального аппарата когнитивной психологии, а также на средства и методы, используемые в процессе исследования, оказали такие дисциплины, как структурная лингвистика, теория информации и исследования в области искусственного интеллекта. Например, первоначально в качестве основной задачи в когнитивной психологии выступало изучение преобразования информации, происходящее с момента поступления сигнала до получения ответа. При этом специалисты исходили из уподобления процессов переработки информации человеком и вычислительным устройством. Естественно, что в ходе такого рода моделирования существенным образом использовались понятия, средства и методы, разрабатываемые в рамках так называемых компьютерных наук. В настоящее же время все больше подчеркивается ограниченность подобного рода аналогий. Однако бесспорно, что использование мощных динамических моделей для такого описания мыслительных процессов сыграло и продолжает играть значительную позитивную роль.

Стремление выявить и описать закономерности преобразования информации в процессе ее передачи, восприятия, переработки и хранения обусловило обращение к понятиям, средствам и методам,

разработанным в рамках теории информации, что, в свою очередь, дало возможность использовать разного рода математические формализмы в процессе исследования, а также привело к появлению в языке когнитивной психологии таких понятий, как "сигнал", "фильтр", "информационный поток" и т.п.

И наконец, еще одной сферой, оказавшей, возможно, наибольшее влияние на формирование когнитивного подхода, явились исследования в области структурной лингвистики. И в частности, так называемые трансформационные грамматики, разработанные Н.Хомским с целью описания и объяснения удивительной способности человеческого интеллекта на основании знания не которого конечного множества слов понимать и продуцировать бесконечное множество предложений.

Анализируя роль лингвистики в формировании когнитивного подхода, некоторые исследователи³ связывают ее с общей интеллектуальной атмосферой 50-60-х годов, когда построения Хомского, основанные на логическом формализме и картезианском представлении о врожденных интеллектуальных структурах, воспринимались многими как хорошее противоядие от чрезмерной дозы жесткого эмпиризма.

Характеризуя в целом вклад упомянутых дисциплин в формирование когнитивного подхода, специалисты считают, что методы смежных отраслей знания дали психологам новые способы видения старых проблем, показали, как много важных вопросов игнорировалось внутри старой парадигмы⁴.

Таковы, в самом общем виде, некоторые параметры того подхода, в рамках которого экспериментальное изучение различных аспектов мыслительной деятельности человека составляет основное содержание исследования.

³ Reynolds A.G., Flagg P.W. Cognitive Psychology. Cambridge (Mass.), 1977. P.9.

⁴ Ibid. P.6.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание в связи с последующим использованием результатов когнитивной психологии в анализе интеллектуальных процессов. Поскольку объектом рассмотрения в ней выступают такие феномены, как восприятие, представление, мышление, память и т.п., постольку возникает вопрос, имеют ли закономерности, формулируемые на основе их изучения, статус объективных, или же они должны быть квалифицированы как субъективные (на том основании, что относятся к сфере процессов, происходящих в индивидуальном сознании и традиционно рассматриваемых как субъективные)?

Представляется, что объективные компоненты содержания процессов, происходящих в индивидуальном сознании, могут быть обнаружены в закономерностях их генезиса. Имеется в виду следующее. Как показали исследования, проводимые в рамках социобиологии, различные формы мыслительной деятельности человека являются генетически обусловленными. В соответствии с теорией гено-культурной коэволюции, эпигенетические правила⁵ определяют возможные направления путей развития систем, простирающихся от периферических сенсорных фильтров до восприятия (первичные эпигенетические правила), и систем, регулирующих внутренние ментальные структуры, включая процедуры сознательно осуществляемой оценки и принятия решений

⁵Эпигенетические правила представляют собой ограничения, налагаемые на возможные альтернативные пути развития мыслительных структур субъекта его генетическими предрасположенностями.

(вторичные эпигенетические правила)».

Иначе говоря, генотип каждого данного субъекта через систему сложных опосредований влияет на специфику функционирования его органов чувств, мышления, памяти, характер формирующихся когнитивных структур и т.д. Относительно этого фактора (наследственности) нельзя не признать его объективного, независящего от самого субъекта, характера. Позднее будут проанализированы и некоторые другие основания, позволяющие оценить закономерности, вы являемые в рамках когнитивно-психологического подхода, как объективные, хотя они и относятся к сфере процессов, происходящих в индивидуальном сознании.

Таковы, в самых общих чертах, соображения, которые мы полагали необходимым предпослать анализу проблемы творческого мышления.

⁶Jumsden Ch.J., Gushurst A.C. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making//Socobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P.7.

1. ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ФИЛОГЕНЕЗЕ: РЕЛИКТОВЫЕ ФОРМЫ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Символ как образ

С целью выявления особенностей восприятия и переработки информации в процессе творческого мышления обратимся к анализу эволюции мышления и языка.

Обычно при решении такого рода познавательных задач на первый план выдвигаются те или иные параметры, относительно которых осуществляется дальнейшее упорядочение информации. Получаемая на такой основе реконструкция естественноисторического процесса также базируется именно на этих параметрах, выбранных исследователем в качестве фундаментально значимых, определяющих по отношению ко всем остальным характеристикам.

При рассмотрении проблем эволюции мышления и языка на первый план обычно выдвигаются совместная трудовая деятельность и коммуникация, которые выступают в качестве предпосылок формирования всех остальных, интересующих исследователя, компонентов мыслительной активности.

Несомненно, оба эти фактора имеют очень важное значение. Но удастся ли на этой основе решить все проблемы? Представляется, что нет. Например, автор известной концепции культурно передаваемой экологической информации (info) Д.Смайлли характеризует трудности, возникающие при попытках реконструировать

логику отношения коммуникации и языка как парадокс¹: если исходить из того, что культурно передаваемая экологическая информация предшествует языку, то как вообще возможна ее передача? Если же считать язык, как средство передачи информации, предшествующим ей, то что же тогда он передает?

В такой постановке проблемы, как представляется, уловлена фундаментальная трудность, стоящая на пути реконструкции логики формирования основных мыслительных способностей человека как вида. А именно, если на первый план в качестве основополагающих, определяющих все остальные моменты, выдвигаются такие параметры, как совместная трудовая деятельность и коммуникация в процессе решения общих практических задач, то возникает вопрос, как в таких условиях оказывается возможной сама коммуникация? Ведь для того, чтобы участники коммуникативного акта поняли друг друга, необходимо, чтобы одни и те же звукокомплексы для них имели одно и то же содержание. В противном случае, если один человек произносит некоторую совокупность звуков, являющуюся бессмысленной для другого, никакая информация передана быть не может².

¹Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P.81.

²Разумеется, если сообщение не сопровождалось более понятными и достаточно выразительными жестами. Но и в этом случае предпосылка адекватного усвоения информации - наличие примерно одного и того же значения жеста у "собеседников". Так, отрицательное (для ряда культур) покачивание головой для болгарина означает утверждение. И напротив, утвердительный наклон для него равнозначен отрицанию. Совершенно очевидно, что если представители различных культур не будут осведомлены о значении жеста, понимания в ходе общения вряд ли удастся достичь.

Итак, получается, что формирование языка должно предшествовать коммуникации. Но как это возможно? Как может оказаться, что различные члены сообщества обладают одним и тем же пониманием сигналов, если:

- эти сигналы не звукоподражательной природы;
- они не представляют собой различные проявления эмоциональных состояний;
- они не даны по соглашению.

Иначе говоря, как возможно формирование сферы психических содержаний (которую вслед за Д.Смайли удобно называть культурно передаваемой экологической информацией) в том случае, если мы исходим из предпосылки естественного, спонтанного развития языка, осуществляющегося на своей собственной основе, а не как следствие дарованности его сообществу (божеством или просвещенным сородичем) и не по соглашению? Это очень важный вопрос. В зависимости от его решения по-разному предстает логика формирования мыслительных способностей человека.

Обращаясь к достаточно удаленным во времени культурам, мы переносим существующие в наше время стереотины восприятия и осмысления данных (которые очень часто не осознаются) на прошлые эпохи. Трудно избежать такого перенесения: для этого необходимо знать, что некоторое положение, имеющее статус бесспорного, на самом деле ограничено рамками данной культуры. Однако это знание уже предполагает наличие предварительной адекватной оценки той культуры, к осмыслению которой исследователь приступает. Получается, что для того, чтобы верно (насколько это вообще возможно) оценить феномены достаточно удаленной от нас культуры, надо знать, как их следует оценивать, то есть знать, какие компоненты составляют достояние более поздних форм развития человеческой жизнедеятельности.

Как видим, во многом это внутренне противоречивая задача. Именно поэтому так затруднены какие-либо реконструкции логики формирования и функциониро-

вания элементов прошлых культур. Вместе с тем, история развития науки показывает, что такие реконструкции все-таки возможны. При этом, очевидно, самое надежное средство избежать ошибок неоправданной экстраполяции - попытаться отказаться от любых исходных установок, которые в конечном счете могут оказаться стереотипами нашей культуры.

Учитывая все эти моменты, попытаемся задать себе вопрос: как возможно, что представители одного сообщества оказываются обладателями сходных психических содержаний, именуемых сходным образом?³

Фундаментальная важность решения этого вопроса осознавалась многими исследователями на протяжении более чем двухтысячелетней истории изучения языка. Для выявления истоков его формирования создавались концепции, затрагивающие различные стороны функционирования такого многопланового феномена как язык. Анализу этих концепций посвящено значительное количество исследований⁴, и мы не будем останавливаться на этом вопросе. Отметим лишь, что с самого начала обсуждения проблемы происхождения языка выделялись два подхода: "по установлению" и "по природе".

В соответствии с первым язык создан некоторым творцом (Богом или наилучшим из людей) и затем дарован остальным. Второй вариант решения - язык сформировался естественным путем: имена каким-то образом отражают сущность обозначаемого.

Оба подхода, как известно, сталкиваются с определенными трудностями. Относительно первого можно сказать, что адресованием данной проблемы к некоему

³Еще раз напомним, что сложности возникают в том случае, если мы хотим объяснить это явление на его собственной основе и рассматриваем лишь те содержания, которые не являются по своей природе звукоподражательными, не даны по соглашению, не являются формой спонтанных эмоциональных реакций.

⁴Соответствующие данные можно найти, например, в книге: *Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск, 1984.*

творцу она, фактически, снимается. Второй подход по многим причинам представляется нам предпочтительным. При таком понимании предполагается объяснимой произвольная, неслучайная природа слов, а также то, почему язык, не будучи привнесенным извне или навязанным, оказывается достоянием всего сообщества и может выполнять коммуникативную функцию. Эти возможности реконструкции ситуации кажутся весьма привлекательными. Но к сожалению, в рамках данного подхода неясным остается ключевой вопрос: каким образом набор звуков оказывается способным передать существо (сущность, содержание) того, что им обозначается?

На наш взгляд, единственный способ правдоподобно реконструировать логику формирования языка - это попытаться найти объяснение "словотворчеству" в природе самой человеческой познавательной активности, которая не предполагала бы осуществления предварительной работы по осмыслению и реорганизации информации.

Современная модель происхождения языка предполагает, что он формируется в процессе общественно-исторической практики как элемент культуры. Человек вычленяет наиболее значимые и устойчивые компоненты своего опыта и закрепляет за ними определенные языковые ярлыки. Так складываются те составляющие языка, которые в рамках компаративно-лингвистических исследований получили название базисной лексики. В ходе последующего развития языка оформляются более поздние его компоненты, имеющие культурную природу и представляющие собой результат заимствований, конвенций и др. Однако в плане выявления особенностей функционирования мышления наиболее существенным нам кажется именно анализ предпосылок формирования базисной лексики, как отражающей более ранние этапы становления мышления и более непосредственно фиксирующей его особенности. Тогда, если принять, что естественный язык в своих существенных

компонентах (имеется в виду прежде всего базисная лексика) не есть результат произвольного навешивания звуковых ярлыков на устойчивые элементы человеческой практики и опыта (включая соматические компоненты), то между именами, зафиксированными в естественном языке, и элементами структуры человеческого опыта должна существовать определенная глубинная связь.

В так называемых "ранних", "архаичных" культурах эта связь мыслилась достаточно непосредственной: имя - такой же атрибут предмета, как его цвет, форма и т.д. Например, североамериканский индеец "... относится к своему имени не как к обычному ярлыку, но как к самостоятельной части своего тела (подобно глазам или зубам) и пребывает в уверенности, что от дурного обращения с именем проистекает не меньший вред, чем от раны, нанесенной какому-либо телесному органу"⁵.

Выражением подобной установки являются магические обряды и разного рода ухищрения, направленные как на то, чтобы скрыть подлинное имя, так и на то, чтобы, узнав это имя, воздействовать на его носителя.

Против гипотезы о произвольном именовании свидетельствуют, на наш взгляд, и некоторые экспериментальные исследования. И прежде всего данные о том, что звуковое оформление выражений не безразлично к их содержанию, определенным образом соотносится с областью смысловых, содержательных характеристик⁶. В частности, оказалось, что в тех случаях, когда испытуемым предлагались наборы бессмысленных звукокомплексов и наборы абстрактных графических изображений, они увязывали определенные звукокомплексы с определенными содержаниями с вероятностью, существенно превышающей возможность случайных совпа-

⁵Фрэнсер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1984. С. 235.

⁶Башидурашвили А. Т. Некоторые характерные особенности речевого знака в аспекте проблемы реальности бессознательного психического // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т. 3.

дений. При этом отмечались некоторые субъективные переживания, сопровождавшие осознание подобного соотношения: по отзывам, результат как бы вспыхивал, мгновенно появлялся в сознании, как будто само сочетание звуков "навязывало" некоторое содержание. Правда, следует отметить, отношения между звукокомплексами и содержаниями выявились более сложные, чем просто "навязывание" первым последнего. Оказалось, что и содержание графических изображений влияло на восприятие бессмысленного набора звуков, в результате чего некоторые его компоненты акцентировались, субъективно воспринимались как более значимые, другие же выступали скорее как фон.

Подобные исследования, на наш взгляд, помогают понять, почему некоторые бессмысленные утверждения достаточно устойчиво соотносятся с определенными содержаниями в сознании людей.

Свидетельства в пользу подобных увязываний могли бы быть умножены. Достаточно вспомнить классический пример: "Глокая куздра штеко будланула бокра", - и станет понятно, что, несмотря на бессмысленность каждого из компонентов фразы, мы можем извлечь определенное содержание из данного утверждения. По крайней мере довольно однозначно понимается, что речь в нем идет о некоем агрессивном и неприятном существе, напавшем на беспомощную, незащищенную жертву. Ясно, что немалая роль в таком понимании принадлежит синтаксическим маркерам (например, окончаниям, суффиксам, глагольным формам), но, как представляется, этим не исчерпываются те "ключи понимания", которые действуют в данном случае. На наш взгляд, они сродни тем неявным зависимостям звукокомплексов и некоторых ранних, в настоящее время недоступных осознанию содержаний, которые играют важную роль и в упомянутом выше эксперименте.

Существование всех этих сложных и неочевидных зависимостей нуждается в объяснении. Если исходить из того, что язык сложился естественным путем, а не

был привнесен извне, то следует допустить, что в основе формирования определенных его аспектов (и в первую очередь, базисной лексики) лежало существование некоторых сущностных зависимостей между звукосочетаниями и репрезентировавшимися с их помощью относительно устойчивыми фрагментами человеческого опыта. Иначе говоря, определенные стабильные сочетания звуков представляли собой специфически человеческий способ репрезентации информации, опосредованный спецификой организации органов чувств, мозга, голосового аппарата человека. Относительно органов чувств и мозга можно сказать, что особенности их функционирования обусловлены спецификой земной среды обитания, к восприятию которой они адаптированы. Что же касается голосового аппарата, то, вероятно, одна из его функций - передача значимой информации в рамках сообщества. Подобного рода система, призванная коммуницировать информацию с минимальной затратой энергии при максимальной результативности, могла бы быть наиболее эффективной, если порождаемые ею сигналы были бы в каком-то отношении той же природы, что и сигналы, поступающие извне. Ведь восприниматься и перерабатываться эта "внутренняя" информация должна органами чувств и мозгом, адаптированными к восприятию и переработке сигналов внешней среды.

Таким образом, получается, что система "органы чувств - мозг - голосовой аппарат" должна быть приспособлена к порождению звуков и формированию звукосочетаний, в каком-то очень глубоком отношении родственных сигналам, поступающим к человеку из среды обитания. Это обеспечивает высокую экономичность подобной системы (в частности, не требуется дополнительного приспособления органов чувств и мозга к восприятию ее собственных сигналов).

Но в каком случае эффективность подобной системы была бы еще выше? Очевидно, если результирующие звукокомплексы не только были бы в некотором

глубинном отношении той же природы, что и обусловившие их возникновение сигналы внешней среды, но если бы они достаточно однозначно выражали фиксируемые в них содержания.

Если согласиться с возможностью подобной репрезентации специфическими коммуникативными средствами (сочетанием звуков) значимых для человека фрагментов среды, тогда получается, что звукокомплексы в выражениях базисной лексики праязыков фиксируют специфически человеческие особенности восприятия и осмысления соответствующих компонентов его опыта.

Очевидно, весь комплекс восприятий, когда-то живо стоявших за такими звукосочетаниями, ушел глубоко в сферу бессознательного. В то же время он, безусловно, представляет собой нечто общее для целой культуры (т.е. межличностный, надиндивидуальный опыт), является коллективным продуктом и коллективным достоянием.

Если допустить подобную зависимость между устойчивыми звукокомплексами и обозначаемым ими первичным (в описанном выше смысле) опытом человека, то находится определенный ключ к пониманию воздействия слов (например, в магических заклинаниях шаманов, колдунов) на психическое состояние человека, и даже более того - на течение соматических процессов. Интересной иллюстрацией, отражающей характер воздействия определенных звукосочетаний на психологическое состояние субъекта, а также на восприятие им возможностей собственного воздействия на течение объективных процессов, на наш взгляд, могут служить зафиксированные в буддистских сутрах "дхарани" - магические формулы, представляющие бессмысленный (с точки зрения представителей иной культуры) набор слогов или слов, произнесение которых обеспечивает приобретение власти над существами и понятиями, выраженными в этих формулах. В качестве примера можно привести дхарани, называемое "Сила, которую трудно

победить" и соответствующее третьей ступени продвижения бодхисаттвы к постижению сокровенных истин Будды (ступень "Сияние"): "да-чжи-та дань-чжай чжи-пань чжай-чжи чжэ-ла чжи-гао-ла-чжи чжи-ю-ли дань-чжи-ли со-хэ"⁷.

Итак, определенные данные заставляют обратить внимание на существование нетривиальных и не вполне объяснимых в рамках современной картины мира корреляций между бессмысленными (для современной культуры) звукосочетаниями самой различной природы (произвольными - как в эксперименте, который анализировался выше, или зафиксированными в традициях древней культуры - как в случае буддистских сутр) и наличием определенного отзвука, реакции на них во внутреннем мире человека. Это обстоятельство наводит на мысль о только кажущейся бессмысленности упоминавшихся звукокомплексов. Очевидно, в глубинных пластах системы личностных смыслов человека им все-таки соответствуют определенные содержания.

При этом возникает вопрос: какова природа этих зависимостей? Как они могли возникнуть, как эволюционировали, если сегодня мы практически полностью утратили представление об их характере?

Все эти вопросы производят впечатление относящихся к весьма узким областям человеческого знания. На самом же деле, ответ на них позволит по-иному взглянуть на многие вещи, фундаментально значимые для понимания природы человеческой мыслительной способности: эволюцию языка и мышления, особенности "внутренней речи", параметры информации, функционирующей на уровне подсознания, и др.

Как следствие, анализ природы творческого мышления может обогатиться за счет более адекватного понимания механизмов оперирования информацией на

⁷Игнатович А.Н. "Десять ступеней бодхисаттвы" (на материале сутры "Цзиньгуанмин цзюйшэ ванцзун")//Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1991. С.68.

разных стадиях мыслительного процесса и более верного представления о содержаниях системы личностных смыслов⁸, которыми человек оперирует в процессе творчества.

Поэтому обратимся к исследованию предпосылок формирования первичных звукокомплексов в процессе филогенеза.

Если мы сегодня зададимся вопросом, представляет ли собой слово форму образной или символической репрезентации информации, то, вероятнее всего, будет утверждаться последнее. Но должны ли мы считать, что так было всегда? А может быть можно предположить, что на стадии зарождения речи слово, звучащее слово (а вернее, некоторый звукокомплекс), выступало как спонтанная форма *образной* репрезентации информации?

Вообще, здесь следует оговориться, что попытки осмысления принципиально иной реальности в терминах современной культуры, о которых уже шла речь, находят свое выражение и тогда, когда мы задаемся вопросом, было ли изначально слово средством образного или символического представления информации. По существу, ситуация в этом случае сродни той, которая возникла, когда исследователи задавались вопросом, что обозначали первые артикулированные звуки - слова или предложения?⁹ Или - возник ли язык на основе предварительного формирования идей? Во всех этих случаях, на наш взгляд, происходит перенесение концептуальных схем более позднего происхождения на осмысление принципиально иного феномена, каким, возможно,

⁸Понятие личностного смысла выражает отношение субъекта к усваиваемой им безличной информации о мире как "значение-для-меня". Это понятие исторически связано с представлениями Л.С.Выготского о динамических смысловых системах, выражающих единство аффективных и интеллектуальных процессов. (Анализ различных аспектов проблемы личностных смыслов см. в главе 3.)

⁹Подобная постановка вопроса содержится, например, в труде Монбоддо, который в XVIII в. в Эдинбурге опубликовал 6-томное фундаментальное исследование "О происхождении языка".

было архаичное восприятие. Но за кажущейся очевидностью ситуации кроется определенная методологическая проблема: если мы обращаемся к анализу альтернативных культур, мы волей-неволей оказываемся вынужденными рассуждать о формах жизнедеятельности, в некоторых существенных моментах весьма отличных от того, что традиционно для нашей культуры. При этом у нас есть два пути: или изобрести новые термины со строго фиксированными значениями, исключаящими кросс-культурный перенос (но это чрезвычайно затруднит чтение и понимание работы), или изначально оговориться, что соответствующие понятия лишь с известной долей условности могут использоваться для осмысления принципиально иной реальности. Мы будем использовать этот второй вариант.

Итак, изначально, звучащее слово, а вернее звуко-комплекс, на наш взгляд, представляло собой форму спонтанного выражения субъектом комплекса собственных переживаний по поводу некоторой ситуации. По своей природе оно, с известной долей условности, может быть отнесено к форме прото-образного представления информации. Это был некоторый целостный образ, в снятом виде содержащий в себе образы различных модальностей. Хотя и такое утверждение не вполне правомерно, поскольку предполагает возможность расчленения их на отдельные компоненты - вкусовые, зрительные, тактильные и пр., что вряд ли было возможно на ранних этапах формирования мыслительной способности, когда человек представлял собой некое единое, настежь распахнутое навстречу миру "чувствилище". Собственные переживания и впечатления по поводу тех или иных ситуаций еще не могли быть объектом рассмотрения, так как человек не выделял себя из мира природы. Практически это выражалось в том, что происходившие в нем самом процессы, рождавшиеся чувства воспринимались как продолжение и составная часть процессов, происходивших вокруг него.

Но даже если мы начинаем рассматривать первич-

ные звукокомплексы как форму прото-образного, целостного освоения мира человеком, продолжает оставаться вопрос, как оказалось возможным, что различные представители одного сообщества приобрели способность спонтанно продуцировать сходно звучащие звукокомплексы для репрезентации сходных жизненных ситуаций? Определенные основания для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, дают исследования, осуществляемые в рамках социобиологии, а также теория экологического восприятия Дж.Гибсона.

Остановимся сначала на некоторых результатах, полученных в рамках социобиологии. В настоящее время уже установлено, что самые различные компоненты системы органов чувств человека, когнитивной способности и поведения имеют глубокие генетические основания. В частности, это касается цветового зрения, остроты слуха, способности ориентации в пространстве и др. Но если генетическое основание имеют те компоненты, на базе которых формируется интегрированный, целостный образ, то, вероятно, можно предположить, что подобная же обусловленность существует и для него. Как это допущение соотносится с возможностью спонтанного продуцирования сходных звуковых репрезентаций различными представителями сообщества?

Здесь, пожалуй, необходимо подробнее остановиться на некоторых положениях популяционной генетики, чтобы обосновать последующее рассуждение. Итак, сообщество состоит из одной или нескольких скрещивающихся популяций, принадлежащих к одному или нескольким видам, приспособленным к одной и той же среде обитания. Под популяцией понимается совокупность особей одного вида, единство существования которых поддерживается общностью происхождения и территории. Коэффициентом родства называют вероятность того, что соответствующие две особи несут в любом локусе аллели, идентичные по происхождению. (Здесь, очевидно, следует напомнить, что локусом назы-

вают местоположение гена в хромосоме. Аллель - один из нескольких вариантов гена, которые могут находиться в данном локусе хромосомы¹⁰).

Синтетическая теория эволюции, как известно, допускает, что генотины с более высокой приспособленностью¹¹ оставляют пропорционально большее число потомков, поэтому их гены в следующем поколении будут представлены с большей частотой¹².

Таким образом, поскольку в рамках одного сообщества скрещивание близкородственных особей происходит чаще, чем в различных, частота аутозиготных особей будет выше. Если, помимо этого, учесть, что более приспособленные члены сообщества оставляют более многочисленное потомство, вследствие чего их гены в популяции будут представлены с большей частотой, то станет понятной относительная близость генотипов одной популяции по сравнению с генотипами, выбранными наугад из различных популяций.

¹⁰Все последующие определения даются по книге: Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. М., 1982.

¹¹Напомним, что совокупность всех генов данного организма называют его генотипом. Под приспособленностью понимается относительный вклад особей в следующее поколение. При этом различают абсолютную приспособленность - участие особи в создании следующего поколения, и относительную - вклад в следующее поколение по сравнению с вкладом какого-либо другого генотипа, существующего в данной популяции.

¹²Всегда, когда брачные партнеры в среднем связаны более тесным родством, чем если бы они были выбраны наугад из популяции, говорят, что имеет место инбридинг (Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. С. 179). Инбридинг - это скрещивание близкородственных особей в пределах одной популяции. Если данная особь получит от родителей одинаковые аллели, то ее называют гомозиготной (Там же. С. 58). Если такая гомозигота имеет два гена, происхождение которых можно проследить от одного предка, ее называют аутозиготной. Так вот, инбридинг повышает частоту аутозиготных особей. Коэффициент инбридинга - это вероятность того, что данный индивид получит от родителей в данном локусе два гена, идентичных по происхождению (Там же. С. 180-181).

В то же время исследования, проводимые в настоящее время в рамках социобиологии, показали, что генетические вариации обуславливают изменения в когнитивных способностях, поведении, восприятии. Это, в частности, касается цветового зрения, остроты слуха, способности различения запахов и вкусов, времени овладения языком, правописания, перцептивных психомоторных навыков, экстравертности-интровертности, времени прохождения стадий Пиаже, некоторых фобий, некоторых форм неврозов, психозов и др. Кроме того, были выявлены единичные генетические вариации, которые обуславливают определенные когнитивные способности (данные Ахтона и др). Стало также очевидным, что мутации в отдельном локусе могут выразиться в глубоких, но очень специфичных изменениях в архитектуре мозговых тканей (данные Ракика). Эти изменения не только модифицируют поведение на локомоторном и перцептивном уровнях, но также влияют и на такие высокоуровневые функции, как выбор и решение (результаты Блисса и Эррингтона)¹³.

Таким образом, наличие более высокого генетического сходства представителей одного сообщества (по сравнению с представителями различных сообществ) позволяет предположить, что интегральная форма прото-образной репрезентации одной и той же жизненной ситуации (имеющая генетическое обоснование) будет у представителей одного сообщества более сходной.

Итак, ссылаясь на социобиологические и популяционно-генетические исследования, мы попытались показать, что представители одного сообщества могут спонтанно продуцировать близкие по звучанию звукокомплексы в сходных жизненных ситуациях. Но существуют ли основания, позволяющие понять, почему результирующие звукокомплексы, продуцируемые как форма спонтанной прото-образной репрезентации, бу-

¹³ *Lumsden Ch., Gushurst A. Gene-Culture Coevolution: Humankind in the Making // Sociobiology and Epistemology. Dordrecht, 1985. P.9.*

дут различаться в зависимости от характера ситуаций?

Определенные основания для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, дает теория зрительного восприятия Дж.Гибсона¹⁴.

Она базируется на предпосылке, в соответствии с которой понимание специфически человеческих способностей требует анализа с точки зрения реалий той среды, к восприятию и осмыслению которой адаптированы эти способности. Что это означает? Прежде всего должен быть очерчен круг событий, объектов, промежутков времени, восприятие которых доступно человеку. При этом оказывается, что крайние интервалы теоретически возможной шкалы (события, происходящие на уровне микро- и макрокосма) не могут восприниматься человеческими органами чувств. Речь может идти о восприятии размеров, масс и интервалов, укладывающихся в довольно узкую полосу значений. (Условно говоря, не слишком маленьких и не слишком больших.) И это не случайно. Мир с такими характеристиками - экологический, в отличие от физического - имеет свои законы функционирования. Что же касается органов чувств, то они адаптированы к восприятию тех объектов (а значит, размеров, масс, интервалов), которые встречаются в экологическом окружении.

Окружающий мир, с которым имеет дело человек, содержит и постоянные предметы с инвариантными свойствами, и предметы, свойства которых вариативны. Гибсон утверждает, что совершенно инвариантный окружающий мир, так же как и полностью вариативный, непрерывно меняющийся во всех своих компонентах, перестал бы быть окружающим миром в том смысле, который вкладывается в это понятие в рамках экологического подхода¹⁵. В нем были бы и пространство, и

¹⁴Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

¹⁵Вообще говоря, это понятие задается несколько неопределенно, через его соотношение с понятием "животное". А именно, постули-

время, и энергия, но не было бы среды обитания. По мнению Гибсона, ни человек, ни животное не могли бы существовать в таком мире.

Это весьма интересное замечание, особенно если учесть, что оно не так уж отвлеченно. Хотя на первый взгляд кажется, что оно касается нереализуемых на практике гипотетических крайних ситуаций, это все же не совсем так. Мы имеем в виду описанные в литературе случаи¹⁶, когда взрослым людям, слепым от рождения, в результате операции удавалось вернуть зрение. Оказалось, мир предстал перед ними в виде непрерывно вращающихся потоков света, уловить инварианты в которых им было чрезвычайно трудно. Ориентация их в окружающем была настолько затруднена, что для распознавания объектов им зачастую приходилось закрывать глаза и ощупывать предмет. Несмотря на длительное обучение, им так и не удавалось научиться достаточно хорошо различать более или менее сложные конфигурации. Степень эффективности их контакта с миром была минимальной. И, как это ни грустно констатировать, похоже, что позднее прозрение им, в отличие от исцеленной Иоланты, не принесло счастья.

Описанная ситуация, как нам представляется, показательна в двух отношениях. Во-первых, предположение

руется взаимодополнительность этих компонентов реальности: «слова "животное" и "окружающий мир" неразрывно связаны друг с другом. Употребление любого из этих понятий подразумевает наличие другого. Ни одно животное не могло бы существовать без окружающего его мира. Точно так же, хотя это и не столь очевидно, говоря об окружающем мире, мы подразумеваем какое-то животное (или по крайней мере какой-то организм), которое он окружает». (Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. С.31). Вместе с тем, в качестве характерного признака окружающего мира выделяется такое его качество, как принципиальная непустота, т.е. наличие разнообразных предметов, включенных в окружающий мир.

¹⁶Daucher H. Creativity as a Structural Problem of Thinking//Creativity Research. International Perspective. New-Delhi, 1980. P.81.

Гибсона о невозможности существования человека в мире, где он не может выделить инварианты, не так уж далеко от истины. Второе, на что хотелось бы обратить внимание, состоит в следующем. По существу, мир, предстающий перед зрячим и прозревшим человеком, - один и тот же. Но ими он воспринимается совершенно по-разному. Для одного - это множество объектов, некоторые свойства которых изменяются, другие же остаются относительно постоянными. Для второго - это непрерывно вращающиеся потоки света, в которых очень трудно (а поначалу и невозможно) выделить инварианты.

Чем обусловлено такое различие в восприятии одного и того же? И какая картина ближе к действительности?

Вероятно, в определенном смысле можно утверждать, что верны обе, но одна характерна для адаптированной к его восприятию системы "глаз - мозг", другая - не адаптированной. С чем связано затруднение адаптации зрительного восприятия к окружающему миру в зрелом возрасте - более или менее ясно: установлено, что существуют жестко очерченные временные границы, когда формируются те или иные способности организма. Если в течение соответствующих периодов не будут созданы условия для их развития, способность к их формированию угасает. Например, проводились исследования, в ходе которых щенята, имевшие от рождения нормальный зрительный аппарат, определенное время содержались в темноте. В результате они оставались слепыми на всю жизнь.

Те же зависимости действуют и для человека. Хотя эксперименты такого рода недопустимы, но в результате различных драматических обстоятельств бывали случаи, когда ребенок рос в стае животных. Подобная ситуация описана в знаменитой сказке Р.Кипплинга "Маугли". Однако в некоторых отношениях она радикально отличается от более печальной действительности. Оказалось, что дети, попавшие к животным в младенческом возра-

сте, вернувшись впоследствии к людям, так и не смогли адаптироваться к жизни нового для них сообщества. В частности, попытки обучить их языку были малоуспешными.

Таким образом, более или менее понятно, почему слепой от рождения, но прозревший человек с трудом приспосабливается к окружающему миру. Вопрос состоит в другом: как и за счет чего человек научается вычленять инварианты в мире, который в принципе может восприниматься и как лишенный инвариантов, состоящий из непрерывно крутящихся потоков света? Гибсон пишет, что для того, чтобы видеть мир таким, а не другим, человеку не нужно ни размышлять, ни высчитывать. Восприятие окружающего не опосредовано ни нервными, ни психическими процессами. Человек как бы ощущает мир. Как и за счет чего формируется такая непосредственность ощущения? Источником формирования зрительного восприятия, по Гибсону, выступает объемлющий оптический строй. Что означает это ключевое для теории экологического восприятия понятие? Приведем несколько выдержек, в которых не только задаются его характеристики, но и объясняется, почему они видятся автору такими, а не другими.

«... Свет не только проходит через околоземную среду, но и многократно отражается в ней. Свет мечется между поверхностями с громадной скоростью, достигая в конце концов некоторого устойчивого состояния. Свет частично поглощается веществами, из которых состоит окружающий мир. Эти потери должны непрерывно восполняться за счет источников света. Световой поток, возникающий в результате многократного хаотичного отражения, образует то, что мы называем освещением. Освещение "заполняет" собой среду. Это следует понимать в том смысле, что в любой точке имеется объемлющий свет, то есть свет, входящий в эту точку во всех направлениях»¹⁷. «Объемлющий свет задает окружа-

¹⁷ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию.

ющий мир лишь постольку, поскольку он обладает структурой. Иначе говоря, для того, чтобы свет содержал какую бы то ни было информацию, он в точке наблюдения должен быть различным для различных направлений (то есть сами направления должны отличаться друг от друга). Эти различия являются главным образом различиями в интенсивности. Для описания объемлющего света, обладающего структурой, "будет использоваться термин "объемлющий оптический строй". Этот термин подразумевает определенного рода упорядоченное размещение, то есть некоторый паттерн, текстуру или конфигурацию»¹⁸.

Нетрудно заметить, что в теории Гибсона предложена новая интерпретация характера воздействия света. Если в рамках традиционных физических представлений свет выступает как энергия, в экологической оптике он предстает как информация¹⁹. Изменение подхода, рассмотрение известного явления под другим углом зрения, приводит к тому, что на первый план выдвигаются иные характеристики. Так, если в физической оптике свет, излучаемый точечным источником, распространяется изотропно, одинаково во всех направлениях, в экологической оптике он различен для разных направлений (и именно поэтому может нести информацию об окружающем). В физической оптике у света нет структуры, в экологической - она есть. В физической - свет

С.44.

¹⁸Там же. С.89.

¹⁹Следует отметить, что понятие информации в данном подходе не является достаточно определенным. Оно задается через множество отрицательных признаков: информация не передается и не принимается, "когда наблюдатель приобретает информацию, окружающий мир не теряет ее. Такого явления, как сохранение информации, не существует. Ее количество не ограничено. Информация, содержащаяся в объемлющем свете, в колебаниях, в механических и химических воздействиях, неисчерпаема" (Там же. С.97). Таким образом, это понятие радикально отличается от понятия информации Шеннона.

расходится во все стороны от источника энергии, в экологической - он сходится в точку наблюдателя. Свет как бы охватывает собой точку (отсюда понятие "объемлющего светового строя").

Неоднородность объемлющего светового строя в различных направлениях (обусловленная неоднородностью окружающей среды и, тем самым, неоднородностью отражающих поверхностей) обеспечивает для наблюдателя возможность извлечения информации о характере реальности. Однородный во всех направлениях свет не несет информации о среде или несет лишь негативную - об отсутствии отражающих поверхностей или об их исключительной однородности (как в случае мельчайших капелек воды в тумане). В обоих этих случаях ориентация для человека исключительно затруднена, поскольку информация, к восприятию которой адаптированы его органы чувств, не поступает.

Гибсон выделяет некоторые фундаментально значимые и довольно устойчивые параметры среды, которые обуславливают развитие соответствующих способностей организма: "Она дает живым организмам возможность осуществлять газообмен, т.е. дышать, и позволяет передвигаться. Среда может быть заполнена светом, и благодаря этому животные могут видеть. Она позволяет обнаруживать колебания и диффундирующие химические вещества. Она однородна. И наконец, у нее есть абсолютная система отсчета - верх и низ. Все, что природа предлагает животным, все те способы действий, которые она им предоставляет, или, как мы будем говорить, все те возможности, которые она перед ними открывает, - все это инвариантно. Как ни удивительно, но ничего из этого не изменилось с того времени, как на Земле появилась жизнь"²⁰. Это и есть те устойчивые параметры земной среды обитания, к восприятию которых адаптированы органы чувств человека.

В рамках этой теории выделяются три вида собы-

²⁰ Гибсон Дж. Экологический подход... С.47.

тий: изменение компоновки поверхностей, изменение цвета и текстуры поверхностей и изменения, связанные с самим существованием поверхностей. Поскольку информацию об окружающем мире человек извлекает из объемлющего светового строя, Гибсон задается вопросом, какие изменения происходят в нем, когда в мире совершается событие? По его мнению, происходит возмущение инвариантной структуры светового строя.

Вообще, понятие "инвариантов светового строя" является фундаментальным для экологической теории зрительного восприятия. Решение многих проблем упирается в вопрос о том, что представляют собой эти инварианты и как возможно их вычленение в объемлющем световом строе, если структура его постоянно изменяется вследствие происходящих в среде событий, движения наблюдателя, а также непрерывного перемещения солнца по небосводу.

Инварианты в строе задаются различной относительной интенсивностью отражения света поверхностями, по-разному отклоняющимися от направления преобладающего освещения. Степень отклонения для жестких объектов будет фактором более или менее устойчивым. Направление преобладающего освещения - тоже. Правда, по мере движения солнца по небосклону направление преобладающего освещения будет изменяться, но в этом изменении существует довольно устойчивая глубинная структура. Перемещение наблюдателя также повлияет на изменение структуры строя, но и здесь будут инварианты, обусловленные относительной устойчивостью компоновки поверхностей и сохранением пропорций во множестве возникающих проекций²¹.

Еще один тип инвариантов объемлющего оптического строя будет задаваться относительной устойчивостью отражательной способности поверхностей, поскольку вещества, как правило, проявляют химическую

²¹ Там же. С.119.

инертность при соприкосновении с воздухом и в силу этого сохраняют относительное постоянство своего состава. Отсюда - устойчивый цвет²².

Нас же понятие инвариантов особенно интересует в связи с необходимостью объяснить, как возможно спонтанное, естественное возникновение сходных голосовых репрезентаций у различных членов сообщества для выражения комплекса собственных переживаний по поводу ситуации. Представляется, что теория Гибсона во многом позволяет пролить свет на этот вопрос. И хотя содержащиеся в ней выводы непосредственно касаются зрительного восприятия, многие положения (как отмечал сам Гибсон) справедливы и для образных репрезентаций других модальностей - слуха, обоняния, вкуса.

Но здесь возникают определенные сложности. Согласно теории, объемлющий оптический строй уникален в каждой точке наблюдения. Как же возможно наличие сходных восприятий одной и той же точки одновременно? Гибсон видит такую возможность в потенциальной доступности точки, занимаемой одним наблюдателем, для любого другого наблюдателя. Более того, возможное движение наблюдателя из одной точки в другую, хотя и влечет изменение светового строя, но позволяет ему извлекать инварианты (благодаря наличию относительно устойчивой компоновки поверхностей и сохранению пропорций проекций, возникающих при движении). Таким образом, потенциальная доступность любой точки наблюдения для различных субъектов, а также наличие инвариантов объемлющей среды обусловят возможность существования сходных зрительных восприятий одной и той же жизненной ситуации различными субъектами.

Кроме того, так как выводы теории Гибсона во многом справедливы для слуха, вкуса, обоняния, осязания, то каждая из этих способностей имеет в своей основе определенные особенности среды обитания, к условиям

²²Там же. С. 136, 181.

которой адаптирован человек: возможность слуха обусловлена проницаемостью среды для акустических волн, обоняния - возможностью диффузии молекул химических соединений, цветового зрения - химической инертностью в воздушной среде тех веществ, поверхности которых доступны восприятию человека, и, как следствие, относительной устойчивостью их состава.

Но поскольку все эти формы восприятия, очевидно, также базируются на вычленении инвариантов, задаваемых спецификой земной среды обитания человека, постольку и применительно к ним формируются сходные репрезентации у потенциальных "слушателей", "осязателей" и др. (так же, как и у "зрителей").

Но если это так, тогда и складывающиеся на их основе интегральные прото-бразы, базирясь на инвариантах объемлющего оптического (химического, акустического...) строя, будут у членов одной популяции сходными.

Итак, потенциальная возможность восприятия одних и тех же параметров окружающей среды, возможность вычленения сходных инвариантов объемлющего оптического (акустического, химического...) строя обусловят и сходство результирующих звуковых прото-образных репрезентаций близких жизненных ситуаций членами одного сообщества.

Но если это так, то возникает вопрос, почему же языки различаются между собой? Ведь если каждая точка потенциально доступна наблюдателю, и любой наблюдатель потенциально имеет возможность извлечь одинаковые инварианты объемлющего строя; то получается, что и форма спонтанных выражений подобным образом складывающихся сходных восприятий не должна различаться. В действительности же существует множество различных языков, у которых одни и те же объекты и явления имеют различные наименования. Причем представители одной культуры именуют их сходным образом, а различных - по-разному. Может ли это обстоятельство быть объяснено в рамках предлага-

емой гипотезы, а также теории Гибсона? Как нам кажется, да.

Известно, что популяции различаются по многим параметрам, в том числе и в зависимости от занимаемой территории. Иначе говоря, в пределах определенного ареала обитания ее члены могут осуществлять все формы жизнедеятельности - кормиться, отдыхать, заботиться о потомстве. Но за его пределами может находиться (и чаще всего находится) территория иной популяции, активно защищаемая от вторжения "чужаков".

Применительно к обсуждаемым вопросам существенным представляется то, что хотя по теории Гибсона любая точка наблюдения является потенциально доступной для любого наблюдателя, но на практике эта установка может быть реализована лишь с весьма существенными оговорками. А именно: потенциально доступна любая точка, находящаяся на территории, занимаемой данным сообществом. Это, в свою очередь, означает, что среда обитания и, соответственно, инварианты, которые служат источником формирования собственных восприятий, для представителей различных сообществ будут более или менее существенно различаться. В результате, инварианты, доступные членам одной популяции и характерные для местности их обитания, могут оказаться недоступными для членов других популяций и не столь характерными (или совсем не характерными) для их среды обитания. Например, "морские" цивилизации достаточно существенно отличаются от "сухопутных" (при такого рода сопоставлениях необходимо учитывать условия расселения соответствующих этносов - всегда ли они занимали эти территории, или, возможно, их культура, язык, обычаи сформировались в иных условиях и лишь затем были принесены в новые места).

Поэтому отличия в наименованиях, используемых для обозначения сходных жизненных ситуаций в рамках различных культур, могут объясняться также и отличиями в характере среды обитания: различные и

условия, отличия территорий, на которых протекает жизнь членов сообществ, обуславливают отличия в характере тех инвариантов, которые вычлениются ими в процессе восприятия.

Данное обстоятельство, в сочетании с ранее обсуждавшейся генетической обусловленностью изменчивости различных компонентов восприятия у представителей разных сообществ, - все это приведет к тому, что в рамках единой культуры спонтанно будут формироваться сходные звуковые репрезентации комплексов собственных впечатлений. И напротив, чем в большей степени различается та реальность, к восприятию которой адаптированы органы чувств человека (а также, чем больше отличия генотипов), тем более существенными будут отличия в результирующем целостном прото-образном представлении собственных впечатлений по поводу близких жизненных ситуаций.

Итак, мы надеемся, что проведенный анализ позволил показать, как, почему и за счет чего возможно спонтанное формирование сходных прото-образных звуко-комплексных репрезентаций для выражения сходных содержаний.

Образ как символ

Следующий важный этап развития языковой и мыслительной способности - это начало более или менее систематического функционирования первичных индивидуальных звукокомплексов в коммуникативных актах.

Анализируя проблему формирования фундаментальной для человека способности обмениваться информацией, автор ранее упоминавшейся теории *info* (культурно передаваемой экологической информации) Д.Смайлли пытается наметить некоторые стадии, через которые этот процесс прошел в филогенезе²³.

²³Smilie D. Sociobiology and Human Culture//Sociobiology and Epis-

Он опирается на изучение языковой способности ребенка на ранних стадиях его развития (от 9 месяцев до двух лет). Смайлли соглашается с тем, что широко распространенное представление о повторяющихся в онтогенезе основных моментах филогенетического развития может быть принято лишь с известными оговорками. Тем не менее он полагает, что, когда старые структуры используются в эволюции для выполнения новых функций, виды сохраняют то, что работоспособно в старых паттернах²⁴. Примерами такого рода наследования могут служить трансформации значения хватательного рефлекса у младенцев или оперения у птиц.

Так, например, данные свидетельствуют о том, что рептильный предок птиц культивировал оперение независимо от его "летательной" функции, просто как систему, способную обеспечить изоляцию теплокровного животного от холода. И лишь позднее эта форма преадаптации была утилизирована потомками как составная часть системы, обеспечивающей возможность совершения полетов²⁵.

То же и хватательный рефлекс у младенца. Известно, что в первые 2-3 месяца жизни ребенок крепко схватывает все, что прикасается к его пальцам. Эта форма поведения имела жизненно важное значение и была адаптивной у предковых видов, когда детеныш был вынужден крепко держаться за шерсть матери, чтобы не упасть. Со временем первоначальный смысл этой формы поведения утратился: тело матери не покрыто шерстью, да и для выживания ребенку больше не надо хвататься за мать. Но рефлекс сохранился. В нем зафиксирован реликт старой адаптивной системы, но теперь он служит реализации новой, чрезвычайно важной с

jeinology. Dordrecht, 1985.

²⁴ Паттерн (pattern) - труднопереводимое слово. Обычно используется для характеристики плоскостных конфигураций. Может использоваться в значении "упорядочение", "схема".

²⁵ Smillie D. Sociobiology and Human Culture. P.83.

точки зрения развития человека, активности - манипулированию предметами²⁶.

В рамках этой общетеоретической установки о сохранении некоторых компонентов филогенетически более ранних структур в том случае, если они могут эффективно использоваться для выполнения новых, значимых для организма функций, Д.Смайлли рассматривает отношения языка и *сiño*. Прежде всего он полагает, что способность к языку - эволюционно старая система с прочно заложенным биологическим фундаментом, как в мозгу, так и в голосовом аппарате человека²⁷. Д.Смайлли стремится реконструировать процесс эволюции мышления, приведший к возможности передачи *сiño*. При этом за основу, как уже отмечалось, принимаются определенные вехи в развитии языковой способности ребенка. Между 9 и 13 месяцами ребенок начинает использовать специфические жестовые и вокальные сигналы, имеющие идентифицируемое функциональное содержание. Их можно рассматривать как неязыковые, выполняющие некоторую коммуникативную функцию, но еще не являющиеся элементами истинной лингвистической системы. Существуют свидетельства, что эти сигналы распознаются не только собственными, но и чужими родителями, и даже взрослыми, принадлежащими к другим лингвистическим группам.

Изучение двух групп детей одного возраста - итальянцев и американцев - показало, что ими использовались четыре сигнала, которые условно могут быть названы "давание", "ритуальная просьба", "коммуникативное указание" и "показывание". При этом первые два опосредуют разделение ролей в ходе социального взаимодействия, а вторые два служат цели привлечения внимания взрослого.

В плане анализа эволюции коммуникативной системы этим функциям сигналов до-лингвистического

²⁶*Ibid.* P.84.

²⁷*Ibid.* P.81

поведения детей Смайлли ставит в соответствие определенные формы жизнедеятельности человека на ранних стадиях филогенеза. Сигналы разделения социального взаимодействия он связывает с историческим формированием типичного лишь для человека разделения труда между мужчинами и женщинами, выразившегося в том, что первые могли больше времени и сил отдавать добычливанию пищи (в том числе и на значительном удалении от дома), а вторые - больше внимания и заботы уделять потомству. Значимость этого обстоятельства с эволюционной точки зрения трудно переоценить, поскольку продление периода детства, повышение выживаемости за счет большего внимания и заботы со стороны родителей о потомстве (при прочих равных условиях) обеспечивают большую адаптивность²⁸ вида.

Вторая функция, сыгравшая, по мнению Смайлли, фундаментальную роль в становлении человека как вида, - это функция показывания, которую следует отличать от имитации. Имитация развита у многих видов и выражается в воспроизведении одним некоторой последовательности действий другого. У человека же эта способность опосредована множеством формальных коммуникативных сигналов. Она получает дальнейшее развитие за счет формирования потребности сознательного, преднамеренного привлечения внимания партнера к собственным действиям, а также выработки определенных сигналов, опосредующих эту активность.

Следующий этап в формировании языковой способности ребенка (примерно с 13 месяцев) - использование отдельных слов, чтобы выразить и коммуницировать новые содержания. С эволюционной точки зрения при этом осуществляется переход от стадии, где комму-

²⁸ Адаптивные возможности оцениваются как более высокие в случае более высокой интенсивности размножения, или относительно более высокой выживаемости потомства, или когда совокупный эффект смертности и скорости размножения выражается в увеличении числа выживающих потомков.

никативные сигналы использовались для опосредования социального взаимодействия, к стадии, где фокус перемещен на сами объекты.

В филогенетическом плане этой стадии, по мнению Смайлли, соответствует такое развитие человека как вида, когда им предпринимаются сложные коллективные действия, требующие от участников высокой согласованности поступков. При этом способность обозначать объекты и дифференцировать различные их виды могла придавать совместной деятельности совершенно новое качество и открывать новые перспективы. Но пока - это инструмент для оперирования перцептивно данным миром. Он еще не может быть использован для обмена информацией о том, что отсутствует или что неизвестно одному из коммуникантов.

После 18 месяцев ребенок начинает комбинировать слова и овладевает синтаксисом родного языка. С развитием этой новой способности он оказывается в состоянии передать то, что происходит или происходило, и даже иметь дело с воображаемым в игре. Это один из смыслов того, что Пиаже назвал эгоцентричностью - вера в то, что все, известное ребенку, известно и его аудитории. (К вопросу о природе эгоцентрической речи мы еще вернемся, поскольку она действительно составляет важнейший этап когнитивного развития человека.)

И наконец, тот самый момент, когда у члена сообщества появляется осознанное стремление передать информацию о некоторой ситуации, которой он владеет, другому, кто не был непосредственным участником события и, следовательно, не может иметь собственного знания о нем. С этим этапом, по мнению Смайлли, и связано формирование и закрепление фундаментальной для человека и бесценной с точки зрения эволюции человечества способности передавать экологически значимую информацию, которая может быть использована для увеличения адаптивных возможностей человека. Так создается совершенно нового типа ресурс, именуемый

одними адаптивной зоной, другими - новым экотопным пространством. Его эксплуатация позволяет человеку доминировать над средой.

Подобная реконструкция логики формирования коммуникативной системы, несмотря на возможную спорность отдельных ее положений, на наш взгляд, представляет значительный интерес, поскольку в ней предпринята попытка увязать такие формы современного знания, как развитие языковой способности в детстве, эволюция различных форм жизнедеятельности человека в филогенезе и стадии развития отдельных компонентов коммуникативной системы.

Хотелось бы также обратить внимание и еще на один момент. Как уже отмечалось, в основании приведенной реконструкции логики формирования коммуникативной системы лежит убеждение в том, что привычные для нас структуры (понимание роли которых устоялось в современной культуре и обусловлено анализом тех функций, которые они выполняют в сложившихся на сегодняшний день формах жизнедеятельности) могли формироваться как предназначенные для выполнения совершенно других функций. И лишь впоследствии, благодаря возможности их использования в рамках развития новых навыков, оказались включенными в функционирование позднее сложившихся структур.

Для нас подобные свидетельства очень важны, поскольку среди функций языка, давно ставших привычными для современной культуры, мы стремимся обнаружить те компоненты реликтового существования этой системы, которые формировались как предназначенные для решения совсем других задач.

В этом плане такие функции языка как коммуникативная, экспрессивная, номинативная представляются нам более поздними формами развития человеческой мыслительной и языковой способности. Исторически более ранней формой прото-лингвистической активности, на наш взгляд, было продуцирование первичных звукокомплексов, выступавших как форма спонтанной

фонетической репрезентации определенной жизненной ситуации в виде некоторого интегрального целостного образа (вернее, прото-образа)²⁹.

Вернемся теперь к обсуждению вопроса об особенностях трансформации первичных звукокомплексов в ходе расширения и углубления сферы коммуникативных актов. В каком направлении будут эволюционировать звукокомплексы, становясь частью коммуникативной системы, и какое влияние эти процессы окажут на эволюцию мыслительной способности человека?

Здесь, как нам представляется, необходимо принять во внимание два фактора. Первый - степень репрезентативности отдельных компонентов звукокомплексов (с точки зрения кодируемого в них содержания) в рамках коммуникативного акта. И второй - постепенно происходящую ритуализацию поведения.

Остановимся сначала на первой стороне проблемы. Несмотря на то что представители одного сообщества оказываются в состоянии продуцировать близкие по звучанию звукокомплексы, как выражающие совокупность собственных переживаний по поводу сходных ситуаций, тем не менее эти комплексы не могут быть полностью тождественными. Существование различий в них неизбежно. Оно обусловлено целым рядом обстоятельств: во-первых, генотип родичей (кроме случая однойцевых близнецов) хотя и близок, но все же различается. Значит генетическая обусловленность различных компонентов восприятия, будет хотя и достаточно близкой, но не тождественной.

Во-вторых, несмотря на то что потенциально члену сообщества доступна вся территория, которую занимает данное сообщество, все же различные формы его жизнедеятельности протекают в некотором более ограниченном пространстве.

²⁹Соотношения первичных прото-образов и современных нашей культуре форм образной репрезентации информации мы специально коснемся позднее.

И в-третьих, различный жизненный и личностный опыт у различных субъектов также обусловит определенные отличия в восприятии сходных феноменов. Все эти обстоятельства (а возможно, и некоторые другие) приведут к тому, что результирующие первичные звукокомплексы хотя и будут у представителей одного сообщества в определенных компонентах сходными (что и предопределяет возможность коммуникации), но сохранят на себе печать "личности их творца", будут содержать компоненты, отражающие то особенное, неповторимое в восприятии, что присуще именно данному индивиду.

В каком направлении будут видоизменяться звукокомплексы в процессе коммуникации? По мере расширения и углубления коммуникативных актов будут стираться, нивелироваться, утрачиваться те компоненты звукокомплексов, которые представляют индивидуальное, неповторимое в нем и поэтому затрудняют коммуникацию, т.е. по меньшей мере не способствуют лучшему взаимопониманию. И напротив, те составляющие звукокомплексов, которые выражают общее в понимании, восприятии, видении исходного феномена и служат, по существу, основой коммуникации, будут закрепляться в сознании членов сообщества.

Еще один фактор, в том же направлении влияющий на изменение характера звукокомплексов, - это происходящая в процессе эволюции ритуализация поведения. О. и Д.Солбриг отмечают³⁰, что первоначальная функция поведения может модифицироваться и приобретать коммуникативный характер. В ходе ритуализации первоначальное поведение обычно упрощается и одновременно усиливается, превращаясь тем самым в более эффективный сигнал. Иногда это сопровождается морфологическими изменениями, делающими сигнал еще более заметным.

Эта закономерность так же реализуется примени-

³⁰Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. С.428-429.

тельно к интересующему нас вопросу. И в частности, спонтанное продуцирование членами сообщества звукокомплексов, первоначально являвшихся средством прото-образной репрезентации комплексов собственных впечатлений по поводу тех или иных жизненных ситуаций, в процессе эволюции будет приобретать коммуникативный характер. В результате, звукокомплексы будут изменяться в направлении постепенного их упрощения (в целом) и, вместе с тем, усиления отдельных их компонентов. Упрощение, вероятно, выразится в том, что элементы звуко сочетаний, являющиеся менее репрезентативными в отношении предмета коммуникативного акта, будут постепенно элиминироваться. И, напротив, те, что наиболее однозначно воспринимаются и интерпретируются членами сообщества, будут закрепляться.

Все это приведет к тому, что видоизмененные первичные звукокомплексы, в большей мере приобретая характер коммуникативных сигналов, начинают функционировать в сообществе как образы-символы: образы, поскольку они производны от определенных форм образной комплексной репрезентации картины мира; символы - поскольку они приобретают черты совершенно иного типа информации, который и функционирует по-иному, и по-иному связан с обусловившей его возникновение реальностью. С развитием и расширением сферы коммуницируемых содержаний субъекту уже нет необходимости оживлять в своем сознании всю целостную, яркую картину, которая послужила первоисточником восприятия ситуации. Минуя ее, образ-символ оказывается достаточно непосредственно связанным с зафиксированным в нем содержанием.

Но здесь начинает действовать и принципиально новый фактор, обуславливающий эволюцию человеческого мышления. Те компоненты звукокомплексов, которые функционируют в сообществе в качестве образов-символов, косвенно начинают влиять на характер восприятия индивида. И в частности, совокупности собственных переживаний (впечатлений) субъекта, которые

первоначально выступали как целостные, нерасчлененные сущности, становятся для него неравноценными: то содержание собственных впечатлений, которое послужило источником формирования компонентов звукокомплексов, зафиксированных в образах-символах, начинает восприниматься как более значимое (и потому, что оно присутствует и в комплексах восприятий других членов сообщества, и потому, что оно служит основой взаимопонимания в коммуникативных актах). И напротив, компоненты восприятия, на которых базировались элементы звукокомплексов, затрудняющие взаимопонимание и не закрепившиеся в символах-образах, оказываются для субъекта в некотором смысле менее значимыми.

Формирование такой способности расчленения, оценки по степени значимости своих восприятий, на наш взгляд, служило источником становления более сложной мыслительной способности - представления определенной ситуации как совокупности ее признаков, иначе говоря, процедуры интенционализации.

С чем могло быть связано формирование такой способности? Компоненты звукокомплексов, в процессе коммуникации закрепившиеся как наиболее репрезентативные (для членов данного сообщества) в отношении некоторой ситуации, уже не были выражением индивидуальных, спонтанных, целостных ее переживаний. Все личностное, неповторяющееся отсеклось. Зафиксировалось то, что наиболее однозначно воспринималось членами данного сообщества, как указывающее на некоторую данную ситуацию.

Закрепление такого "ярлыка", "репрезентата", заменившего исходные индивидуальные формы звукового выражения личностных переживаний по поводу ситуации, в силу наличия обратной зависимости, постепенно изменило и характер индивидуального восприятия соответствующих ситуаций. Комплексное, нерасчлененное, целостное, непосредственное восприятие и выражение постепенно уступало место "выжимке",

"абстракту" исходной ситуации, т.е. такому восприятию где некоторые ранее присутствовавшие его компоненты оказывались стертыми, другие же начинали акцентироваться. Но и это не все. Акцентированные параметры уже не были в собственном смысле слова компонентами тех исходных личностных восприятий, которые послужили источником формирования образов-символов. Хотя в их основе и лежали все те же компоненты чувственного восприятия и представления информации, но после формирования образа-символа, как репрезентата ситуации, и его обратного воздействия на характер восприятия изменились и сами исходные компоненты комплексного восприятия индивидом ситуации. Они были уже не столь непосредственными, как первоначально: имели более сложную историю формирования. В их генезисе уже участвовали образы-символы, закрепленные в данном сообществе как наиболее репрезентативные в отношении исходной ситуации.

Вероятно, этот процесс видоизменения характера восприятия на основе обратного воздействия на него формы репрезентации и лежал в основе формирования тех прото-форм восприятия информации, которые мы теперь именуем признаками (предметов, объектов, явлений). Эти признаки были двойственными по своей природе. С одной стороны, они базировались на индивидуальных комплексных спонтанных переживаниях членами данного сообщества некоторой исходной ситуации (т.е. содержали момент субъективного). С другой — они несли на себе отпечаток зафиксированного в процессе коммуникации и видоизмененного (по отношению к множеству исходных репрезентаций) образа-символа, начавшего выполнять функции обозначающего (и в этом смысле содержали элемент интерсубъективного восприятия исходной ситуации). В любом случае, эти видоизмененные комплексы восприятий, которые содержали в себе знание о репрезентативности соответствующего образа-символа, не были теми же самыми что лежали в основе формирования прото-образов и

представляли собой сугубо индивидуальные конструкты.

В прогрессировании такого влияния мы видим основу формирования и эволюции операции интенсификации информации (представления ситуации в виде совокупности признаков, характеристичных для нее). Это открывало пути для складывания совершенно новых навыков оперирования информацией. И прежде всего, сопоставления объектов, выявления некоторых классов, отнесения объектов к классу и др.

Неверно думать, что в зачаточной форме эти процедуры не существовали ранее. И сопоставление ситуаций, и их отнесение к некоторому классу событий может осуществляться и в до-символических формах. Однако оно отличается по ряду параметров. Во-первых, осуществляется спонтанно, не является объектом сознательно направляемых усилий. Во-вторых, ситуации сопоставляются как целостные сущности, причем сравнение в значительной степени базируется на уподоблении собственных впечатлений по поводу этих ситуаций. Переход к формированию средств символического оперирования информацией, и в частности складывание способности интенсификации информации, создал предпосылки для более широкого использования операции сопоставления. И вот почему. Вряд ли имеет смысл отрицать, что жизненные ситуации достаточно разнообразны, и их буквальное и точное во всех деталях повторение - относительно редкий случай. К тому же внутренний мир человека также подвержен многообразным влияниям и вследствие этого весьма изменчив. Поэтому как комплексы собственных впечатлений по поводу жизненных ситуаций, так и результаты их сопоставления будут различными в различных ситуациях. В этой связи класс прототипов, который может быть сформирован на основе подобного типа восприятия и оценки, будет достаточно ограниченным.

Напротив, в том случае, если сформировался иной тип восприятия, базирующийся на сопоставлении по отдельным параметрам сравниваемых ситуаций, появ-

ляется возможность соотносить достаточно отдаленные фрагменты жизненного опыта, в целом не воспринимающиеся как сходные и не вызывающие близких комплексов восприятий. Иначе говоря, появляется возможность сопоставлять ситуации не только в целом, но и по отдельным параметрам, что, безусловно, расширит как сферу использования этой мыслительной операции, так и класс выделяемых на этой основе прототипов. Одна и та же ситуация может соотноситься с множеством других, достаточно от нее отличных, по самым разным параметрам. При этом изменяется сама основа соотнесения - не целостные комплексы собственных впечатлений по поводу целостно воспринимаемых ситуаций, а отдельные свойства самих этих ситуаций.

Именно на этой основе, на наш взгляд, становится возможной реализация тенденции к выявлению регулярностей, которая (в качестве необходимого условия) предполагает возможность отвлечения от множества параметров сравниваемых ситуаций, что само по себе является достаточно сложной мыслительной процедурой, которая становится возможной лишь с момента формирования способности к акцентированию отдельных компонентов восприятия как более репрезентативных по отношению к ситуации. Сформировавшись, подобная тенденция, очевидно, получает генетическое закрепление, поскольку (как основа развития прогностических способностей) обеспечивает существенно большие адаптивные возможности для особей, преуспевших в плане ее развития³¹.

³¹ Имеется в виду их более высокая относительная приспособленность (вклад в следующее поколение по сравнению с вкладом другого генотипа), являющаяся, одной стороны, следствием общего увеличения продолжительности жизни более приспособленных членов сообщества, с другой - возможностью более интенсивного размножения (поскольку, как известно, в стрессовой ситуации продуктивная способность снижается, а лучшая адаптированность обеспечит и большую стрессорную устойчивость). В целом же эти факторы увеличат в генофонде популяции частоту сочетаний генов,

Очевидно, можно утверждать, что способность к эффективному вычленению регулярностей в потоке восприятия становится адаптивным признаком³².

Так в сфере мыслительной активности человека наряду с ранее существовавшими комплексами целостных, нерасчлененных восприятий начинают функционировать психические содержания, имеющие несколько иные характеристики. Во-первых, как было показано, они содержат элемент интерсубъективности. Во-вторых, в ходе регулярного употребления в коммуникативных актах их связь со сферой обусловивших их феноменов настолько упрочивается, что соответствующий звукокомплекс начинает выступать как достаточно непосредственный заместитель некоторой исходной ситуации. Понятно, что следующим (хотя и довольно отдаленным) шагом на этом пути станет оперирование символами и относительно независимо от обозначаемого содержания (что нередко осуществляется в разного рода символических построениях).

Итак, все рассмотренные формы оперирования информацией - и интенционализация (задание объекта через совокупность его признаков), и структурирование (выделение более и менее существенных свойств, связей, отношений), и сравнение информации по выделенным признакам, и выявление регулярностей в потоке восприятия - все эти мыслительные процедуры принципиально отличаются от форм оперирования информацией, базирующихся на образных репрезентациях. Как возможно их формирование? Ведь если изначальное восприятие нерасчлененно, целостно, то откуда же бе-

унаследованных от тех сородичей, которые оказались более эффективными в плане развития способности выделения регулярностей в потоке восприятия и формирования на этой основе адекватных форм поведения.

³²Напомним, что адаптивен такой признак, которому благоприятствует отбор, сохраняя особей, обладающих этим признаком, и элиминируя тех, кто лишен его (Салбриг О., Салбриг Д. Популяционная биология и эволюция. С.327).

рется расчленение, выражение в совокупности признаков, выявление регулярностей?

Как мы стремились показать - из двойственной природы образов-символов, возникающих вследствие трансформации исходных прото-образов в процессе коммуникации. Именно отсюда - вычленение из всего комплекса личностных восприятий некоторых параметров ситуации, как более существенных. И далее - через систему обратных связей - влияние такой дивергенции на характер исходного восприятия. В этом смысле, действительно, первоосновой всей собственно человеческой культуры стало слово. (Вспомним Евангелие от Иоанна: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... 3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; 5. и свет во тьме светит, и тьма не объяла его"³³.)

Когда первичный звукокомплекс в процессе коммуникации превращается в Слово, возникают и развиваются и все формы представления и оперирования информацией, которые создали современную культуру, которые обусловили развитие символического мышления (и не только его, но и современные формы образного мышления, которые существенно отличаются от реликтовых форм прото-образного восприятия). Формируются новые типы осмысливаемой реальности - символическая и - что не менее важно - субъективная. А именно, то, что раньше не вычленялось как более или менее самостоятельная, достойная внимания и специального рассмотрения область, выступало лишь как составная часть, продолжение общемировых процессов, с формированием образов-символов начинает постепенно становиться объектом рассмотрения, оценки.

Подобное изменение восприятия значимости мира собственных переживаний формирует предпосылки для целого класса новых отношений. Во-первых, в рамках

³³Святое Евангелие. СПб., 1907. С.249.

прежнего отношения к природе, строившегося по типу "я - ты", начинает вызревать отношение по типу "я - оно". Это приводит к тому, что то, что раньше рассматривалось как одушевленное, действенное, активное начало, постепенно начинает восприниматься как пассивное, подчиненное, зависимое³⁴.

Во-вторых, благодаря изменению статуса собственных восприятий трансформируется понимание человеком своего места в природе: от полной слитости, растворенности в ней начинается постепенный переход к осознанию относительной независимости и самостоятельности своего "я". Это приводит к тому, что человек начинает вычленять себя из окружающего мира. Ему открывается совершенно новый тип реальности - субъективная реальность, которая оказывается столь же безграничной и неисчерпаемой, как и объективная.

Очевидно, с этим этапом эволюции мыслительной способности связано формирование аутистического мышления³⁵. Это чрезвычайно важный момент: именно внимание к своему внутреннему миру, к его дорожкам и конструктам, к продуктам его активности, на наш взгляд, станет основой формирования воображения, фантазии, интуиции и, в конечном счете, творческой способности человека.

³⁴Концентрированным выражением начинающейся трансформации понимания отношения природы и человека, на наш взгляд, могут служить существенно более поздние сентенции: "Природа - мастерская, а человек в ней работник", "Не ждать милостей от природы, а взять их у нее" и т.д.

³⁵Термин "аутизм" ввел Е.Блейлер для обозначения определенных форм психических нарушений (снижение способности управлять своим мышлением, сосредоточенность на ограниченном круге тем и желаний, стремление избежать внешних контактов и др.). В норме термин "аутистическое мышление" стал использоваться для обозначения ненаправленного мышления. Его отличают от мышления реального, ориентированного на решение задач адаптации индивида к условиям среды. Аутистическое мышление иногда называют "сном наяву".

Известно, что продуктивная деятельность мышления осуществляется с опорой на невербальные средства оперирования информацией. Однако, как представляется, первичные нерасчлененные и не выделявшиеся субъектом комплексы впечатлений вряд ли могли бы служить основой такой активности. И дело не только в том, что в процессе творческой деятельности параллельно функционируют средства левополушарного и правополушарного восприятия и переработки информации³⁶, и не только в том, что без этапов осознанного осмысления информации (анализ исходных данных, выявление возможных связей и отношений поступающей информации с хранящейся, оценка различных компонентов информации с точки зрения существующих в обществе культурных традиций, функционирующей картины мира, устоявшихся представлений различной природы и др.) творческий результат не мог бы быть сформулирован, осознан и включен в существующую систему знания. Дело в том, что прото-образные репрезентации, продуцировавшиеся на ранних этапах эволюции мышления, вообще не выступали для человека как потенциальный объект рассмотрения. Его внутренние переживания, ощущения, впечатления до определенного момента воспринимались им как продолжение и составная часть непрерывно совершающихся вокруг него изменений.

Все это становится особенно отчетливо видимым, если принять во внимание необыкновенную остроту, яркость, сверхъестественную (с точки зрения современной культуры) чуткость к восприятию окружающего представителей ранних культур. Так, бушмены способны чувствовать приближение какого-либо человека, животного или наступление некоторого события задолго до того, как это становится доступным представителю "технократической цивилизации".

При этом основанием такого узнавания служит эм-

³⁶См. главу 2 данной книги.

патия, удивительное уподобление (и даже слияние, идентификация) своего "я" с существованием другого - будь то человек или животное. Например, о приближении своего отца один бушмен узнал, ощутив на своем теле его старую рану, о приближении жены - почувствовав на своих плечах ремни, на которых она несла за спиной ребенка. О близости антилопы они догадываются, почувствовав на своих ребрах полосы черной шерсти или ощутив в глазах появление черных крапинок. Иногда бушмену представляется, что это его ноги шуршат в траве³⁷.

Таким образом, налицо фантастическая, необыкновенная слитость, отождествление Себя и другого. Волея-неволей на память приходит знаменитый Кипплинговский закон джунглей, которому маленького Маугли учили Багира и Балу: - "Мы все одной крови".

Очевидно, такое видение и восприятие окружающего мира и своего места в нем характерно для ранних этапов эволюции человеческой мыслительной способности: чувства до предела обострены. Внутренние ощущения вмещают не только собственный мир, но как бы и мир других. Человек предстает как открытое, целостное, резонирующее всему окружающему "чувствилище". Переживание полос на шкуре антилопы или шороха ее ног в сухой траве для него такая же реальность, как собственный мир: это на его ребрах полосы черной шерсти, это в его глазах появляются темные крапинки, это его спина покрывается струйками крови, стекающими вниз и собирающимися во впадинках под коленками.

Безусловно, природа такого феномена, предпосылки подобного "вчувствования" в мир другого, требуют изучения. Необходимо ответить на вопрос, как возможно столь полное отождествление себя с другим? Олеся А.И.Куприна, заставлявшая барина спотыкаться и па-

³⁷ Канетти Э. Превращение // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.483-488.

дать на ровном месте, тоже вживалась в его образ и копировала его движения, воображая при этом натянутую на его пути проволоку. Вероятно, она совершала ту же процедуру отождествления себя с другими, но делала это сознательно. У бушмена же, похоже, соответствующие ощущения возникают спонтанно.

Разумеется, подобная способность перевоплощения не может быть объяснена простой ссылкой на отождествление себя и другого. Вопрос в том, как и почему возможно такое отождествление и за счет чего оно совершается.

Однако в данном случае существенно иное: и в настоящее время сохранились эти "реликтовые" формы восприятия, столь радикально отличающиеся от обычных для современной "технократической" культуры, что в них и поверить трудно, а объяснить их еще труднее. И тем не менее они так же реальны, как и современные нам, привычные для нас формы.

Представляется, что образы, продуцировавшиеся на основе подобного восприятия, не могли служить непосредственным источником творческого мышления, интуиции, фантазии. Во-первых, все эти способности в качестве своего условия предполагают множество сложных мыслительных навыков. И, на наш взгляд, прежде всего - способность воспринимать собственный внутренний мир как нечто, отграниченное от мира природы, наделенное самостоятельной ценностью и существованием.

Во-вторых, интерес к продуктам собственной мыслительной деятельности, эманациям своего "я". Даже если не принимать во внимание существование когнитивных процедур, левополушарных по своей природе без такого изменения отношения к собственному миру и его порождениям невозможно сколько-нибудь отвлеченное оперирование ими. Только после того, как эта сфера реальности приобретает для человека самостоятельную ценность, а функционирующие в ней конструкции становятся объектом внимания и интереса, только тогда создаются предпосылки для развития и

основе первичных образных репрезентаций более или менее сложных когнитивных конструкций, используемых для решения нетривиальных (нестандартных) задач. Только тогда создаются условия для пополнения сферы личностных смыслов компонентами знания, полученными в результате сознательно направляемых усилий.

Итак, в результате начинающегося функционирования звукокомплексов в качестве образов-символов происходят существенные изменения как мыслительной способности человека, так и сферы осмысливаемой им реальности.

К Леви-Строссу, сравнивая мышление современной и архаичной культур, приходит к выводу³⁸, что нет плохого и хорошего, развитого и неразвитого мышления. Есть различные типы осмысливаемой реальности. Действительно, анализируя характерные особенности (в том числе язык и мышление) существенно отличающихся по своему характеру культур, человек невольно склонен к перенесению стандартов восприятия и осмысления своего времени на оценки достаточно отдаленных эпох. Так, например, эта тенденция экстраполяции собственного видения мира на интерпретацию результатов жизнедеятельности представителей иных культур реализовалась в широко распространенном ранее представлении о примитивности мышления ранних культур, его наивности, "отсталости" и т.п. С этой позиции собственное мышление выступает как своего рода вершина гигантской пирамиды, этажами которой являются иные культуры. Отчасти, может быть, это и верно. Но только отчасти. Достижения предшествовавших цивилизаций действительно создают предпосылки для более полного развития потомков. Но будут ли эти предпосылки реализованы и в какой мере - определяется таким множеством факторов самой различной природы, что о подобной зависимости можно говорить лишь как о тенденции.

³⁸ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 206-207.

К оценке феноменов иной культуры следует подходить лишь с критериями, которые могли бы рассматриваться как допустимые в рамках самой этой культуры.

Поэтому вывод о том, что нет "плохого" и "хорошего" мышления, а есть разные типы осмысливаемой реальности, представляется принципиально значимым.

Рассмотренная под таким углом зрения логика эволюции человеческого мышления, на наш взгляд, свидетельствует о том, что начало функционирования звуко-комплексов как образов-символов было также и потому чрезвычайно важным, что в ходе этого процесса (как мы стремились показать) формировались, условно говоря, два новых типа реальности - субъективная реальность, ранее не вычленявшаяся и не выступавшая объектом рассмотрения, и символическая, в рамках которой функционировали психические содержания, устойчиво обозначавшие разные фрагменты реальности.

Такое изменение (а по существу, беспримерное расширение) сферы осмысливаемой реальности не могло не повлечь очень значительных изменений и в характере мышления. Они происходили по нескольким направлениям. Во-первых, чрезвычайно расширилась сфера личностных смыслов, которыми оперировал индивид. Если раньше она по преимуществу состояла из разнообразных комплексов собственных впечатлений, возникавших в связи с восприятием определенных жизненных ситуаций, то теперь она включала психические содержания, устойчиво функционирующие в данном сообществе как обозначения этих ситуаций, а также определенные варианты видоизменений, упорядочений комплексов исходных впечатлений, начинавших восприниматься как возможный самостоятельный объект оперирования.

Такое произвольное оперирование комплексами собственных впечатлений на определенном этапе не могло не привести к формированию сферы смыслов, не имевших непосредственных коррелятов в окружающей

действительности, а явившихся плодом фантазии человека.

Так на базе естественной эволюции мышления начинается расслоение ранних форм восприятия, репрезентации, оперирования информацией и происходит формирование таких сфер системы личностных смыслов, которые ныне представлены в виде знаний (а не только навыков и умений), мнений, верований человека, его иллюзий, продуктов фантазии и др.

Еще один фактор, повлиявший на расширение сферы личностных смыслов, - это развитие и распространение коммуникативных актов, увеличение области коммуницируемых содержаний за счет включения компонентов *info*.

Фактически появился новый, очень важный источник получения информации. Если раньше основой осмысления могли служить лишь собственные впечатления субъекта по некоторому поводу, приниматься во внимание могли лишь те события, непосредственным участником которых был сам субъект, то теперь сфера осмысливаемой реальности радикально расширилась за счет включения информации о тех событиях, ситуациях, происшествиях, участником которых сам человек не был, но узнал о них от других членов сообщества. При этом его достоянием стала не только чисто информативная сторона событий, но и те осмысления, оценки, эмоциональные реакции, которые эти события вызывали у других членов сообщества. Так субъект получил возможность сравнивать и усваивать существующие в сообществе (и в этом смысле наиболее традиционные) формы восприятия и оценки различных жизненных ситуаций.

Вторым направлением эволюции мышления - наряду с формированием новых сфер личностных смыслов - было становление новых форм оперирования информацией, о чем говорилось ранее. В их числе могут быть названы процедуры интенционализации, сравнения на основе совпадения (сходства, контраста, подо-

бия,...) ряда признаков, классификации, структурирования, выявления регулярностей в потоке восприятия и др.

Специально хотелось бы коснуться вопроса о соотношении исходных форм прото-образной репрезентации с некоторыми особенностями образного восприятия, характерными для современной, так называемой "технократической", культуры (поскольку до сих пор акцент делался на рассмотрении предпосылок формирования средств символической репрезентации и переработки информации в ходе эволюции мышления на этапе функционирования образов-символов).

Прежде всего хотелось бы отметить, что филогенетически ранние формы репрезентации - мы назвали их прото-образами - базировались на особом типе восприятия - остром и наполненном ощущении своей слитости с окружающим. Правильнее сказать, вопрос о соотношении "я" и мира вообще не возникал, так как не было сознания своей отчужденности, относительной независимости от окружающего. Иллюстрацией подобного отношения человека с миром, как представляется, могут служить приводившиеся выше особенности мироощущения бушменов.

Что же касается современных форм образной репрезентации, то они, в некотором смысле, могут рассматриваться как порождение символического видения мира. Имеется в виду следующее. Когда в процессе коммуникации используемые звукокомплексы начинают функционировать как образы-символы, изменения прото-мыслительной активности осуществляются не только в направлении формирования способности символической репрезентации и оперирования информацией, но и в направлении модификации первоначального типа восприятия. Оно утрачивает ту степень остроты, непосред-

ственности, полноты и, может быть, спонтанности, которой было наделено изначально. На характер формирующихся образных репрезентаций уже начинает влиять "знание" о том, какие компоненты исходных ситуаций являются более существенными (членами сообщества воспринимаются как более значимые), а какие - менее существенны. Память человека уже хранит устоявшиеся способы оперирования информацией, классы возможных прототипов ситуации, варианты отклонений и др.

Иначе говоря, средства образной репрезентации информации, которые формируются вследствие расширения сферы функционирования образов-символов, утрачивают (по сравнению с филогенетически более ранними формами) значительную степень своей наглядности, непосредственности восприятия, открытости внешним впечатлениям. Человек больше начинает "прислушиваться" к своему внутреннему миру. Его восприятие окружающего оказывается опосредованным тем интересубъективным, что оказалось выкристаллизованным в процессе функционирования звукокомплексов как образов-символов. Все более редкой становится та полная растворенность в окружающем, когда оказывается возможным отождествление себя и другого.

Еще один характерный момент - все в меньшей степени образы одних модальностей выступают как средство выражения других (явление синестезии³⁹).

³⁹Синестезия - явление, состоящее в том, что какой-либо раздражитель, действуя на соответствующий орган чувств, помимо воли

Осуществляется более жесткая специализация: зрительные образы репрезентируют только то, что мы видим, а не слышим или обоняем; тактильные - только то, что осязаем, а не чувствуем на вкус или видим.

Наряду со спонтанностью образного восприятия формируется дополнительная способность - к произвольному оперированию образной информацией (подобно той, которая складывается применительно к средствам символической репрезентации).

субъекта, вызывает не только ощущение, специфичное для данного органа чувств, но одновременно еще и добавочное ощущение или представление, характерное для другого органа чувств. Наиболее распространенным проявлением синестезии является так называемый цветной слух, при котором звук наряду со слуховым ощущением вызывает и цветовое... У многих людей желто-оранжевый цвет вызывает ощущение тепла, а сине-зеленый - холода. По своей природе синестезия, по-видимому, представляет собой усиленное взаимодействие анализаторов (Психология. М., 1990. С.363).

2. СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

В предыдущих разделах мы рассмотрели некоторые аспекты формирования и развития человеческой мыслительной способности в филогенезе. На наш взгляд, это позволило решить ряд вопросов, связанных с пониманием специфики функционирования механизмов восприятия и переработки информации на разных стадиях развития человеческого мышления. А поскольку, как представляется, все эти структуры не отмирают и не исчезают из памяти человека после формирования филогенетически более поздних форм, а сохраняются и продолжают работать (в какой форме - это особый вопрос, и мы его коснемся позднее), поставляя субъекту новые психические содержания (новые компоненты системы личностных смыслов), постольку, как теперь становится понятным, на основе предложенной реконструкции мы получаем возможность более полно и целостно воссоздать картину функционирования мышления в процессе творчества.

До сих пор наличные формы восприятия и осмысления информации рассматривались лишь в плане их генезиса, что позволило выявить некоторые особенности, существенные для понимания их роли в творческом процессе. Например, мы стремились показать, что как ни богаты те возможности переработки информации, которые предоставляются нам современными средствами символического и образного оперирования информацией, ими не исчерпывается арсенал тех возможностей, которыми располагает человек для нахождения нетривиальных решений в нестандартных ситуациях.

Мы стремились показать, что существуют, образно говоря, "вместилища", "хранилища" альтернативного, по отношению к современной культуре, опыта, который

включает и альтернативные средства восприятия мира, и альтернативные способы его упорядочения, и такие компоненты психических содержаний, которые могут быть получены на основе использования этих альтернативных процедур.

Но сейчас хотелось бы подробнее остановиться на тех вопросах, которые связаны с пониманием закономерностей восприятия и переработки информации, осуществляемой на основе применения современных средств символической и образной репрезентации.

В настоящее время в когнитивной психологии, психофизиологии и психолингвистике имеются интересные результаты, касающиеся особенностей протекания интересующих нас мыслительных процессов. Поэтому в дальнейшем мы будем опираться на некоторые данные, полученные в этих дисциплинах.

Поскольку мыслительная активность человека сложна и многопланова, в процессе ее исследования оправданно выделение некоторых параметров, относительно которых осуществляется последующее рассмотрение. Понятно, что под разными углами зрения в качестве базисных могут быть выделены различные характеристики когнитивной деятельности индивида. В данном случае в качестве такого параметра будет выступать функциональная асимметрия головного мозга, поскольку механизмы восприятия и преобразования информации в различных полушариях достаточно существенно различаются. Последнее, на наш взгляд, позволяет затронуть более широкий круг вопросов в рамках обсуждаемой проблемы.

Итак, в процессе когнитивной деятельности человек использует различные мыслительные процедуры, с помощью которых достигается получение нового знания, а также выявляется его место в системе имеющегося знания. Целью такого рода мыслительной активности, в конечном счете, является улучшение адаптации индивида к условиям окружающей среды, повышение эффективности его предсказаний относительно возможных

направлений развития событий и поведения человека в изменяющихся условиях.

В самом общем виде можно утверждать, что существенными компонентами такого рода деятельности являются этапы восприятия и переработки информации. Разумеется, в реальном мыслительном процессе операции, составляющие содержание этих мыслительных процедур, осуществляются непрерывно и параллельно, их результаты тесно переплетены и взаимосвязаны. Поэтому расчленение указанных моментов мыслительной активности достаточно условно.

Еще одним фактором, определяющим специфику преобразования знания, является, как уже отмечалось, функциональная асимметрия головного мозга, выражающаяся, в частности, в том, что мыслительные операции, совершаемые в ходе восприятия и переработки информации, различаются в зависимости от того, структуры какого из полушарий преимущественно используются в данном процессе.

Например, установлено, что¹ переработка вербальной информации осуществляется главным образом в левом полушарии, а невербальной, образной - в правом. Для операций так называемого "левополушарного мышления" характерны последовательность и дискретность. Напротив, операциональная деятельность, осуществляемая в рамках правого полушария, симультанна и непрерывна, объектом оперирования являются репрезентации, имеющие характер образов: зрительных, слуховых, тактильных и др.

Можно отметить и другие моменты, в которых функциональная асимметрия мозга является суще-

¹ Анализ соответствующих результатов см., напр.: *Бразина Н.Н., Доброхотова Т.А.* Функциональные асимметрии человека. М., 1988; *Ротенберг В.С.* Психофизиологические аспекты изучения творчества // *Художественное творчество*. Л., 1982; *McCalum R.S., Glynn Sh.M.* Hemispheric Specialization and Creative Behaviour // *The Journal of Creative Behaviour*. N.Y., 1979. Vol. 13, № 4.

ственной для понимания механизмов динамики знания в процессе когнитивной деятельности индивида. Так для функционирования левополушарного мышления характерно выделение в информации главного и второстепенного, определяющего и определяемого. Напротив, правополушарное мышление воспринимает информацию нерасчлененно, целостно, во всей сложности и многообразии переплетения связей и отношений, присущих объектам. Как уже отмечалось, специфичны и способы оперирования информацией. Например, левополушарное мышление обычно характеризуют как логическое. В данной характеристике отражены такие его особенности, как последовательность в прослеживании связей, в нахождении предпосылок утверждаемого и его следствий, возможность соотносить получаемые результаты с определенными критериями, которым (в рамках современных представлений) должно удовлетворять заслуживающее доверия построение: его непротиворечивость, возможность дать рациональное объяснение для любого звена рассуждения, последовательность и т.п.

Как уже упоминалось, определенные аспекты функционирования мышления на стадиях восприятия и переработки информации, а также в процессе ее преобразования средствами лево- и правополушарного мышления экспериментально исследуются в рамках различных наук. На пути такого рода исследований стоят значительные трудности, обусловленные многими причинами, в числе которых сложность, многоплановость самого феномена мышления, наличие множества факторов, существенным образом влияющих на характер течения мыслительных процессов, недоступность многих компонентов мыслительной деятельности непосредственному самонаблюдению, сложность их вычленения в общем потоке мыслительного процесса с целью экспериментального изучения и др.

Вместе с тем, в настоящее время имеются достаточно интересные результаты, касающиеся различных аспектов когнитивной деятельности человека.

Но сначала остановимся подробнее на некоторых существенных моментах мыслительной активности индивида. Известно, что в процессе восприятия информации осуществляется ее параллельное кодирование, в результате чего элементы информации оказываются зафиксированными как в вербальной, так и в невербальной форме.

Вербализация - это сложная мыслительная процедура, осуществляемая как в процессе восприятия информации, так и в ходе ее переработки, требующая в качестве своей предпосылки осуществления ряда предварительных операций по преобразованию информации: ее упорядочения, выделения определяющих и зависимых параметров, более и менее существенных характеристик и др. Если учесть, что в действительности свойства и отношения объектов неоднозначны, сложны и переплетены, то понятно, что такого рода процедуры в известной степени видоизменяют, огрубляют, иногда искажают реальную картину взаимозависимостей свойств и отношений воспринимаемого.

Вместе с тем, эти реорганизации информации не только являются необходимым компонентом осмысления субъектом воспринимаемого, но и имеют ряд положительных следствий для последующего преобразования знания. Известно, например, что стремление к поиску регулярностей является неотъемлемым свойством человеческого разума. Эксперименты показали, что испытуемые "выявляют" закономерности даже в тех случаях, когда предъявляемые им конфигурации их заведомо не содержат. Вычленение зависимостей (пусть даже и не вполне адекватное) позволяет определенным образом организовать свой опыт, уменьшить исходную неопределенность познавательной ситуации за счет начального исключения некоторых связей и зависимостей как несущественных или менее существенных. В ходе такого упорядочения в памяти человека формируются концептуальные схемы, в свете которых рассматривается и оценивается новая информация и которые

служат основанием для последующей реорганизации полученного знания. Структура такого рода концептуальных схем специфична. Она отражает не столько временную последовательность реального осуществления событий, обусловивших возникновение соответствующих репрезентаций, сколько те зависимости, которые складываются в процессе восприятия поступающей информации в сознании человека. Чтобы несколько пояснить это утверждение, необходимо более подробно остановиться на отдельных особенностях организации памяти.

Продолжительное время господствовала точка зрения, в соответствии с которой основное назначение человеческой памяти видели в сохранении полученной информации. Однако в настоящее время гораздо более предпочтительной представляется концепция, в рамках которой хранение информации рассматривается как средство, обеспечивающее возможность реализации основной функции памяти - концептуализации информации с целью обеспечения более эффективного приспособления человека к условиям окружающей среды. В соответствии с таким пониманием, назначение человеческой памяти состоит не столько в точном воспроизведении предыдущих событий, сколько в построении на основе их осмысления абстрактных репрезентаций. При таком подходе процессы запоминания и концептуализации выступают как противоположно направленные. Это объясняется тем, что запоминание требует регистрации информации во всем многообразии индивидуальных особенностей воспринятого.

Напротив, концептуализация имеет в своей основе выявление того прототипа, частным случаем которого выступают индивидуальные особенности оцениваемой информации. В этом случае воспринятое рассматривается лишь как проявление некоторого более общего, известного субъекту класса событий (свойств, отношений, взаимосвязей), и впоследствии воспроизведение именно данного восприятия во всей полноте его индивидуаль-

ных особенностей будет затруднено. Известны случаи, когда чрезвычайно яркое выражение получает способность запоминания информации. Примером может служить уникальный мнемонист С.В.Шерешевский², который помнил удивительные подробности давно ушедших событий. Это стало для него тяжелым бременем: все воспринятое фиксировалось им в бесконечном разнообразии зрительных, тактильных и других характеристик. Однако наличие такой уникальной способности сохранения и воспроизведения информации заметно не влияло на способность концептуализации, которая в данном случае оказалась не выше некоторого среднего уровня.

Вообще, способность забывать представляет собой важный и существенный в познавательном отношении механизм преобразования информации. В основе забывания лежит утрачивание конкретной формы выражения информации. Однако это не означает утраты и значимого для субъекта содержания. Компоненты этого содержания оказываются включенными в различные концептуальные схемы, что является основанием формирования абстрактных репрезентаций. Процесс забывания является существенным также и в том отношении, что невозможность воспроизвести требуемую информацию служит стимулом для активации близлежащих и более отдаленных концептуальных структур. В результате индивид начинает оперировать более обширными фрагментами знания, чем это имеет место в случае произвольного воспроизведения информации.

На основе привлечения более разнообразного материала возможно установление новых ассоциативных связей, формирование новых концептуальных структур. В результате, сложившаяся ранее репрезентация информации, отражающая существовавший на данный момент уровень знаний субъекта, характер понимания им

²Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1963.

проблемы, представление о направлениях решения задачи и др. - все это может быть изменено.

В рамках единой системы человеческой памяти различают кратковременную память, для которой характерно оперативное удержание и преобразование данных, поступающих от органов чувств и из долговременной памяти, и долговременную - подсистему памяти, обеспечивающую продолжительное удержание знаний, умений, навыков. Таким образом, в кратковременной памяти удерживаются элементы воспринимаемой информации и информации, активированной из долговременной памяти, по ассоциации с вновь поступающей. Вот это устанавливаемое субъектом отношение поступающей и активированной (на основе ассоциативных связей) информации и составляет основу концептуальных схем, формирующихся в сознании человека и используемых как для упорядочения, так и для оценки и размещения новой информации.

Если принять во внимание компоненты описанной выше динамики памяти, то становится понятным, что концептуальные схемы существенным образом обуславливают возможности и перспективы последующего преобразования знаний. Например, известно, что наиболее креативные исследователи, по отзывам своих коллег, отличались именно тем, что уже в момент поступления информации воспринимали ее весьма нестандартно, а намечаемые ими связи, отношения и аналогии были нетривиальными. То же относится и к характеристике особенностей игровой практики выдающихся шахматистов. Как оказалось³, от перворазрядников их отличало даже не количество просчитываемых в той или иной ситуации вариантов, а принципиально иное исходное восприятие ситуации. Вместе с тем, экспериментальные исследования показали⁴, что существует ряд факторов,

³ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М., 1978.

⁴ *Cognitive Theory*. Vol.1. Hillsdale, Erlbaum, 1975; *Reynolds A.G., Flagg P.W. Cognitive Psychology*. Cambridge (Mass.), 1977.

ограничивающих возможности переработки поступающей информации "на входе". В их числе может быть назван фактор времени, отведенного субъекту для восприятия информации, объема воспринимаемого и др. Так, временная последовательность предъявления стимулов влияла на степень разветвленности и сложности сетей ассоциаций (с увеличением скорости предъявления информации все более тривиальными становились ассоциации).

Что же касается объема воспринимаемой информации, то была выявлена достаточно устойчивая граница способности восприятия человеком не связанных по смыслу элементов информации (7 ± 2 единицы). Однако в тех случаях, когда воспринимаемая информация допускала возможности объединения некоторых своих элементов в определенные обобщающие категории (например, страны света: Север, Юг, Восток и Запад, или марки машин, или виды животных), указанное количественное ограничение относилось уже к числу категорий.

Кроме того, было установлено, что классификация элементов информации "на входе" существенным образом обуславливает возможности ее последующего воспроизведения. В частности, если испытуемым предлагалось воспроизводить информацию в иной последовательности или на основании иной категоризации, результаты были существенно хуже, чем в том случае, когда изначальная категоризация сохранялась. Такого рода данные, на наш взгляд, достаточно наглядно иллюстрируют значимость изначальной репрезентации информации для последующего (в том числе и креативного) ее использования.

Вместе с тем неверно было бы полагать, что концептуальные схемы, сложившиеся в ходе изначальной репрезентации информации, не могут быть сколько-нибудь существенно преобразованы. Реорганизация знания, зафиксированного в соответствующих концептуальных схемах, не только возможна, но и реально осу-

ществима. Она обусловлена постоянным поступлением новой информации, изменением как общего объема имеющихся у субъекта знаний, так и характера ассоциативных связей, возникающих в процессе соотношения новой информации с уже хранящейся.

В результате такого рода динамики концептуальные схемы, в которых фиксируется личностное знание, могут видоизменяться. В самом общем виде, вероятно, можно выделить два направления их изменения: с одной стороны, они могут усложняться за счет добавления новой информации и установления на этой основе сети новых ассоциативных связей. С другой - они могут более или менее радикально перестраиваться вследствие осознания субъектом неадекватности устоявшихся представлений некоторым новым результатам, которые он склонен принять.

В рамках логико-методологического анализа подобная динамика концептуальных схем может быть представлена следующим образом⁵: первый вариант преобразования концептуальных схем имеет место до тех пор, пока система знания индивида остается защитимой⁶. Новое утверждение, добавляемое к такого рода системе, рассматривается как совместимое со всем, что "а" знает, в том случае, если его принятие не приводит к превращению системы знания в незащитимую. Соответственно, более или менее радикальная перестройка концептуальных схем оказывается необходимой только тогда, когда утверждение, которое субъект склонен принять, делает всю его систему знания незащитимой.

Здесь, однако, существует одна особенность, на ко-

⁵Используемое далее понятие "защитимости" является центральным в эпистемической концепции Хинтикки (см.: *Hintikka J. Knowledge and Belief*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1962) и служит аналогом понятия непротиворечивости применительно к анализу системы знания.

⁶Система знания защитима, если в ней не существует таких утверждений, на основании которых (или на основании следствий из которых) оппонент мог бы опровергнуть любое истинное утверждение вида "а знает, что Р".

тору хотелось бы обратить внимание: в том случае, если вновь принимаемое субъектом утверждение хотя и ложно, но не связано по смыслу ни с одним из истинных утверждений вида "а знает, что Р", система знания индивида сохраняет свойство защитимости, так как на основании подобного утверждения не может быть опровергнут ни один из ее компонентов. Это означает, что включение в систему знания человека принципиально новой для него информации, даже в том случае, если принимаемое утверждение объективно ложно, не приведет к радикальной перестройке концептуальных схем данного индивида до тех пор, пока на основе новой информации не удастся выявить ранее скрытые противоречия⁷.

Итак, упорядочение информации, ее организация в рамках соответствующих концептуальных структур являются необходимым компонентом когнитивной деятельности в процессе получения и преобразования знания. Однако упомянутые выше процедуры не исчерпывают всего объема мыслительной активности индивида, осуществляемой в процессе вербализации информации. Еще одно существенное звено - выделение множества свойств, задающих данный объект в рамках личностной концептуальной системы (назовем условно эту мыслительную процедуру интенционализацией информации). На разных стадиях мыслительной активности характер такого рода свойств может меняться от внешних, несущественных к внутренним, сущностным. В познавательном отношении способность интенционализации информации весьма существенна. Прежде всего она является предпосылкой сопоставления исследуемого объекта с множеством других, отличных от него предметов. (Так, сравнение двух различных домов может быть основано на сопоставлении их высоты, размеров, формы, используемого материала, времени строительства и др. именно благодаря способности человека вычленять при-

⁷Подробнее об этом см.94-102 данной книги.

сущие предмету свойства и затем оценивать их как относительно самостоятельные объекты рассмотрения.) В результате интенционализации объекта определенные его свойства могут быть классифицированы как вариант, частный случай некоторых других, известных субъекту свойств. Последнее весьма существенно, поскольку позволяет включать новую информацию в имеющиеся концептуальные схемы.

До сих пор обсуждались вопросы, связанные с репрезентацией и преобразованием знания в рамках левополушарной мыслительной активности безотносительно к выявлению форм влияния имеющейся информации на вновь поступающую. Теперь хотелось бы несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Как уже отмечалось, в процессе репрезентации информации осуществляется ее упорядочение, выделение более и менее существенных (с точки зрения субъекта) связей, определяющих и зависимых отношений и др. Однако такого рода сопоставления и оценки производятся не в некотором концептуальном вакууме, а в рамках сложившейся и достаточно устойчивой системы представлений различной природы: мировоззренческих, методологических, стереотипов научной картины мира, данных личностного опыта, ценностных ориентаций и др. Такого рода устойчивые представления могут существенно видоизменять картину воспринимаемого.

В этом отношении, на наш взгляд, показательны результаты, касающиеся выявления различных аспектов влияния контекста восприятия информации, а также ее предварительной репрезентации на результаты восприятия. Например, проводились экспериментальные исследования, в ходе которых испытуемым предлагалось плохо сфокусированное изображение. Затем фокусировка постепенно улучшалась. Характерно, что при этом люди были склонны "видеть" то, что они изначально вычленили в нечетком изображении. Другой пример подобного искажающего влияния (в данном случае - влияния контекста) дает опыт, осуществленный известным

кинорежиссером В.И.Пудовкиным⁸.

Однажды Пудовкин сделал крупным планом снимок Мозжухина, выражение лица которого было совершенно бесстрастным. Затем он смонтировал три отрывка, в каждом из которых этот снимок шел после следующих кадров: тарелки с супом, женщины в гробу и ребенка, играющего с плюшевым мишкой. В результате создалось впечатление, что Мозжухин смотрит соответственно на тарелку с супом, на женщину и на ребенка. В первом случае - задумчиво, во втором - с выражением горя, в третьем - улыбаясь. Этот пример весьма показателен для выявления степени влияния контекста воспринимаемой информации на результаты восприятия.

Если же говорить о природе искажающего влияния системы устоявшихся представлений на результаты восприятия новой информации, то можно выделить следующие моменты: за счет принятия субъектом некоторых исходных ограничений определенные направления движения мысли могут оказаться или сознательно, или неосознанно отброшенными. Некоторым характеристикам, связям, отношениям может быть приписано приоритетное значение в силу их соответствия определенным установкам субъекта независимо от их реального статуса. И наконец, результаты, по той или иной причине нежелательные для субъекта, вообще могут вытесняться из сферы сознания.

Однако упомянутые выше моменты негативного взаимодействия новой и хранящейся информации под другим углом зрения имеют позитивное значение. Так, изначальное отбрасывание некоторых возможных вариантов как бесперспективных, осуществляемое на основании определенных устоявшихся представлений, позволяет существенно сократить число вариантов, рассматриваемых в процессе решения задачи, придать направленность мыслительной активности и соответственно дает возможность наметить предпочтительные (с точки

⁸ Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. С.72.

зрения субъекта) пути решения задачи. Помимо этого, имеющаяся система знаний позволяет частично устранить неопределенность в вопросе выбора средств, используемых для решения задачи. Даже в том случае, если построенные на таком основании концептуальные структуры не будут адекватными, субъект, впоследствии обнаружив несоответствие, может отвергнуть не некоторую нерасчлененную совокупность представлений, а вполне определенные предпосылки, обусловившие изначальную репрезентацию информации и возникшее несоответствие. Это весьма важно, поскольку осознание неадекватности наиболее значимых для субъекта стереотипов, лежащих в основе соответствующих концептуальных схем, обеспечивает возможность наиболее радикальной перестройки знания. В целом же, если сопоставлять когнитивную ценность отрицательных и положительных результатов, то можно сказать, что вопреки интуитивному представлению информационная значимость последних выше, поскольку негативные результаты позволяют отвергнуть лишь одно из возможных направлений, тогда как принятие позитивного результата означает одновременно элиминацию всех остальных альтернатив.

И наконец, еще одним моментом, на который хотелось бы обратить внимание в свете анализа механизмов преобразования знания в рамках левополушарной мыслительной активности, является процедура именованя. Присвоение соответствующего языкового ярлыка элементам информации, предварительно реорганизованной на основе описанных выше операций, осуществляется в рамках тех выразительных средств, которые сложились в данной культуре. Как известно, выразительные возможности языка влияют на особенности восприятия и переработки кодируемой с его помощью информации (гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа). Природа такого влияния коренится в закономерностях формирования и развития человеческой культуры (и языка как элемента этой культуры) в зави-

симости от особенностей естественноисторической практики. В процессе исторического развития наиболее значимые (в рамках соответствующей культуры) компоненты этой практики получают специфическое отображение в языке.

Например, у эскимосов различные слова обозначают снег падающий, снег выпавший, снег, покрытый коркой льда, и др. А в языке ацтеков снег, лед и холод обозначаются одним словом. Развитие угонченной японской культуры, в которой символика цвета имеет особое значение, сформировало чрезвычайно богатую сетку цветовых обозначений. В то же время в языке басса (Либерия) для членения цветового континуума существуют лишь два термина. Число подобных примеров может быть умножено.

Нетрудно заметить, что специфика той или иной культуры находит свое выражение в особенностях языка. Но имеется и обратная зависимость: категориальный строй языка достаточно определенно обуславливает возможности вербализации отдельных фрагментов человеческого опыта. И хотя, вероятно, есть основания считать, что при определенных усилиях на любом языке может быть выражено все (или почти все) что угодно, человек в процессе вербализации стремится прежде всего использовать именно привычные, достаточно устойчивые обозначения и часто уподобляет свои впечатления категориям языкового кода. Понятно, что чем богаче выразительные возможности тех средств кодирования информации, которые имеются в распоряжении субъекта, тем более тонкие оттенки, детали, аспекты осмысливаемого могут быть выражены и тем меньше будут результирующие искажения информации. Помимо этого, присвоение языковых "ярлыков" позволяет в ходе дальнейшего преобразования знания использовать соответствующую информацию независимо от того невербального контекста, в который она была первоначально включена. И наконец, в случае необходимости субъектом может быть активирован тот более обширный

пласт информации, который обусловил преобразования знания, в конечном счете выразившиеся в присвоении соответствующего имени. Таковы, в самом общем виде, некоторые особенности динамики системы знания человека в процессе левополушарной мыслительной активности.

Еще одной фундаментальной характеристикой человеческого мышления является способность воспринимать, кодировать и перерабатывать образную информацию. (Как известно, эта способность реализуется в рамках так называемого "правополушарного мышления".)

Экспериментальные исследования в этой области осуществляются достаточно давно. Еще в конце XIX в. группой немецких психологов, представителей вюрцбургской школы, были поставлены несложные эксперименты, в ходе которых, однако, не удалось показать, что в сознании человека определенный образ существует до восприятия субъектом соответствующего этому образу имени. Неудачи с попытками доказать вовлеченность образов в мыслительный процесс привели к тому, что в течение нескольких десятилетий этой проблеме уделялось сравнительно небольшое внимание. Но не так давно она опять привлекла к себе внимание специалистов. При этом, однако, изменился угол рассмотрения проблемы: акцент был сделан на выявлении функциональной природы образов. В настоящее время большая часть этих исследований посвящена изучению визуальных репрезентаций. Тем не менее некоторые из полученных при этом результатов без сколько-нибудь существенных изменений могут быть экстраполированы на репрезентации иной модальности (например, слуховые). В частности, интерес представляют исследования, посвященные выявлению специфики формирования так называемых иконических концептов⁹. В одном из эк-

⁹С известной долей приближения под иконическими концептами можно понимать обобщающие зрительные образы. Концепт счита-

спериментов испытуемым демонстрировали списки китайских иероглифов¹⁰. При этом была поставлена задача называть любую букву в момент ее предъявления. Испытуемым не было известно, что все иероглифы, имевшие некоторый общий элемент, получили одно имя. Медленно, после многих попыток научались они распознавать и верно классифицировать новые знаки. Другую группу тренировали на знаках, которые были общими для определенного класса иероглифов. При этом было установлено, что результаты второй группы не превосходили сколько-нибудь существенно результатов первой. Наилучшие показатели демонстрировались в том случае, когда наряду с набором иероглифов предъявлялся знак, общий для всех этих форм. И наконец, было установлено, что восприятие большего числа знаков того же класса также повышало результаты. Иначе говоря, вариативность форм была существенной для формирования адекватного обобщающего образа.

На основании полученных данных был сделан вывод, что мыслительная активность, результатом которой является формирование обобщающего образа, запускается уже в момент ознакомления с предъявленными формами независимо от наличия или отсутствия соответствующей установки экспериментатора. При этом оказалось, что на практике классификация осуществляется даже раньше, чем испытуемым удается вербализовать ее основание.

Еще одним важным моментом являлось то обстоятельство, что знание общего элемента не давало хороших результатов, если оно не было получено в контексте изучения индивидуальных форм.

Дополнительные аспекты закономерностей формирования обобщающего образа могут быть раскрыты на

ется сформированным, если индивид демонстрирует способность отвечать на серии различающихся событий одним и тем же знаковым ярлыком или действием.

¹⁰ *Palmer M. Cognition: An Introduction. Glencoe, 1973. P. 48-49.*

основе анализа экспериментальных данных, полученных Познером и Килом¹¹. Исследовалась зависимость результатов оценки и классифицирования вновь поступающей образной информации от варибельности предшествующего опыта субъекта. С этой целью одна группа испытуемых обучалась на конфигурациях (паттернах), имеющих незначительные отличия, а другая - на паттернах, имеющих мало очевидных подобий. Обобщающие зрительные образы, которые складывались на основе такого обучения, получили наименование, соответственно низковарибельных и высоковарибельных концептов. Оказалось, что испытуемые, обученные низковарибельным концептам, имели тенденцию отвергать относительно небольшие искажения прототипа в частных случаях. Но они редко классифицировали паттерн как член концепта, если он таковым не являлся. С другой стороны, субъекты, обученные высоковарибельным концептам, часто неверно классифицировали предъявлявшиеся конфигурации как частный случай (вариант) концепта, но редко ошибочно отвергали подлинный член концепта.

Был выявлен и еще один фактор, влияющий на поведение человека. Если количество предъявлявшихся конфигураций было относительно невелико, то испытуемые, обучавшиеся на незначительно различающихся паттернах, имели преимущество перед теми, кто обучался на паттернах, имевших мало очевидных подобий. Оказалось, что последние просто не успевали вычленить прототип в процессе научения. Взаимодействие этих двух факторов (варибельности предшествующего опыта индивида и количества конфигураций, с которыми ему довелось познакомиться) обусловило следующие особенности оценки новой информации: если в процессе научения количество форм было достаточно для выделения прототипа, преимущество получали субъекты, предварительный опыт которых был более разнообраз-

¹¹ Ibid. P.53.

ным. Они имели не только сформировавшийся обобщающий образ, но и достаточно адекватное представление о тех особенностях форм, которые позволяют классифицировать их как варианты прототипа. Если же количество предложенных конфигураций было недостаточно, лучшие результаты демонстрировали те, кто обучался на незначительно различающихся между собой конфигурациях, поскольку им удавалось вычлнить прототип.

На этом основании можно сделать вывод, что в познавательном отношении оптимальна ситуация, когда рассматриваемые случаи различаются между собой существенно, но их число достаточно для того, чтобы человек мог вычлнить лежащий в их основе прототип. Что же касается вариабельности предшествующего опыта, то она обеспечивает возможность более адекватной классификации различных вариантов отклонений.

Таковы некоторые выводы относительно специфики формирования образных репрезентаций, а также влияния предшествующего опыта человека на характер восприятия вновь поступающей образной информации, которые могут быть сделаны на основе анализа экспериментальных данных.

Применительно к вопросу о роли образной информации в процессе преобразования знания можно отметить следующее: на наш взгляд, когнитивная значимость обобщающего образа состоит не в том, что в случае необходимости перед мысленным взором человека возникает соответствующая "картинка", а в том, что информация, релевантная данной познавательной ситуации, оказывается активированной. Сам по себе образ - это, скорее, сопутствующий результат активной преобразующей деятельности мышления. Это вовсе не означает, что образные репрезентации не имеют самостоятельной ценности. Установлено, например, что зрительные репрезентации информации, получаемые на экранах персональных компьютеров, подсказывают человеку нестандартные, нетривиальные решения. Это

возможно, в частности, за счет специфических эвристических средств, применимых именно в процессе преобразования образной информации: определение сочетаемости информации на основе анализа пространственной конфигурации ее визуальных репрезентаций, их формы, simultанности операций и др.¹²

Однако остается вопрос, какого рода зависимость связывает процедуры переработки вербальной и образной информации. Как уже упоминалось, в процессе восприятия осуществляется параллельное кодирование информации. В результате наряду с ее символическим представлением в памяти человека сохраняются также зрительные, слуховые, тактильные и другие репрезентации. За счет этого одни и те же элементы информации оказываются зафиксированными в различных контекстах. Сам факт наличия различных ракурсов восприятия и осмысления одной и той же информации обеспечивает возможность ее последующего более разностороннего использования, включения в ассоциативные сети по более разнообразным основаниям. Если же учитывать, что преобразование информации средствами левополушарного мышления (по описанным выше причинам) приводит к известному ее упрощению и огрублению, становится понятно, что целостное, нерасчлененное восприятие связей и отношений в рамках правого полушария позволяет расширить базу данных, а также в определенной степени нейтрализовать негативные последствия левополушарной обработки информации, сохранив при этом ее достоинства.

Несколько слов хотелось бы сказать также и о влиянии невербально закодированной информации на ор-

¹²Интересный методологический анализ комплекса проблем и перспектив, связанных с овладением техникой персональных компьютеров, см.: *Смолян Г.Л., Шошиников К.Б.* Феномен персональной ЭВМ: философско-методологический аспект // *Вопр. философии.* 1986. № 6.

ганизацию концептуальных схем. Как уже отмечалось, основой их формирования является не последовательность стимулов, обусловивших возникновение соответствующих репрезентаций, а характер ассоциативных связей, которые формируются у человека в процессе соотнесения новой информации и информации, хранящейся в долговременной памяти. В этой связи представляется, что оперирование образной информацией даст дополнительные эвристические возможности, так как отличается от ассоциации вербальных компонентов информации в некоторых существенных моментах. И прежде всего иной является база данных, поскольку невербальная информация не претерпевает тех реорганизаций, о которых говорилось выше и которые осуществляются под влиянием устоявшихся в сознании исследователя представлений самой различной природы. Далее, сами основания такого соотнесения могут быть иными, поскольку представление о том, что считать подобным (сходным, аналогичным), формируется под влиянием господствующих в данной культуре, в данном научном сообществе ценностей, стереотипов, мировоззренческих и методологических установок и др. Поэтому оценка некоторых компонентов информации как сходных, в том или ином отношении подобных, в значительной степени обусловлена комплексом внешних по отношению к познавательной ситуации факторов. В случае оперирования невербальной информацией представление о сходном может быть весьма отличным от того, которое функционирует в сознании субъекта и служит

критерием для уподобления вещей, событий и явлений. Учитывая эти обстоятельства, не трудно понять, что ассоциативные связи, возникающие в процессе переработки невербальной информации, в ряде случаев будут весьма отличными от тех, которые индивид может установить в результате анализа имеющейся в его распоряжении вербальной информации. И действительно, нередко человек с удивлением обнаруживает неожиданное для него самое сходство на первый взгляд достаточно различных вещей, событий и явлений. А поскольку нетривиальная, нестандартная аналогия является существенным компонентом развития продуктивного мышления, очевидно, что переработка образной информации играет принципиальную роль в когнитивной деятельности индивида.

Итак, на основе данных когнитивной психологии, психофизиологии и психолингвистики удастся отметить некоторые моменты, существенные в плане логико-методологического анализа проблемы динамики системы знания индивида. Например, представление о различных формах преобразования знания (условно говоря, эволюционной, когда получение нового знания не требует радикальной перестройки концептуальных структур, и революционной, выражающейся в отказе от существующих форм упорядочения информации, ее оценки, интерпретации и т.д.) может быть конкретизировано за счет выявления зависимости динамики знания от особенностей концептуальных структур, существующих в сознании индивида, от специфики органи-

зации его памяти, характера ассоциативных связей и др. При этом можно проследить, какую роль в динамике системы знания индивида играют процессы забывания, произвольного и произвольного воспроизведения информации, а также способность к концептуализации, вычленению прототипов и вариантов возможных отклонений от них. В плане возможностей анализа творческого мышления особенно значимой представляется взаимосвязь, существующая между последующим, в целом, ригидным стилем мышления (склонность отвергнуть результат) и незначительной вариабельностью предшествующего научения, а также более высокой гибкостью мышления (склонность к позитивной оценке информации) и значительной вариабельностью предшествующего опыта. Эти результаты интересны, поскольку гибкость мышления, склонность к выражению позитивного отношения к воспринятой информации многими специалистами в области исследования творческого мышления рассматриваются как характерные признаки креативности¹³.

¹³Westcott M.R. Toward a Contemporary Psychology of Intuition. N.Y.;L., 1968. P.89-90.

3. СИСТЕМА ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ И ТВОРЧЕСТВО

Мы рассмотрели некоторые современные представления о характере процессов, которые совершаются при переработке информации в ходе когнитивной деятельности человека. Теперь хотелось бы обратиться к более подробному изучению системы личностных смыслов, которыми субъект оперирует в процессе мышления. И в частности, попытаться установить, какие зависимости открываются в данной области, когда мы обращаемся к выявлению предпосылок функционирования творческого мышления.

Эту сторону проблемы мы попытаемся проанализировать как бы в нескольких плоскостях. Во-первых, функционирование системы личностных смыслов будет рассмотрено с точки зрения выявления особенностей психических содержаний системы в зависимости от характера источников поступления информации. Во-вторых, оно будет проанализировано применительно к существованию определенных ролевых установок, закрепленных в психике субъекта. И наконец, в логико-методологическом плане - с целью установления специфики функционирования содержаний системы личностных смыслов, как относящихся к различным эпистемическим категориям: знания, мнения, веры, иллюзий.

Источники формирования

Итак, рассмотрим некоторые характеристики индивидуальной системы личностных смыслов в зависимости от степени осознанности передачи и усвоения информации. При этом можно выделить следующие варианты:

- осознанно передаваемая и осознанно усваиваемая

субъектом информация;

- неосознанно передаваемая информация, которую субъект сознательно фиксирует и в некоторой модифицированной форме включает в свою систему личностных смыслов;

- сознательно передаваемая, но неосознанно усваиваемая информация (возможно, к этому типу получения знаний относятся различные виды нетрадиционных форм обучения - например, изучение иностранных языков методом погружения, обучение во сне и пр.);

- неосознанно передаваемая и неосознанно фиксируемая информация.

Остановимся несколько подробнее на характеристике психических содержаний, столь различными путями попадающих к субъекту и встраивающихся в неизменном или до неузнаваемости модифицированном виде в его систему личностных смыслов.

Однако, прежде чем приступить к непосредственному анализу, хотелось бы отметить, что в реальном мыслительном процессе механизмы сознательной и неосознанной переработки информации функционируют параллельно, а результаты соответствующих процессов перешлетены, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Поэтому предлагаемый логико-методологический анализ лишь с известной долей приближения отражает реальные процессы.

Кроме того, такая характеристика психических содержаний как их осознанность-неосознанность, может изменяться в зависимости от обстоятельств, от времени, от характера решаемых задач и т.п. Например, известно, что в сфере восприятия человека может находиться информация, незначимая для него в данный момент, в данной конкретной ситуации, но фиксируемая органами чувств и кодируемая с помощью невербальных средств (зрительных, слуховых, тактильных и других образов). При изменении ситуации или изменении характера задачи человек оказывается в состоянии воспроизвести эту информацию и в случае необходимости декодиро-

вать ее (например, визуальное восприятие оформить с помощью вербальных средств). Такого рода информация, хотя и не осознается в момент ее поступления, является в принципе доступной осознанию и при определенном усилии воспроизводится.

Если же говорить в целом, то поскольку осознание определенным образом связано с вербализацией, существенные сложности возникают при попытке осмысления тех сфер опыта, для выражения которых не существует достаточно развитых языковых средств. Это, например, некоторые типы эмоций, внутренних, пограничных состояний, определенные результаты функционирования сновидноизмененного сознания и др.

Примером информации, степень неосознанности которой достаточно велика, является содержание индивидуального бессознательного. Это могут быть компоненты личностного опыта, которые имеют травмирующее значение для данного человека, поскольку их осознание может причинить ему боль, страдание, колебать его систему ценностей. Они блокируются механизмами психологической защиты, призванными поддерживать сохранение внутренней устойчивости системы. Такого рода компоненты индивидуального бессознательного могут служить источником напряжения, скрытой тревоги, конфликтов личности. Но осознание их возможно только в результате весьма существенных усилий (и зачастую не индивидуальных, а совместных со специалистом-психотерапевтом).

Другим компонентом индивидуального бессознательного являются разного рода устоявшиеся представления, имеющие характер когнитивных, методологических, мировоззренческих и подобных им штампов, на которых базируется концептуальная система человека и отказ от которых влечет достаточно серьезные последствия в плане перестройки целостной системы представлений субъекта. Расшатывание подобных стереотипов может привести к разрушению базирующихся на них концептуальных структур, в рамках которых инди-

вид воспринимает, упорядочивает, оценивает и размещает вновь поступающую информацию и с опорой на которые он ориентируется в постоянно изменяющемся мире. Поэтому информация, способная поколебать значимые для субъекта стереотипы, как нам представляется, также может блокироваться механизмами психологической защиты. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что зачастую исследователь "не замечает" определенные, достаточно очевидные феномены, что, естественно, препятствует их осмыслению.

И, наконец, коллективное бессознательное, которое К.Юнг рассматривал как содержащее (наряду с инстинктами) также и архетипы - структурные элементы психики, являющиеся необходимыми априорными детерминантами всех психических процессов. Архетипы настолько тесно связаны с самим человеком, так плотно вплетены в ткань его культуры (обычай, язык), что их вычленение и осознание весьма затруднены.

Итак, мы рассмотрели некоторые пласты системы личностных смыслов, различающиеся по степени осознанности. Не вызывает сомнения то обстоятельство, что все эти психические содержания самым существенным образом влияют как на результаты восприятия новых данных, так и на их оценку и переработку. Иначе говоря, большая или меньшая степень осознанности информации не является препятствием для ее участия в мыслительном процессе (причем участия, в значительной степени предопределяющего результаты сознательно осуществляемой переработки имеющихся данных).

Как уже говорилось, источником формирования системы личностных смыслов могут быть различные по своей природе типы передачи и усвоения информации. Это прежде всего информация, сознательно и направленно сообщаемая субъекту и сознательно им фиксируемая. К этому типу относятся все виды обучения человека, осуществляемые в рамках регламентированных видов деятельности (обучение в школе, профессиональ-

ная подготовка и др.).

Анализируя данный источник формирования системы личностных смыслов, необходимо иметь в виду следующее весьма существенное обстоятельство: в процессе восприятия сознательно передаваемой и сознательно фиксируемой информации происходит ее деформирование. В частности, исследования психологи детского мышления¹ показали, что подобного рода трансформация поступающей информации является не обходимым компонентом ее интериоризации. Понятно, что некоторые особенности деформирования сознательно усваиваемой информации окажутся обусловленными спецификой детского мышления вообще и по этому явятся достаточно общими. Другие же будут определяться спецификой и условиями становления личности именно данного ребенка, некоторыми генетически детерминированными, а также сложившимися в результате его жизненного опыта чертами личности. Например, характером темперамента, большей склонностью к принятию или отвержению результатов, авторитетов "навязываемых" знаний и многим другим.

Сфера личностных смыслов, почерпнутых из анализируемого источника, играет весьма существенную роль в развитии последующих когнитивных возможностей индивида. Ее значение при этом определяется не столько объемом таким образом усваиваемых знаний, сколько тем, что ими оперирует сознание человека, и на их основе позднее формируются индивидуальные концептуальные структуры. Это означает, что впоследствии вся поступающая и осознаваемая субъектом информация воспринимается, классифицируется и размещается применительно к концептуальным структурам, сложившимся именно на основе такого усвоения.

Другим весьма интересным компонентом системы личностных смыслов является информация, которая

¹Выготский Л.С. Мышление и речь (раздел "Проблемы речи и мышления ребенка в учении Ж.Пиаже"). М.:Л., 1934.

фиксируется субъектом неосознанно. Причем источником ее поступления может служить как сознательно (например, в ходе обучения), так и неосознанно передаваемая информация. Неосознанным восприятием сознательно передаваемых знаний, вероятно, будут сопровождаться все типы обучения, когда субъект, наряду с сознательно отбираемыми сведениями, воспринимает и фиксирует также и определенный объем так называемого информационного шума. Неверно было бы преуменьшать значение этого компонента системы личностных смыслов. Некоторые исследования, например, показали², что основным источником суждения в межличностной коммуникативной системе является шумовой компонент сигнала. Только он безошибочно информативен в отношении состояния системы.

Что же касается неосознаваемого восприятия неосознанно передаваемой информации, то, вероятно, этому источнику создания системы индивидуальных смыслов можно приписать практически все типы передачи знания в период становления и развития детского мышления. По своему объему, как нам представляется, этот пласт системы личностных смыслов является наибольшим. Степень развитости, богатства, разносторонности приобретенных таким путем знаний впоследствии весьма существенно влияет на уровень когнитивных возможностей человека. В частности, некоторые исследователи полагают, что примитивные образы, рождающиеся из истории детских отношений, позднее являются источником интуиции³.

И наконец, информация, которая передается неосознанно, но фиксируется субъектом сознательно, также составляет существенную часть системы личностных смыслов. Эта информация является в наименьшей степени откорректированной, так как не предназначается

²Westcott M.R. *Toward a Contemporary Psychology of Intuition.* N.Y.;L., 1968. P.94.

³Ibid. P.55.

специально для передачи. Она представляет собой естественную составляющую системы жизненных ценностей, нравственных установок, мировоззренческих и методологических стереотипов данной культуры. В процессе научения ребенок может сознательно фиксировать внимание на отдельных ее компонентах, осмысливать их и включать в собственную картину мира. Это содержание, которое было в свое время результатом сознательного восприятия и усвоения информации, впоследствии может перейти в сферу подсознания или бессознательного, однако его влияние на когнитивную деятельность человека будет сохраняться.

Конечно, в реальности существует переплетение этих источников формирования системы личностных смыслов. Например, содержание индивидуального бессознательного может складываться в результате как осознанного, так и неосознанного усвоения осознанно или неосознанно передаваемой информации (запреты матери на определенные виды поведения ребенка, о которых ему прямо сообщается, или вербально неформулируемое отношение к некоторым видам деятельности, которое тем не менее выражается в языке жестов, в поведении, в собственных предпочтениях, в системе жизненных ценностей, в самом укладе жизни). Компоненты этой неосознанно передаваемой информации могут усваиваться как в результате сознательного их вычленения, осмысления, оценки и включения в формирующуюся систему собственных представлений, так и неосознанно (например, в результате бессознательного подражания взрослому).

При этом надо отметить, что если на первом пути (осознанное усвоение) стоит барьер сознания ребенка, позволяющий анализировать, сопоставлять, проследить следствия и искать причины (разумеется, на разных стадиях формирования системы личностных смыслов эти виды когнитивной активности будут представлены в разном объеме), то второй путь восприятия и усвоения информации практически закрыт для критики и

контроля. На его основе в подсознании и бессознательном ребенка формируются наиболее устойчивые и трудно преодолимые стереотипы видения мира, понимания и оценки места человека в нем и, в частности, собственной стратегии поведения.

На основании вышеизложенного нетрудно видеть, что, например, наилучших результатов в плане воспитания цельной личности удастся достичь в том случае, если непосредственное окружение ребенка включает людей, у которых расхождение между информацией, предназначенной для направленной передачи ребенку, и неосознанно передаваемой - минимально. (Разумеется, если система ценностей, составляющая содержание их личностной концептуальной системы, позитивна.)

Таковы, в самом общем виде, некоторые особенности формирования системы личностных смыслов, рассмотренные с точки зрения основных источников поступления психических содержаний.

Рольевые установки

Вторая плоскость, в которой, на наш взгляд, интересно рассмотреть закономерности функционирования системы личностных смыслов индивида, - это анализ активации определенных пластов психических содержаний, связанный с той или иной ролевой установкой, которую индивид выбирает в каждом конкретном познавательном или поведенческом эпизоде.

Хорошие возможности для такого анализа, по нашему мнению, предоставляет концепция известного американского теоретика психоаналитического направления Эрика Берна⁴. Выбор именно этого ракурса рассмотрения проблемы (наряду с ранее упомянутыми) обусловлен тем, что, во-первых, анализируемые в дан-

⁴Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.

ной концепции различные "лики" одного человека, вероятно, действительно представляют собой важнейшие компоненты человеческой личности. И во-вторых, психические содержания, функционирующие в рамках такого рода ролевых установок, составляют принципиально важные пласты системы личностных смыслов.

Эрик Берн утверждает, что в каждом человеке со- вмещаются три личности - Родитель, Взрослый и Ребе- нок. Термином "Родитель" именуется состояния "Я", сходные с образами родителей человека. Термином "Взрослый" - состояния "Я", автономно направленные на объективную оценку реальности. И наконец, термином "Ребенок" - состояния "Я", все еще действующие с мо- мента их фиксации в раннем детстве и представляющие собой, по выражению Берна, архаические пережитки⁵.

Исходя из этого, утверждение "Это ваш Родитель" означает, что сейчас вы "рассуждаете так же, как обычно рассуждал один из ваших родителей (или тот, кто его заменял). Вы реагируете так, как прореагировал бы он, - теми же позами, жестами, словами, чувствами и т.д." Слова "Это ваш Взрослый" означают: "Вы только что са- мостоятельно и объективно оценили ситуацию и теперь в непредвзятой манере излагаете ход ваших размышле- ний, формулируете свои проблемы и выводы, к которым Вы пришли". Выражение "Это ваш Ребенок" означает: "Вы реагируете так же и с той же целью, как это сделал бы маленький ребенок"⁶.

Многие вещи в поведении людей, которые окружа- ющим кажутся необъяснимыми и странными, продик- тованы поочередным переключением данной личности на ту или иную роль. Вот весьма показательный пример. Миссис Уайт (условное имя, принимаемое Эриком Бер- ном для обозначения одного из персонажей игры) по- стоянно жалуется своим подругам на тиранию мужа, ко- торый никуда не пускает ее одну, в результате чего она

⁵Там же. С.16.

⁶Там же. С.17.

оказывается вынужденной отказаться от множества потенциальных увлечений - танцев, спорта и т.п. На первый взгляд, эта жизненная ситуация кажется довольно прозрачной, и акценты в ней расставить нетрудно: положение дамы вызывает сочувствие, а поведение ее мужа заставляет вспомнить суровые нравы средневековья. Но вот за дело берется специалист, и ситуация предстает совсем в ином свете. Оказывается, из всех возможных претендентов на свою руку миссис Уайт в свое время выбрала самого деспотичного. Что побудило ее к такому "странному" выбору?

С детства сформировавшаяся неуверенность в себе в сочетании со значительными притязаниями на повышение своего социального статуса оказываются теми предпосылками, которые обуславливают последующее поведение миссис Уайт, и, в частности, ее выбор будущего супруга. Его деспотизм, жесткая регламентация поведения жены дают ей возможность потом всю жизнь сетовать на то, что она могла бы заниматься разными интересными делами, "если бы не он". Как следствие, она под удобным предлогом избегает ситуаций, которые могли бы дать ей пищу для неприятных размышлений, т.е. представляли бы угрозу ее Я-концепции ("Я лишена способностей", "Не умею красиво двигаться", "Неуютно чувствую себя в ситуациях, где приходится много общаться с малознакомыми людьми", и т.п.).

Подводя итог обсуждению этой ситуации, Э.Берн заключает, что муж оказывал миссис Уайт большую услугу, запрещая ей делать то, чего она и сама боялась. Более того, он фактически даже не давал ей возможности догадаться о своем страхе. Это, наверное, и была одна из причин, по которой ее Ребенок весьма прозорливо выбрал такого мужа⁷.

Итак, можно сказать, что все мы всю жизнь носим в себе своего Родителя, Ребенка и Взрослого. И в зависимости от ситуации, от характера решаемой задачи на

⁷Там же. С.39.

первый план может выходить то один, то другой, то третий. Поэтому, например, обращения и призывы "быть рациональным", "вникнуть", "понять", "прислушаться", часто звучащие в спорах, не всегда могут достичь цели хотя бы потому, что вашим оппонентом в данный момент может быть Ребенок.

Данная концепция, хотя и разработана применительно к анализу поведенческих актов, представляет, на наш взгляд, огромный интерес и в плане логико-методологического анализа специфики мышления человека. И в частности, в рамках индивидуальной системы личностных смыслов мы можем выявить такие компоненты психических содержаний, а также такие способы видения и осмысления мира, которые, во-первых, являются результатом фиксирования детского опыта данного индивида, детских форм восприятия, осмысления и оценки жизненных ситуаций. Во-вторых, которые сохранили предпочтительно использовавшиеся его родителями структуры упорядочения информации, оценки, рассуждения и реагирования. И наконец, опыт, приобретенный самим субъектом в процессе индивидуальной истории становления и развития его личности.

Когда мы обращаемся к анализу детского опыта, то здесь, на наш взгляд, интерес будут представлять не только те факторы, которые традиционно выделяются в психоанализе и которые связаны с детскими сексуальными переживаниями, и не только те, которые включаются в сферу рассмотрения в рамках неофрейдизма (потребность добиться понимания, признания, любить и быть любимым, иметь друзей, отношение к идеалам, ожидания, потребность получать и давать одобрение и др.)⁸, - нам хотелось бы обратить внимание и еще на один класс феноменов, на наш взгляд, имеющих самое непосредственное отношение к специфике протекания

⁸См., напр.: *Artell S. The Realm of the Unconscious in the Cognitive School of Psychoanalysis* // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т.3. С.49.

мыслительных процессов данной личности. И в частности, к формированию ее творческих потенций.

Мы имеем в виду те способы упорядочения информации, те формы восприятия и осмысления мира, которые формируются в детстве и которые не отмирают и не исчезают по мере взросления субъекта, а остаются бесценным хранилищем альтернативного (по отношению к "взрослой" культуре) опыта и альтернативных способов оперирования информацией.

Вообще, детские переживания, детские игры и рассуждения, детские представления о возможном и невозможном, допустимом и недопустимом составляют целый мир. Степень его богатства и значимости, как нам кажется, не уступает миру взрослых. И только наша недалекость, ограниченность стереотипами "взрослой" культуры, возможно, преувеличенная значимость, которую мы приписываем собственным, чаще всего небольшим достижениям и результатам, заставляют нас так расточительно относиться к тому богатству, которое находится возле нас.

Мир ребенка не менее сложен и многопланов, чем мир взрослого. И одна из важнейших заслуг Ж.Пиаже - в том, что его концепция базировалась на глобальном изменении подхода к восприятию ребенка, который больше не был маленьким взрослым, чего-то еще не узнавшим, чему-то еще не научившимся, от чего-то еще не избавившимся, а рассматривался как целостная личность, каждая ступень развития которой имеет свои собственные законы, отличные от законов функционирования взрослого организма. И на каждой такой ступени внутренний мир ребенка представляет собой сбалансированную развивающуюся структуру с высоким уровнем ценности всех компонентов его личности. (И хорошее, и плохое, и зарождающееся, и отработавшее - все не исчезает бесследно, сохраняясь в особенностях структуры личности и предопределяя во многом последующий отбор жизненных ситуаций, в которых человек будет чувствовать себя комфортно, а как отдаленное следствие, - и

будущую судьбу⁹.

Поскольку, как мы уже отмечали, мир детства чрезвычайно богат и многопланов, мы попытаемся акцентировать лишь те его характеристики, которые могут оказаться значимыми для понимания закономерностей функционирования творческого мышления.

Исходя из этой установки, обратим внимание на следующие моменты:

- формирование способности и навыков оценки информации;
- функционирование специфических форм упорядочения мира;
- альтернативные формы оперирования информацией;
- альтернативные мыслительные структуры.

Как известно, склонность к более гибкой (ситуационно обусловленной, принимающей во внимание влияние различных факторов) оценке информации является одной из предпосылок формирования творческих способностей. Какую роль здесь играют условия

⁹ См.: Хеккаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. Т.1. «Индивиды отыскивают и даже формируют наличные ситуации в соответствии со своими личностными диспозициями (предрасположениями, склонностями. - И.Б.). Они, следовательно, сами создают свою ситуационную специфичность, а priori ограничивают множество возможных ситуационных влияний, лавируя между ними и расставляя акценты. П.Вочтел (P.Wachtel) писал: "...следует выяснить, почему некоторые люди так часто попадают в похожие ситуации. Почему один человек предпочитает находиться в обществе властных женщин, а другой весь поглощен работой и умудряется превратить любые сборища в рабочие совещания, а третий постоянно имеет дело с более слабыми, запуганными им людьми, от которых ему трудно ждать искренности?» (С.32).

Любопытно, что выявляемые и анализируемые в настоящее время связи и зависимости характера ситуаций и особенностей личностных диспозиций, значительно раньше запечатлелись в обыденном сознании и оформились в поговорку: "Посеешь поступок - пожнешь привычку. Посеешь привычку - пожнешь характер. Посеешь характер - пожнешь судьбу".

развития в детстве?

Чтобы ответить на этот вопрос, вероятно, имеет смысл обратить внимание на закономерности складывания и совершенствования навыка все более тонкой, дифференцированной, неоднозначной оценки внешних и внутренних воздействий и состояний по мере взросления человека. Очевидно, некоторые из них изначально воспринимаются как индифферентные, а потому, возможно, и не запечатлеваются в памяти младенца. Другие же имеют определенную (позитивную или негативную) окрашенность и потому фиксируются вместе с этой субъективной окрашенностью (по существу, зародышем оценки). Такие фиксированные взаимосвязи и составляют, вероятно, основание постепенно складывающейся системы оценок.

Огромное значение для ее формирования имеет полноценное, эмоциональное и событийно богатое общение ребенка со взрослым. Ведь более сложные, более отдаленно связанные со своим физическим состоянием оценки ребенок во многом усваивает, воспринимая эмоциональные реакции и оценки взрослого. При этом сначала могут приниматься и пониматься лишь самые выраженные, сознательно или неосознанно акцентированные реакции взрослого (отношение матери к младенцу вообще несколько утрировано: подчеркнутая и явно выраженная радость в случае одобрения определенных действий или так же явно выраженное неудовольствие в связи с какими-либо негативными, по мнению взрослых, актами поведения младенца).

Так расширяется для младенца круг восприятия различных воздействий и состояний, увязываемых с определенными эмоциональными оценками, пусть и не лично продуцированными, а воспринятыми из опыта общения со взрослым в результате усвоения некоторых стереотипных оценок, типичных, регулярно повторяющихся ситуаций.

Чем старше становится ребенок, тем меньшая акцентированность "взрослой" эмоциональной реакции

требуется для понимания им оценки своего поведения. Уже не нужен полный ритуал демонстрации отношения. Зачастую достаточно спокойно сказанных слов, и выработанная ранее связь информационных сетей, соотносимых с этой оценкой, активизируется.

Богаче становится и спектр эмоциональных реакций. Между крайними проявлениями (исключительная радость - явное неудовольствие) появляются разнообразные оттенки и полутона эмоциональной окрашенности. Со временем исчезает и безусловная однозначность оценок, в результате чего становится ясным, что примерно одно и то же событие при различных условиях может оцениваться по-разному. Так зарождается многозначность зависимостей в формирующейся системе личностных смыслов.

Но, конечно, при всей неоднозначности, обычно остаются безусловно осуждаемые и запрещаемые вещи. Например, то, что реально угрожает здоровью (физическому, интеллектуальному или нравственному) или самой жизни ребенка. Из таких безусловно осуждаемых комплексов событий, поступков, реакций формируются индивидуальные табу складывающейся нравственной структуры личности. Характер этих запретов, их направленность и содержание впоследствии в значительной степени обусловят особенности восприятия и оценки человеком различных жизненных ситуаций, а также его поведение в них. Хотя в каждом конкретном случае осуждаемым оказывается специфический комплекс действий ("Не шуми, разбудишь малыша соседей", "Не топай ногами, люди внизу могут отдыхать"), но повторение запрещаемого в различных жизненных ситуациях приводит к вычленению того общего, что проявлялось в каждом конкретном запрете: "Не причиняй беспокойства другим людям". И в еще более общей форме: "Не поступай в отношении другого так, как не хотел бы, чтобы поступили в отношении тебя".

Конечно, соответствующие максимы могут непо-

средственно декларироваться взрослым, но, если индивидуальная практика оценки им самим соответствующих ситуаций противоречит этому общему утверждению, скорее всего, доминирующее воздействие на особенности складывающейся эмоционально-мотивационной сферы окажет именно практика, а не декларации. (Вспомним ранее рассматривавшиеся особенности формирования системы личностных смыслов в зависимости от характера источника поступления информации: то, что фиксируется на основе неосознанного восприятия, минует барьер критичности, запечатлевается более прочно и практически в неискаженном виде. И напротив, на пути сознательного усвоения передаваемой информации стоит барьер контроля и критичности, оказывающей деформирующее воздействие на ее восприятие.)

Существенным этапом в становлении системы личностных смыслов является формирование понятий, осуществляемое ребенком по первому, наиболее яркому впечатлению. Вот, например, что пишет об этом процессе Х.Дочер (H.Daucher)¹⁰: «Первые впечатления оставляют след в нашей памяти, в соответствии с которым впоследствии размещается информация. Этот способ организации информации характерен для раннего развития ребенка: не результат сравнения многих впечатлений, который ведет к обобщенному понятию, а одно важное первое впечатление, в соответствии с которым позднее получаемая информация будет классифицироваться. В языковой сфере это означает, что первые впечатления обеспечивают ярлыки, имена для всех более поздних впечатлений, которые поставляют ассоциативные факторы... Слово "обозначает" описывает положение вещей довольно точно. Первое впечатление устанавливает знак, с которым последующие впечатления соотносятся. Отбор идентичных данных в этом процессе

¹⁰Daucher H. Creativity as a Structural Problem of Thinking//Creativity Research. International Perspective. New-Delhi,1980. P.81-82.

осуществляется весьма произвольно. Вот почему позднее многие такие классификации оказываются бесполезными и пересматриваются».

Однако, на наш взгляд, такие классификации отнюдь не бесполезны. Известно, что все упорядочения, структурирования, идентификации, осуществляемые на основе рационального учета и осмысления данных в свете существующей системы знания, наряду с множеством положительных черт (группировка на основании сущностных, необходимых параметров, расширение диапазона средств оперирования информацией за счет включения символической репрезентации и др.), могут иметь немаловажные недостатки. Это связано с тем, что сама основа знания, на которой базируются подобные упорядочения, может потребовать пересмотра именно потому, что опиралась на те свойства и признаки, которые в рамках существовавшей системы знания рассматривались как наиболее важные, определяющие. При этом, естественно, огромное множество свойств классифицируемых объектов оказалось в той или иной степени вне сферы рассмотрения (в зависимости от их соотносительности - согласно системе знания - с признаками, выделяемыми в качестве фундаментальных). Однако изменение картины мира может привести к тому, что свойства, признаки, связи, выступавшие как менее существенные, внешние, а то и случайные, окажутся в определенном отношении более значимыми, чем, например, те, по которым производилось упорядочение. И тогда перед специалистами встает сложная задача реорганизации системы собственного знания.

Здесь, как нам представляется, и могут сыграть свою роль детские упорядочения, детские ярлыки и отнесения объектов к определенному классу по не вполне эксплицируемым основаниям. В ходе освоения мира, базирующегося на преимущественном использовании средств рационального оперирования информацией, такие упорядочения действительно могут оказаться мало-полезными, поэтому сам ребенок постепенно вырабатывает

вает другие. Но они не бесполезны как вместилище альтернативного (по отношению к рациональному) опыта видения мира, альтернативного установления отношений подобия, сходства, контраста.

Это альтернативное видение, имеющее принципиально иную основу восприятия, членения и осмысления мира, - бесценный источник нетривиальных аналогий творческого мышления, неочевидных, неожиданных и не всегда доступных осознанию самого субъекта ассоциаций, умозаключений и выводов. И здесь кажется очевидной роль сферы психических содержаний, складывающейся в детстве, поскольку именно характер индивидуальной окрашенности впечатлений оказывается важнейшим критерием формирования класса восприятий.

Представляется, что подобная система упорядочения не отмирает и не исчезает из памяти по мере взросления, заменяясь иными, более привычными для взрослого, основаниями структурирования, классификации и оценки. Она продолжает существовать, оказывая влияние на результаты переработки информации, в основном, на наш взгляд, на уровне неосознанного оперирования данными.

Еще одним альтернативным (по отношению к "взрослой" культуре) механизмом репрезентации информации, на который хотелось бы обратить внимание в связи с анализом предпосылок нетривиальных ассоциаций, аналогий, решений, является выделение и фиксирование в качестве самостоятельных сущностей элементов целого, лишенных (с точки зрения норм и традиций культуры) независимого существования. То, что для взрослого выступает как неразделимое целое (или такое целое, расчленив которое ему просто не приходит в голову), ребенку может видеться как некий конгломерат, состоящий из независимых единиц. В таком случае в глубинах его памяти именно части целого окажутся зафиксированными как некие самостоятельные сущности (возможно, даже и поименованные). Эта особенность

восприятия впоследствии обусловит возможность более высокой сочетаемости информации, чем в случае оперирования данными, подвергшимися всем тем процедурам преобразования информации, которые осуществляются в процессе ее символической репрезентации и которые уже рассматривались ранее.

Как известно, весьма значительную роль в развитии детского мышления, а тем самым и в становлении индивидуальной системы личностных смыслов играют эгоцентрическая речь и эгоцентрическое мышление. Поэтому кажется полезным подробнее остановиться на некоторых связанных с этими вопросами моментах.

Идею существования эгоцентрической речи сформулировал в свое время Ж.Пиаже. Он определил ее как переходную, промежуточную форму, располагающуюся (с генетической, структурной и функциональной точек зрения) между аутистической мыслью¹⁰ и направленным разумным мышлением. Значительное внимание анализу параметров эгоцентрического мышления и речи уделил также Л.С.Выготский. Он полагал, что эгоцентрическая речь представляет собой этап на пути перехода от социальной, внешней речи к речи внутренней. Отсюда и ее характерные особенности - сжатость, спрессованность, предикативность, непонятность для других людей вне знания контекста ее порождения. Л.С.Выготский, вслед за Ж.Пиаже, выделял и другие особенности эгоцентрической речи: во-первых, ее возможность лишь в условиях наличия социального окружения, во-вторых, ее коллективная монологичность, в третьих, уверенность ребенка в том, что его речь понятна другим людям, присутствующим при ее рождении. Исходя из перечисленных свойств, Выготский предложил экспериментальное исследование¹¹, которое, по его мысли, должно было раскрыть зависимость указанных характеристик от специфики эгоцентрической речи как

¹⁰См. сноску 35.

¹¹Выготский Л.С. Мышление и речь. Гл. II.

этапа, промежуточного между речью внешней и внутренней. В частности, в экспериментах поочередно исследовался каждый из трех факторов за счет создания ситуаций, позволявших варьировать соответствующие характеристики социального окружения. В первом случае ребенок помещался в среду, относительно которой ему было заранее известно, что понимание его речи в силу тех или иных причин (его окружали глухонемые дети или иностранцы) невозможно. Во втором случае создавалась ситуация, где коллективный монолог исключался (остальные дети сидели слишком далеко и не слышали ребенка, или он находился один в комнате, а экспериментатор скрыто наблюдал за ним). И, наконец, в третьем случае создавались условия, когда ребенка невозможно было слышать (или в комнате устраивали грохот, или ему давали задание говорить шепотом). Во всех случаях было выявлено падение коэффициента использования эгоцентрической речи по сравнению с предварительно вычисленным для данного ребенка значением в традиционных для него условиях общения. Однако достоверная зависимость была зафиксирована лишь для первого случая. В двух других она выступала скорее как тенденция.

Такой результат представляется не случайным. Хотя Выготский рассматривал полученные данные как подтверждение его гипотезы о неразрывной связи, зависимости перечисленных параметров эгоцентрической речи от специфики ее как феномена, промежуточного между речью внешней и внутренней, возможно, здесь не все столь однозначно. Прежде всего феномен эгоцентрической речи может наблюдаться и в условиях отсутствия коллективного монолога и социального окружения. Жесткое привязывание эгоцентрической речи к жизни ребенка в коллективе сверстников, которое мы встречаем и у Пиаже, и у Выготского, по-видимому, объясняется тем, что в обоих случаях наблюдения велись за группами детей, организованных в рамках определенных детских учреждений.

Но для того, чтобы выводы о характере эгоцентрической речи и эгоцентрического мышления более адекватно отражали природу этих феноменов, вероятно, необходимо учитывать и анализировать также и динамику соответствующих процессов у так называемых "домашних" детей. И если понаблюдать за ними, то окажется, что и они демонстрируют широкое использование эгоцентрической речи в своей повседневной жизни. Естественно, что для таких детей отсутствие коллективного монолога и социального окружения в лице сверстников является скорее правилом, чем исключением. Поэтому сам факт наличия и в этих случаях эгоцентрической речи, на наш взгляд, говорит о ее относительной независимости от условий коллективного монолога и социального окружения.

Чем же тогда можно объяснить результаты, полученные Л.С.Выготским? И в частности, то, что они (хотя и не так очевидно, как для первого случая) все же выявили тенденцию зависимости интенсивности использования эгоцентрической речи от этих параметров?

Можно предположить, что причина здесь не столько в том, что упомянутые параметры являются характеристическими для эгоцентрической речи, сколько в специфике предшествующего опыта детей. Иначе говоря, поскольку дети привыкли к условиям, существующим в любом детском коллективе (среди этих условий и достаточно высокая степень шума, и наличие одновременно совершающихся монологов, так как, несмотря на то что говорит сосед, каждый ребенок и сам стремится активно прожить определенную жизненную ситуацию), их эгоцентрическая речь оказалась адаптированной именно к этим специфическим условиям и приобрела некоторые характерные именно для данных условий черты. Поэтому изменение коэффициента ее использования в измененных условиях (отсутствие коллективного монолога и окружения сверстников) может быть интерпретировано иначе, чем это делает Л.С.Выготский. И в частности, оно может объясняться помещением ребенка в

непривычную для него обстановку. Совершенно очевидно, что непривычная обстановка может сама по себе быть фактором, обуславливающим трансформацию характерного для ребенка проявления мыслительной активности.

Таким образом; кажется несколько преждевременным делать вывод о характеристичности свойств коллективного монолога и социального окружения для природы эгоцентрической речи. Представляется, что специфика ее не столько в том, что она знаменует переход от социального мышления (речи) к внутреннему, сколько в том; что она есть переход от мышления, осуществляемого в условиях коммуникации, к мышлению, осуществляемому в ее отсутствии. В этой связи коснемся некоторых аспектов мышления, осуществляемого в условиях коммуникации.

Когда младенец появляется на свет, в нем, вероятно, уже от природы, генетически, заложено стремление к общению. Это совершенно необходимо, иначе невозможно было бы быстрое обучение ребенка, усвоение им уже в первые годы жизни колоссального объема информации, поступающей преимущественно от взрослых именно в ситуациях общения. Значимость такого общения настолько велика, что, как утверждают специалисты, то, что ребенок "не добирает" в этом плане в первые три года жизни, не удастся восполнить в течение всех последующих лет.

Очевидно, данное обстоятельство может быть связано с тем, что именно в этом возрасте он оказывается способным к наиболее полному и быстрому усвоению информации. Впоследствии видоизменяются и характер усвоения, и источники усваиваемой информации. Например, более выраженным становится сознательное восприятие и размещение информации в системе собственного знания, развивается критичность восприятия, способность сопоставлять поступающую информацию с хранящейся. И если впоследствии акцент постепенно переносится на самостоятельное отыскание, перера-

ботку, осмысление данных, то первоначально практически исключительным источником поступления информации является общение со взрослыми, окружающими ребенка в первые годы жизни.

Поскольку такая практика обучения детей является традиционной для человеческого сообщества, то очевидно, что ей должен соответствовать и специфический для такой практики тип мышления ребенка: мышление, которое в значительной степени иницируется и совершается в ситуации общения, - условно говоря, коммуникативное мышление¹².

На наш взгляд, оно может быть и реальным, и аутистическим - в зависимости от характера осмысливаемой информации: если преобладают данные о внешнем мире, о месте ребенка в нем, вероятно, это будет коммуникативное реальное мышление. Если объектом информации являются внутреннее состояние, собственные переживания, это может быть коммуникативное аутистическое мышление. Иначе говоря, на наш взгляд, характеристика коммуникативности отражает не направленность мышления (на себя или на внешний мир), а ситуацию его зарождения и осуществления. Как уже говорилось, для раннего детства это будет по большей части ситуация общения со взрослым.

О чем же свидетельствует возникновение и развитие эгоцентрической речи - внешнего, наблюдаемого проявления эгоцентрического мышления? По нашему мнению, о том, что от преимущественно коммуникативного мышления ребенок начинает постепенно переходить к не-коммуникативному или "личностному" (вообще говоря, этот термин достаточно неудачен, но и другие, потенциально возможные - "индивидуальное", "внутреннее", "некоммуникативное" - по разным причинам тоже не слишком подходят).

¹²Некоторые теоретические вопросы, связанные с пониманием места и роли процесса коммуникации в становлении и развитии человеческого мышления, рассматривались в первой главе.

Почему ребенок начинает говорить сам с собой, проговаривая вслух "мысли-для-себя"? За годы формирования мыслительной способности вся когнитивная деятельность оказалась адаптированной к ситуации наличия собеседника. Проговаривая вслух "мысли-для-себя", ребенок научается думать и в условиях отсутствия собеседника. Изменение же характера эгоцентрической речи - от почти полного сходства с социальной речью в три года к максимальному отличию от нее в семь лет - на наш взгляд, объясняется все большим освобождением мышления ребенка от ситуации коммуникации, постепенным развитием способности "личностного" мышления. При этом следует отметить, что "личностное" мышление, так же как и коммуникативное, по нашему мнению, может быть и реальным, и аутистическим в зависимости от характера направленности. Вообще, различие реального и аутистического мышления достаточно условно. Это, если можно так выразиться, различие в степени. Между крайними проявлениями того и другого существует множество промежуточных ступеней, в той или иной мере включающих компоненты реального и аутистического мышления.

Некоторые экспериментальные исследования показали, что проговаривание вслух, повторы встречаются в тех случаях, когда решение задачи требует мобилизации больших усилий, чем предыдущий опыт рассмотрения мог обеспечить. Было обнаружено также, что эгоцентрическая речь используется более интенсивно в случае возникновения некоторого затруднения. Вместе с тем, по закону Клаппарда, осознание связано с возникновением препятствия в автоматически протекающей деятельности. Учитывая все это, вероятно, можно говорить о том, что проговаривание вслух "мысли-для-себя" позволяет ребенку, во-первых, эффективнее концентрировать внимание на некоторых аспектах своей деятельности. Во-вторых, в случае затруднений запускать пока еще более привычные для него механизмы коммуникативного мышления. И, в-третьих, наверное, все-таки,

это свидетельствует о том, что вычленение параметров ситуации, вызвавших соответствующее затруднение, поиск путей преодоления проблем - иначе говоря, переход к рассмотрению ситуации на уровне сознания - требуют от ребенка пока достаточно серьезных, специально направляемых и контролируемых усилий. Поэтому, как нам представляется, эгоцентрическое мышление (и эгоцентрическая речь как его проявление) - это не этап на пути перехода от аутистического мышления к реальному (как у Пиаже) или наоборот (как у Выготского), а этап на пути перехода от коммуникативного мышления (наиболее рано формирующегося типа мышления, обусловленного специфически человеческой практикой передачи информации в процессе вербальной коммуникации) к "личностному".

Рассмотрение некоторых особенностей формирования системы личностных смыслов в процессе онтогенеза применительно к анализу проблемы творческого мышления, на наш взгляд, позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, поскольку в основе уподоблений, установлений контраста, разбиений на классы лежит сопоставление собственных впечатлений по поводу воспринимаемого (а детское мировосприятие и "мироупорядочение" в некоторых моментах существенно отличается от "взрослого", как мы пытались показать), постольку сформированные в детстве комплексы психических содержаний впоследствии могут с успехом использоваться для нахождения нетривиальных решений;

во-вторых, так как все эти операции и их результаты базируются на некоторых интегрированных оценках (нерасчлененные и неанализируемые до формирования барьера критичности комплексы впечатлений), они иногда могут оказаться глубже и вернее, чем результаты, основанные на сопоставлениях, осуществляемых в рамках устоявшейся картины мира и соответствующих ей стереотипов, а также способов репрезентации и оценки информации. Но в любом случае, сфор-

мированные на этой основе концептуальные структуры фиксируют альтернативные - по отношению к "взрослой" культуре - способы видения мира и упорядочения собственного опыта;

в-третьих, для раннего детства характерно доминирование коммуникативного мышления, от которого постепенно совершается переход к "личностному". Соответственно, формирующиеся на этой основе концептуальные структуры несут на себе отпечаток коммуникативного мышления. Это, по нашему мнению, обусловит целый ряд их особенностей. И в частности, они будут содержать элементы неопределенности - как следствие неизбежного недопонимания и неверного понимания в процессе коммуникации. В формирующихся на такой основе концептуальных структурах будут существовать неполные и не до конца осмысленные фрагменты знания - как результат передачи готовой информации от одного коммуниканта к другому (для которого она может не стать органичной частью его системы личностных смыслов, если отсутствуют предпосылки для ее размещения в имеющейся у субъекта системе знания). В таких концептуальных структурах возможно функционирование элементов искаженного восприятия, что является следствием постепенного формирования барьера сознания и критичности на пути усвоения передаваемой информации и т.п.

Все перечисленные моменты, на наш взгляд, играют важную роль в понимании природы творческого мышления, поскольку, в частности, для него характерно более широкое использование сформировавшихся в детстве компонентов системы личностных смыслов и механизмов репрезентации информации.

Внешне, на уровне детерминации психологических характеристик личности, данное обстоятельство, как представляется, находит свое выражение в определенной "детскости", свойственной творческим личностям, на которую обращают внимание многие исследователи креативного мышления. Например, Д.Креч, Р.Кречфилд и

Н.Ливсон полагают, что "сущность творческого человека заключается в том, что он способен в себе сочетать удивление, воображение и честность ребенка с по-настоящему зрелыми навыками зрелого и реалистичного взрослого"¹³.

Теперь более подробно охарактеризуем сферу психических содержаний, квалифицируемую в структуре личности как "Родитель". Благодаря этим содержаниям система личностных смыслов субъекта обогащается усвоенными, а не самостоятельно найденными стереотипами поведения, реагирования, рассуждения и пр. Все это, безусловно, важно. Но здесь хотелось бы обратить внимание еще на один момент. Человек, воспитывавший ребенка, структуру личности которого мы, допустим, в данном случае анализируем, передавший ему свое видение мира, свои способы и формы его восприятия, осмысления и т.п., - короче "подаривший" своему ребенку того "Родителя", который всю жизнь будет составлять компонент его личности, - этот человек, в свою очередь, также сохранял в себе Ребенка, Родителя и Взрослого.

Содержание его Родителя точно так же составилось из стереотипов и навыков, "безвозмездно переданных" ему людьми, его воспитавшими. А те, в свою очередь, несли в себе своих Родителей. Так становится ясным тот механизм трансляции общечеловеческого опыта, который лежит в основании функционирования всех культур. Он сохраняет преемственность жизненного опыта даже тех поколений, между которыми связь кажется полностью нарушенной: прошлое забыто, вычеркнуто из памяти народа. Но это не совсем так. Каждый родитель, воспитывающий сегодня ребенка, несет в себе своего Родителя, который воспитал его. Тот, в свою очередь, передал ему компоненты жизненного опыта своего Родителя

¹³Креч Д., Крачфилд Р., Ливсон Н. Факторы, определяющие решение задачи//Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.,1981. С.296.

и т.д. Поэтому все перемены общественного сознания, связанные с историческими событиями, происходившими в культуре того народа, к которому принадлежит данный индивид, через действие этого своеобразного механизма трансляции оказываются "встроенными" в структуру его личности, причем в значительной степени независимо от его воли и желания. Этот исторический и культурный опыт предопределяет очень многие формы жизнедеятельности человека, варианты его индивидуальных реакций на происходящие события, их оценку и пр.

Применительно к обсуждению проблемы творческого мышления данное обстоятельство будет существенным постольку, поскольку через длинные цепи опосредований обеспечивает индивиду возможность доступа к весьма удаленным во времени и, возможно, нетрадиционным, нестандартным для современной культуры нормам оценки информации, способам ее интерпретации и использования. Наряду с ранее упоминавшимися видами альтернативного опыта они весьма ценны как источник нахождения нетривиальных ассоциаций, аналогий, решений. Таким образом, более внимательное изучение механизмов трансляции общечеловеческого культурного опыта, которая совершается "по вертикали", в процессе усвоения субъектом форм мироощущения и мировосприятия, способов реагирования и оценок, характерных для воспитывавших его людей, позволяет объяснить то обстоятельство, что, например, для представителя современной технократической цивилизации оказывается доступным (в какой мере и с какими оговорками - это другой вопрос) культурно-исторический опыт достаточно удаленных во времени цивилизаций - вплоть до архаичных форм восприятия мира, ощущения своего места в нем, представления о характере связей и зависимостей.

Это, на наш взгляд, очень интересный момент. Он позволяет говорить о передаче по каналам родственных связей не только информации генетического характера и

не только как следствия существования генетической обусловленности определенных форм и структур восприятия, осмысления, поведения и др. Здесь намечается и совсем иной канал трансляции экологически значимой культурной информации - также в системе родственных связей, но не на основе генетического аппарата, а путем усвоения каждым ребенком компонентов системы личностных смыслов его родителя и передачи этого опыта (естественно, с добавлением тех элементов, которые накоплены в процессе его собственной жизнедеятельности и составляют содержание его Взрослого) своему ребенку, частью системы личностных смыслов которого становятся уже эти психические содержания и которые, в качестве опыта Родителя будут переданы его ребенку и т.д.

Размышление над этим механизмом позволяет, кстати говоря, понять, почему (как полагают многие исследователи) для представителей современной технократической цивилизации доступ к содержаниям, почерпнутым на основе использования альтернативных форм упорядочения информации, оказывается все более затрудненным. А поскольку он составляет предпосылки интуитивных актов, прозрений, озарений и т.п., то вопрос о понимании причин его меньшей доступности становится еще более важным.

Как нам представляется, можно предложить такую модель объяснения этого феномена. Поскольку, как уже отмечалось, в процессе вертикальной трансляции экологически значимой культурной информации каждый родитель передает своему ребенку не только психические содержания, соответствующие своему Родителю, но и свой собственный опыт (своего Взрослого), то накопление информации идет как бы по двум направлениям: с одной стороны, определенная часть усваиваемых в ходе подобной трансляции содержаний будет составлять (и передавать из поколения в поколение, пусть и в измененной и в скрытой форме) компоненты архаичного опыта. Но вместе с тем будут передаваться и

усваиваться и те компоненты культуры, которые идут параллельно развитию цивилизации и которые фиксируют знания, мнения, стереотипы, представления, характерные для каждой данной эпохи.

Но в том случае, если цивилизация пошла по пути доминирующего развития одной из возможных альтернативных форм восприятия, репрезентации и оперирования информацией (применительно к современной технократической цивилизации это будут символические средства) и сформировала соответствующие этому направлению критерии оценки компонентов содержаний на степень их научности, достоверности, объективности и пр., тогда может оказаться, что наследуемые каждым человеком архаичные формы мировосприятия и мироощущения, компоненты системы знания и опыта просто-напросто противоречат тем нормам и традициям, которые также передавались ему и которые зафиксировали весь последующий путь развития данной цивилизации.

При таких условиях "обнаружение" субъектом содержаний, прямо противоречащих принимаемым им установкам, поставит его в затруднительное положение, так как будет вынуждать его каким-то таким образом изменить собственную картину мира, чтобы удалось совместить взаимоисключающие фрагменты опыта. Как известно, расшатывание той системы представлений, на которой базируется созданная субъектом сетка концептуальных структур, ухудшает его адаптивные возможности, грозит более или менее тяжелыми кризисами личности. Поэтому для поддержания устойчивости всей системы нежелательная информация - а в данном случае ею и окажется информация, идущая от опыта и знаний архаичных культур - будет блокироваться механизмами психологической защиты¹⁴. Именно поэтому доступ к

¹⁴ Психологическая защита - «специальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на устранение или сведение до минимума чувства тревоги, связанного с осознанием конфликта.

сфере альтернативного опыта, составляющей важнейшую предпосылку интуитивных актов, для представителей технократической культуры оказывается действительно затруднен.

На наш взгляд, иное положение существует у представителей тех культур, также современных, в которых нет такой резкой ориентации системы ценностей на символические средства репрезентации и оперирования информацией, например в так называемых "восточных культурах"¹⁵.

Так, в рамках традиции, идущей от буддистской культуры, акценты на степени значимости различных компонентов восприятия расставлены совсем по-иному. Например, анализ учения о "спасении" в китайском буддизме дает основания говорить о более низком статусе дискурсивного знания по сравнению с интуитивным в рамках этой традиции. И в частности, суть "спасения" усматривалась в видении вещей такими, каковы они

Функцией психологической защиты является "ограждение" сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний. В широком смысле термин "психологическая защита" употребляется для обозначения любого поведения, устраняющего психологический дискомфорт, в результате которого могут сформироваться такие черты личности, как негативизм, появиться "ложные", замещающие деятельности..., измениться система межличностных отношений. Психологическая защита, понимаемая в узком смысле, ведет к специфическому изменению содержания сознания как результату функционирования ряда защитных механизмов: подавления, отрицания, проекции, идентификации, регрессии, изоляции, рационализации, конверсии и др.»/(Психология. Словарь. М.,1990. С.121).

¹⁵ Следует отметить, что сама по себе задача типологизации культур вряд ли может иметь однозначное решение, поскольку феномен культуры настолько неоднороден и многопланов, что любое отношение его к тому или иному классу (типу, виду) будет заведомым его огрублением. Кроме того, невозможно осуществлять сопоставление культур, не используя категориальный строй и выразительные возможности того языка, который сам является принадлежностью некоторой культуры. А это еще более затрудняет анализ и делает выводы еще более относительными.

есть. Но достижение подобного видения невозможно путем дискурсивного знания. Последнее хотя и не отвергалось полностью, но рассматривалось как этап подготовительный на пути постижения истины. Истинная сущность должна постигаться интуитивно, непосредственно, внезапно¹⁶.

Весьма характерным в плане сопоставления эволюции культур является отношение к противоречиям. В рамках технократической культуры принцип непротиворечивости в представлении и оперировании информацией является одним из наиболее мощных и могущественных регулятивов динамики системы знания данной культуры.

Но возможно и совершенно иное отношение к нему: противоречивость как неотъемлемый компонент адекватной картины мира. Например, тезис о тождестве нирваны и сансары, провозглашенный основателем школы мадхьямиков Нагарджуной¹⁷. Можно привести и другие примеры парадоксов¹⁸.

1) "Так Приходящий проповедовал, что первейшая парамита не есть первейшая парамита. Это и именуют первейшей парамитой"¹⁹;

2) "Когда Будда проповедовал праджняпарамиту, то тогда она уже не была праджняпарамитой"²⁰;

3) "Когда Будда проповедовал о скоплениях пыли-

¹⁶ Янзутов Л.Е. Психологические аспекты учения о "спасении" в китайском буддизме // Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1991. С.42, 44.

¹⁷ Напомним, что под нирваной понималось истинное бытие, равнозначное освобождению от страданий и достижению "состояния будды". Напротив, сансара - это мир страданий, в котором человек пребывает до вступления в нирвану.

¹⁸ Торчинов Е.А. О психологических аспектах учения праджняпарамиты (на примере "Ваджраччхедика - праджняпарамитасутры") // Психологические аспекты буддизма. С.106.

¹⁹ Парамита - энергия, путь, ведущий к другому берегу (нирване), а также тот текст, в котором освещен этот путь.

²⁰ Праджня - мудрость, высшая мудрость.

нок, то это были не-пылинки. Это и называют скоплением пылинок".

Но дело, конечно же, не в этих отдельных фрагментах, а в принципиально ином, альтернативном - по отношению к нашей культуре - восприятию и видению мира, совершенно иной системе ценностей и приоритетов: то, что для нас чрезвычайно важно, в рамках этой культуры оказывается малозначительным или вообще незначимым. То, на что мы опираемся в своем мировосприятии и мироощущении, рассматривается в ней как иллюзорное, не-истинное, что должно быть преодолено для достижения состояния просветления и т.д.

И если мы вспомним некоторые из тех архаичных форм восприятия и осмысления мира, которые рассматривались в первых двух главах (прото-образы, спонтанно продуцируемые как форма целостной, непосредственной репрезентации мира в комплексах собственных ощущений; слитость, растворенность человека в мире природы; удивительная открытость внешним восприятиям, позволяющая как бы вбирать в себя мир другого и т.п.), то мы увидим, что мировосприятие и мироощущение буддистской традиции значительно ближе опыту ранних культур, чем, например, картина мира, существующая в рамках современной "западной цивилизации".

Сопоставление отдельных элементов этих культур, на наш взгляд, позволяет понять, почему (хотя трансляция экологически значимой культурной информации осуществляется и тут, и там через механизм Ребенок-Родитель-Взрослый) доступ к компонентам архаического опыта для представителей "технократической цивилизации" будет более затруднен, чем, например, для представителей "восточных культур".

И в этом плане, наверное, все-таки есть основания утверждать, что возможность интуитивных усмотрений, озарений и т.п. уменьшается по мере все большего продвижения нашей цивилизации по пути преобладающего развития средств, базирующихся на символическом

представлении и оперировании информацией, по пути развития систем ценностей и критериев оценок, ориентированных на такое доминирование.

В этой связи особую эвристическую ценность, на наш взгляд, приобретает углубленное изучение опыта иных культур, что позволит не только отказаться от многих стереотипов собственной картины мира, но и, возможно, обратиться к тому хранилищу альтернативного знания, альтернативных механизмов оперирования информацией, которые наследуются каждым из нас от своих прародителей, но доступ к которым, по описанным выше причинам, чаще всего оказывается затрудненным.

Логико-методологический анализ

Теперь проанализируем закономерности формирования и развития системы личностных смыслов в логико-методологическом плане.

Как уже отмечалось, на ранних этапах филогенеза фундаментом репрезентации окружающей реальности служили комплексы собственных впечатлений субъекта по поводу воспринятого. Само же "реликтовое восприятие" отличалось непосредственностью, спонтанностью. В его основе лежало такое мироощущение, которое характеризовалось слитостью человека с миром природы, его растворенностью в нем, когда собственные впечатления и переживания представляли как составная часть, продолжение космических процессов. А космические процессы как бы вбирались в себя внутренним миром субъекта.

Сфера психических содержаний, которая формировалась на базе такого мироощущения, не могла не иметь некоторых отличительных черт. И в частности, она содержала ментальные конструкты, в которых не просто различалось то, что отражает состояние объективных процессов и то, что субъективно, а сами эти компоненты - субъективное и объективное - были слиты, сплавлены в одно целое.

В логико-методологическом плане такое состояние психики человека может быть охарактеризовано (хотя и с известной долей натяжки, поскольку понятия, разработанные для осмысления совершенно другой реальности и другой культуры, используются для идентификации существенно отличных по своей природе феноменов) как синкретизм (нерасчлененность) эмоцио-ментальной сферы.

Психические содержания, являвшиеся компонентами такой системы, как мы теперь бы сказали, отличались и от интеллектуальной эмоции, и от эмоциональной интеллектуальности. Причем, на наш взгляд, неверно было бы сказать, что это был симбиоз мысли и эмоций. И даже предположение, что содержания этого прото-комплекса состояли из неразрывно связанных между собой прото-эмоций и прото-мыслей, также представляется справедливым лишь применительно к более поздним этапам филогенетического развития системы личностных смыслов человека.

То, что послужило основой формирования последующих ее компонентов, которые в рамках современной культуры квалифицируются как знания, мнения, вера, иллюзии, - все это базировалось на некоторых настолько специфичных мыслительных образованиях, что в категориях современного языка их даже выразить трудно.

Вспомним описывавшиеся ранее особенности мироощущения бушменов. При этом обратим внимание на то, что эти формы восприятия и ощущения зафиксированы уже в настоящее время. Поэтому, возможно, они не совсем точно или не в полной мере дают представление о том раскрытом навстречу миру человеку, который представлял собой гигантское "чувствилище", способное вместить, вобрать в себя весь мир вокруг него, во всем его богатстве и многообразии.

Вот еще один интересный момент, который, как нам кажется, может иметь отношение к пониманию внутреннего мира человека на ранних этапах филогенетического развития. Известно, что в ходе изучения пси-

хики проводятся эксперименты с использованием психоделиков²¹, различных нелекарственных форм воздействия - электрическим током, акупунктурой, гипнозом²², под действием которых человек погружается в особое состояние. Последствия пребывания в такого рода состоянии исключительно многообразны, и мы не будем на них останавливаться. Обратим внимание на такую деталь.

В экспериментальных исследованиях, когда человек проходил одну за другой стадии переживания наркотического состояния, обнаружилась его способность вспоминать и воспроизводить отдаленные события детства, о которых знать от других он не мог, но достоверность воспоминания о которых подтверждалась кем-либо из окружавших его в ту пору людей.

Уже сама по себе такая способность воспроизведения кажется удивительной, но не слишком. Она легко укладывается в существующую модель памяти, в соответствии с которой считается, что память удерживает все события, происходившие с человеком в течение его жизни. Просто доступ к отдельным ее областям настолько затруднен, что воспроизведение становится возможным лишь в специальных условиях (гипноз, действие психоделиков или, например, раздражение электрическим током определенных участков коры головного мозга), и картины давно ушедших дней, никогда не воспроизводившиеся, вдруг всплывают в памяти человека, причем во всем богатстве ощущений и переживаний, сопровождавших его тогдашнее состояние.

Так что в этом обстоятельстве еще нет ничего не-

²¹ Вещества-галлюциногены (например, препараты ЛСД).

²² *Grof S. Beyond the Brain: Birth, Death and Transcendence in Psychotherapy.* N.Y., 1985; *Моравек М. Подсознательные механизмы и гипноз // Бессознательное.* Тбилиси, 1978. Т.2. С.177-183; *Гримак Л.Л. Резервы человеческой психики.* М., 1987; *Кастанеда К. Путешествие в Икстлан.* М., 1991; *Он же. Учение дона Хуана.* СПб, 1991.

обычного. Более сложные для понимания вещи начинаются тогда, когда человек, продвигаясь по пути внутренних переживаний своего измененного сознания, вдруг начинает вспоминать, что происходило, когда он находился в утробе матери, и далее - что было, "когда он не был человеком" (так называемый "трансперсональный опыт"). Здесь, вообще говоря, и начинается самое труднообъяснимое. Когда представители современной культуры сталкиваются с такой информацией, то наиболее распространенная реакция - отвергнуть ее как ненаучную, шарлатанскую, как такое, чего вообще не может быть, потому что не может быть никогда. Эта реакция совершенно естественна и понятна. Она носит приспособительный, защитный характер и направлена на то, чтобы избежать непосредственного столкновения человека с такими фактами, которые, если будут им приняты или относительно которых будет допускаться вероятность (пусть и небольшая) их существования, ставят его перед серьезными внутренними проблемами.

Ведь, как известно, в процессе становления личности происходит формирование внутренних концептуальных структур, в которых фиксируются традиции данного сообщества, элементы научной картины мира, устоявшиеся и имеющие статус бесспорных, стереотипы самой различной природы и т.п. Причем сама эта информация (по крайней мере многие ее компоненты) может извлекаться и усваиваться субъектом неосознанно, просто как следствие его жизнедеятельности по мере взросления. Такие психические содержания, избегнув барьеров сознания и критичности, хотя и могут когда-либо подвергаться сомнению, но, будучи однажды приняты, все-таки сохраняют большую устойчивость в отношении потенциальных контрпримеров.

И напротив, убеждения, представления, стереотипы, которые хотя бы однажды прошли контроль сознания, снова могут быть подвергнуты такой проверке. Хотя, чем больше они устоялись в индивидуальной системе личностных смыслов, чем больше связей, зависимостей

и отношений базируется на этих предпосылках, тем труднее ставить их под сомнение. Это одна из причин того, почему так трудно преодолеваются стереотипы и почему совершение подлинно творческого шага, отказ от устоявшихся исходных ограничений на проблему, требует от человека определенных личностных особенностей (о них мы поговорим позднее), - и в том числе, мужества поставить под удар самого себя, сделать себя менее защищенным перед лицом окружающего мира, к многочисленным изменениям которого надо постоянно приспосабливаться и действовать при этом максимально эффективно. А разрушенные связи, на которых базировалось понимание человеком окружающего его мира и своего места в нем, затрудняют такую адаптацию. Для того, чтобы выстроить себе новый "каркас" из связей, по-новому упорядочивающих мир, требуется время, и иногда немалое. Все это время человек остается довольно незащищенным с точки зрения его потенциальной способности к эффективной адаптации. (В этом, кстати говоря, некоторые исследователи видят одну из причин регулярных возрастных кризисов.)

Но ситуация становится еще более драматичной, если затронутой оказывается та сфера личностных смыслов, которую составляют содержания, не прошедшие в свое время контролирующего барьера критичности. В них могут содержаться элементы общечеловеческого опыта, отраженного и зафиксированного и в языке, и в традициях данной культуры, и в укоренившихся предпочтениях, мнениях, самообманах и иллюзиях, системе ценностей и приоритетов и пр.

Если те компоненты личного опыта, которые преодолели барьер сознания, представляют собой в некотором смысле более позднее приобретение человеческой культуры, то психические содержания, никогда не подвергавшиеся критическому анализу, составляют основу системы восприятия мира человеком и понимания своего места в этом мире. Они тем более прочны, что никогда не ставились под сомнение. И именно поэтому

они представляют наиболее надежное звено (или одно из наиболее надежных звеньев) из числа тех, которые закладываются в основание системы мировосприятия и мироосмысления.

Это, вообще говоря, очень мудрый механизм. Именно такие компоненты системы личностных смыслов, будучи положены в ее основу, станут наименее уязвимыми для "контрпримеров", обеспечат наибольшую устойчивость всей системы знаний и представлений человека. А значит, наилучшим образом будут выполнять одну из своих важнейших функций - обеспечения максимально эффективной адаптации субъекта к постоянно изменяющимся условиям среды.

Надежной гарантией эффективности такого выбора служит то обстоятельство, что многие поколения людей жили, основывая свои индивидуальные системы видения мира на этих незыблемых и неосознаваемых постулатах. Реальный родитель обеспечит передачу своему ребенку того опыта, который заложил в него его собственный родитель. И тогда та часть системы личностных смыслов, которая контролируется "Родителем", находящимся внутри каждого из нас, заботливо и бдительно проследит за тем, чтобы существующие в обществе запреты, табу, неоспариваемые истины и пр., никогда не были бы поставлены под сомнение нашим внутренним "Взрослым" или "Ребенком" (ведь творческую потенцию часто связывают с сохранением детского в человеке, со способностью задавать и задаваться "глупыми" вопросами, на которые все давно знают ответ, или такими вопросами, на которые не следует искать ответа). Таким образом, наш внутренний Родитель будет следить за тем, чтобы мы не оказались в ситуации, когда под сомнение могут быть поставлены вещи, никогда не подвергавшиеся критическому рассмотрению.

Существуют и другие факторы, обуславливающие спонтанную реакцию неприятия в тех случаях, когда поступает информация, которая может поколебать систему наиболее значимых, фундаментальных стереотипов

(некоторых из них мы коснемся позднее).

Итак, реакция отвержения, неприятия на поступление информации, идущей вразрез с некоторыми достаточно устойчивыми стереотипами (и еще в большей мере эта тенденция проявляется в том случае, если соответствующие стереотипы никогда не проходили контроля сознания и не преодолевали барьера критичности), - совершенно естественное следствие работы механизмов, обеспечивающих сохранность, устойчивость функционирования внутреннего "Я" субъекта.

Учитывая все это, задумаемся над тем, как возможно "вспоминание" человеком того, что было до его рождения (конечно, продолжение рассмотрения в этом направлении будет иметь смысл только в том случае, если первоначальная реакция неприятия хотя бы несколько ослабла). Если мы скажем себе: такого просто не может быть, это эпифеномен или артефакт, или что угодно такой же природы, то все проблемы снимаются, никаких трудностей нет, размышлять здесь больше не над чем. Но допустим, что мы все же решились задаться вопросом: как возможно то, о чем мы говорили, если попытаться дать ему рациональное объяснение?

Конечно, когда читаешь информацию о подобного рода результатах, полученных в процессе исследования динамики психики под действием психоделиков, невольно возникают ассоциации с концепцией сансары (беспереывного перерождения, круговорота жизней) индийской философии. Как известно, эта концепция основывалась на идее родственности всего живого. Поэтому смерть - это не переход от существования к несуществованию, а лишь изменение формы бытия, колебание внешней оболочки (при сохранении действительной сущности вещей). Последующее рождение возможно не только в образе человека, но и в образе животного или бога. При этом то, что осуществится, определяется кармой - совокупностью деяний живого существа в сочетании с последствиями совершенных им поступков. Карма предопределяет не только нынешние условия его

существования - здоровье и.и болезнь, бедность или богатство, счастье или несчастье, срок жизни, социальный статус и т.д., но и возможность продвижения к конечной цели - освобождению от пут профанного существования, возможности вырваться из круга бесконечных перерождений.

В принципе, упоминавшиеся выше результаты - при желании - наверное, могут оцениваться как подтверждающие концепцию перерождений, и уже на этом основании отвергаться представителями иного философского направления. Но нам хотелось бы попытаться найти рациональное объяснение существованию подобных феноменов.

Возможность такого объяснения мы видим в следующем. Вспомним некоторые из тех особенностей архаичного восприятия, о которых мы ранее говорили и которые мы уподобляли (в определенном отношении) восприятию современных бушменов. Однако экстраполяция характеристик мышления ныне живущих этносов (находящихся на ступенях развития, по некоторым параметрам близких к развитию человека на ранних этапах его истории) на понимание специфики восприятия и мышления архаичных культур, представляет определенные сложности. Мы не можем быть уверены в том, что анализируемое явление таким образом получает полное и адекватное представление. Скорее, можно говорить о выявлении тенденции, которая, очевидно, реализовывалась и в рамках ранних, архаичных культур. Поэтому, на наш взгляд, специфическое мироощущение представителей некоторых современных нам этносов, о котором уже шла речь, должно рассматриваться лишь как более слабая копия, слепок того типа восприятия, которое было характерно для представителей архаичных культур.

Определенные "замутняющие", искажающие изначальную картину моменты могут быть привнесены, если мы не учтем того, что изучаемые сегодня этносы, хотя и ближе к "ранним" культурам, чем представители совре-

менной технократической цивилизации, но эта близость относительна. Их мир радикально отличается от мира древнего человека. Им потенциально доступна информация о многих составляющих технического прогресса. Они пользуются многими плодами цивилизации. В конце концов они сосуществуют с более развитыми культурами.

Таким образом, сфера осмысливаемой ими реальности в определенных отношениях радикально отличается от сферы реальности, осмысливавшейся первобытным человеком. А это, как мы пытались показать, не может не вызывать отличий в характере мышления. Причем, на основании проведенного в первых двух главах анализа, нетрудно видеть, что эти отличия будут направлены в сторону более высокого развития сознания, большей отчужденности от мира природы, осознания своего внутреннего "Я", своего внутреннего мира, поскольку, например, бушмены оказываются в состоянии описать переживаемые ими метаморфозы своей личности в предощущении наступления тех или иных событий.

Поэтому та тенденция мировосприятия, о которой шла речь применительно к культуре бушменов, при обращении к анализу так называемых примитивных, архаичных культур, на наш взгляд, приобретает более выраженные формы: человек растворен во всем, что окружает его, и все, что окружает его, составляет часть его самого. Человек полностью открыт восприятиям извне. Не существует барьеров сознания и критичности. "Мир таков, каков он есть, и он весь во мне" - вероятно, так можно было бы выразить мироощущение человека на ранних этапах эволюции мышления. И в этом смысле, действительно, сама специфика архаического восприятия определяет достижимость полного вчувствования человека в мир другого - будь то человек, дерево или животное.

Особенности такого типа восприятия обуславливают возможность получения специфического знания²³. Очевидно, при желании человек, направив свое внимание на какой-либо интересующий его объект, мог раствориться в нем, "стать" им настолько, чтобы ощущать происходящие в этом объекте процессы как совершающиеся в себе самом. Так, возможно, что человек, никогда реально не превращаясь в пальму, в лягушку или антилопу, может иметь восприятия, в которых весьма точно воспроизведены внутренний мир, специфика состояния другого.

На этой основе, как нам представляется, не прибегая к мистическим моделям, а также не отрицая сам факт существования подобных нетипичных для нашей культуры форм восприятия самого себя (открывающихся, например, в результате экспериментов с психоделиками), мы можем объяснить явления трансперсонального опыта, когда человек, погружаясь в прошлое, вдруг ощущает себя птицей или деревом, или волком²⁴.

На наш взгляд, эти эпизоды свидетельствуют не о том, что он когда-то действительно был этим существом; они могут означать, что память человека хранит не только компоненты его собственного опыта, приобретенного в процессе его жизнедеятельности, и не только

²³ Хотя, конечно, это не знание в современном смысле слова, а некоторое состояние психики, которому трудно подобрать аналог в нашем языке и в нашей культуре: это что-то вроде уверенности, компонент сомнения в которой не просто отсутствует - он невозможен.

²⁴ Причем оказывается, что он исключительно точно воспроизводит многие особенности их жизнедеятельности, включая психологию животных, о которых в сознательной жизни и понятия не имел. Например, человек вспоминает некоторые эпизоды из жизни своих предков. При этом все до мельчайших подробностей может быть воспроизведено - детали костюмов прошлых эпох, архитектура и оружие, ритуальная практика древних и т.п. (см.: *Grof S. Beyond the Brain: Birth, Death and Transcendence in Psychotherapy*. N.Y., 1985).

того, который составляет часть общечеловеческой культуры, но и того, который унаследован им от его собственных предков (допустим, в рамках механизма трансляции Родитель - Ребенок). Причем характеру приводившихся здесь воспоминаний, как нам кажется, соответствует тот уровень филогенетического развития человека, когда его восприятие было таким, что позволяло полностью слиться, раствориться в окружающем, отождествить себя с другим — почувствовать его как составную часть своего "Я". На той стадии человеку без осуществления реальных превращений, как представляется, была доступна информация, которая в настоящее время воспроизводится в опытах в виде детального, чрезвычайно яркого описания внутреннего мира или состояния другого (будь то животное, растение, человек или неодушевленный предмет).

Это отступление нам понадобилось для того, чтобы представление о возможной природе архаичного прото-эмоцио-ментального комплекса (которое, как нам кажется, не может быть адекватно выражено в категориях современного языка и науки) возникло у читателя хотя бы как ощущение, формирующееся через систему контекстов, в косвенной форме затрагивающих сущность интересующих нас процессов.

Таково, на наш взгляд, было архаичное восприятие, и такова была система психических связей, составлявших содержание прото-эмоцио-ментального комплекса, которая базировалась на подобном типе восприятия.

Эволюция мышления человека, происходившая в направлении закрепления некоторых компонентов первичных звукокомплексов в виде образов-символов, и связанные с этим изменения мыслительной способности человека, на уровне динамики системы личностных смыслов, могут быть представлены как эволюция содержаний прото-эмоцио-ментального комплекса в направлении несколько большей отчлененности его элементов, формирования, условно говоря, прото-мыслей и прото-эмоций.

"Прото-мысли", на наш взгляд, представляли собою те же комплексы первичных, целостных впечатлений субъекта, но в которых - вследствие начавшегося функционирования образов-символов - появились элементы интересубъективности, а также происходило некоторое акцентирование одних компонентов как более репрезентативных в отношении коммуникативного акта²⁵; элиминация других - как менее репрезентативных.

"Прото-эмоции", по нашему мнению, формируются как следствие изменения восприятия природы и своего места в ней, когда собственный внутренний мир постепенно начинает отчленяться от мира природы и рассматриваться как относительно независимая сфера реальности. На основе такого изменения значимости собственного внутреннего мира становится возможным формирование прото-моциональных реакций, представляющих собой, вероятно, некоторую наиболее раннюю, первичную форму оценки субъектом поступающей и хранящейся информации. (Кстати говоря, при таком понимании эмоций - как общечеловеческого способа индивидуальной оценки ситуации, сформировавшегося на ранних этапах становления и развития человеческого мышления, на наш взгляд, становится особенно отчетливо понятным современное значение искусства для науки и ценность таких эмоциональных критериев, как красота, стройность, гармоничность гипотезы или теории, на которую ссылаются многие ученые при обосновании ими выбора решения.)

Формирование средств символической и образной (как уже отмечалось, ее следует отличать от прото-об-

²⁵Как мы уже говорили, это равносильно признанию определенных параметров объективной ситуации более значимыми, так как собственные впечатления выступали как составная часть, непосредственное продолжение космических процессов. Поэтому акцентирование отдельных элементов собственных впечатлений, явившееся следствием функционирования образов-символов, в силу специфики архаичного восприятия, было естественным образом продолжено, перенесено на объекты внешнего мира.

разной) репрезентации в процессе эволюции мышления приводит к тому, что ранее нерасчленимо слитые компоненты прото-эмоцио-ментального комплекса "расходятся" все дальше. Все в большей мере они становятся независимыми друг от друга - по крайней мере на поверхности нашего сознания.

Можно сказать, что логическим завершением эволюции процесса в этом направлении стало формирование такого идеала научного знания, который требовал от исследователя беспристрастности и беспристрастности, а от результата - независимости от субъективных, личностных моментов, системы ценностей и предпочтений ученого, его установок, внутренних мотивов и т.п. Хороший анализ степени адекватности такого критерия действительному положению дел в науке (характеру исследовательского процесса, побудительным мотивам возобновления и прекращения исследования, факторам, влияющим на отбор материала для исследования, на выбор пути решения, оценки результатов, гипотез и теорий) дал М.Полани²⁶.

Итак, мы рассмотрели одну из составляющих системы личностных смыслов - и, может быть, важнейшую (по крайней мере в плане раскрытия механизмов творческого мышления) - прото-эмоцио-ментальный комплекс.

С логико-методологической точки зрения его элементы в зачаточной форме содержали в себе компоненты знания и мнения, веры и иллюзий. В этом отношении эволюция мышления предстает как история формирования психических содержаний, имеющих в современной культуре статус этих эпистемологических категорий.

Однако, прежде чем продолжить анализ, необходимо отметить, что вычленение знаний, мнений, верований и иллюзий носит до некоторой степени условный характер. Граница между этими феноменами иногда

²⁶Полани М. Личностное знание. М., 1985.

весьма неопределенна. Те психические содержания, которые недавно рассматривались как неотъемлемым элементом системы знания, существующей в данной культуре, с течением времени могут оказаться отвергнутыми как не соответствующие действительности. И на против, то, что недавно квалифицировалось как заблуждение, с изменением картины мира² может приобрести статус знания.

Достаточно неопределенна грань и между такими феноменами как знание и мнение. На первый взгляд это не так. Кажется, что довольно просто найти параметры, по которым их удастся эффективно развести. Специальное внимание этим вопросам уделяется в рамках эпистемической логики. И в частности, классическая работа Я.Хинтикки "Знание и убеждение"²⁷ целиком посвящена рассмотрению именно этих проблем.

Как известно, он предлагал следующую интерпретацию. Утверждение "Некто знает, что p " истинно в том случае, если во всех мирах, альтернативных по отношению к выделенному миру, p будет истинно. Напротив утверждение "Некто верит (полагает), что p " истинно если и только если модально-операторное выражение истинно хотя бы в одном из миров, альтернативных по отношению к данному.

Однако при такой рода понимании возникают определенные сложности. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в рамках подобной эпистемической концепции феномен мнения чрезвычайно рационализируется. Это выражается, в частности, в недопущении непоследовательного (противоречивого) мнения²⁸.

²⁷ Hintikka J. Knowledge and Belief. Ithaca, Cornell Univ. press, 1962.

²⁸ Принцип непоследовательности мнения многими специалистами справедливо рассматривается как неотъемлемая составная часть адекватного понимания так называемых "belief - контекстов". Во например, что пишет по этому поводу специалист в области структурного анализа языка Ч.Чен: "...пусть дано утверждение:

1. Джон полагает, что из P следует Q ,
2. Имеет место P . Следовательно,

О сложностях, возникающих в связи с учетом возможной динамики знания (переход некоторых утверждений из категории "знание" в категорию аблуждение"), уже говорилось. Существуют и другие роблемы. Так, при условии понимания знания как совокупности "вечных" истин (что характерно для Knowledge and Belief Хинтикки) оказывается, что появление в системе знания ложного утверждения, не связанного по смыслу с остальными истинными, не приводит к превращению системы в целом в незащитимую. Попытаемся это показать.

Основополагающим в эпистемической системе [Хинтикки является аналог критерия непротиворечивости - критерий защитимости. Чтобы рассмотреть его, необходимо предварительно ввести некоторые определения и понятия.

Дf₁: «*q* совместимо со всем, что *a* знает ("Paq"), только если оно не может быть использовано в качестве аргумента для опровержения какого-либо истинного утверждения вида "*a* знает, что *p*»²⁹.

Широко используемое Хинтиккой понятие *модельного множества* является, по его словам, "при отсутствии иных логических констант, кроме пропозициональных связей, очень хорошим формальным аналогом неформальной идеи ... описания возможного положения дел"³⁰.

1) Джон полагает, что Q. Однако в такой ситуации правильнее было бы не заключение типа (3), а предположение, что Джону следовало бы верить, что Q, если он признал (1) и (2)".

На этом основании Ч.Чен выдвигает следующие аргументы в пользу признания непоследовательности мнения:

- 1) отсутствие в качестве субъекта мнения человека с совершенным разумом;
- 2) существование для индивида независимых представлений, даже если в действительности объекты мнения связаны друг с другом. См.: Cheng Ch.J. Comments on Professor Partee's Paper//Approaches to Natural Language. Dordrecht,1973. P.343-344.

²⁹Hintikka J. Knowledge and Belief. P.18.

³⁰Ibid. P.41.

О вводимом Хингиккой отношении альтернативности можно сказать, что оно является аналогом отношения достижимости между мирами в семантиках типа Крипке. В том случае, когда анализируется выражение эпистемическим оператором (например, *Par*), то очевидно, что "содержание такого выражения не может быть адекватно представлено, если речь идет только об одном положении дел. Это утверждение может быть истинно только если существует возможное положение дел, при котором *p* было бы истинно; но оно совсем не обязательно будет совпадать с тем, в котором утверждение сделано"³¹. Описание такого положения вещей будет называться *эпистемически альтернативным* к μ относительно α (где μ используется для обозначения выделенного мира).

Def₂: «*модельная система*» есть множество множеств между некоторыми из которых существует двуместно отношение, именуемое отношением альтернативности»³²

Хингикка, на наш взгляд, дает синтаксическую и семантическую формулировку критерия защитимости.

Синтаксическая - определяет защитимость множества предложений как устойчивость к определенным видам критики. «Чтобы видеть это, допустим, что человек говорит вам: "Я знаю, что *p*, но не знаю, имеет ли место *q*". И допустим, что, используя некоторые аргументы, которые он склонен был бы принять, можно показать, что из *p* логически следует *q*. Тогда вы можете указать ему, что то, о чем он говорит, что не знает, имплицитно уже содержится в том, что, он говорит, знает. Если ваши аргументы обоснованны, то для данного человека нерационально настаивать на том, что он не знает, имеет ли место *q*. Если он разумен, вы таким образом можете вынудить его пересмотреть одно из его утверждений без передачи ему какой-либо дополнительной информации

³¹ Ibid. P.42.

³² Ibid. P.44.

кроме определенных логических отношений (правилами которых, предполагается, он владеет)»³³.

Таким образом, множество утверждений защитимо, если оппонент, используя только логические приемы, не может указать, что одно из утверждений противоречит следствиям из того, что a знает.

Семантическая формулировка критерия защитимости говорит о том, что можно определить "защитимость множества предложений как способность быть погруженным в один из членов модельной системы"³⁴.

Тогда, согласно критерию защитимости, множество предложений, состоящее из $\{Кар_1, \dots, Кар_n, q\}$ (при q ложном, но не связанном по смыслу ни с одним из остальных истинных утверждений), на наш взгляд, оказывается в системе Хинтикки защитимым. И действительно, в том случае, если q не равно отрицанию ни одного из утверждений, которые a знает (p_1, \dots, p_n), а также не является отрицанием какого-либо из их следствий, то даже при том, что q ложно, оно не может быть использовано для опровержения ни одного из истинных утверждений вида $Кар_i$. То есть, по Дф₁, q совместимо со всем, что a знает (Paq), - при q , выбранном, как показано выше. При этом множество предложений, содержащее Paq , защитимо, т.к. используя только логические приемы, нельзя показать, что q противоречит одному из следствий того, что a знает. Тогда по правилу (АРКК*): если множество λ предложений защитимо и если " $Кар_1 \in \lambda$ ", " $Кар_2 \in \lambda$ ", ..., " $Кар_n \in \lambda$ ", " $Paq \in \lambda$ ", то множество $\{ "Кар_1", "Кар_2", \dots, "Кар_n", q \}$ также защитимо³⁵.

Получается, что, согласно критерию защитимости, множество, содержащее ложное утверждение, не связанное по смыслу с остальными истинными, защитимо.

Если перенести рассуждение в плоскость семантики, то окажется, что найдется такое эпистемически

³³Ibid. P.31.

³⁴Ibid. P.44.

³⁵Ibid. P.169.

альтернативное к μ множество, которое наряду с истинными (p_1, \dots, p_n) содержит ложное утверждение (q):

по (CP*) $\frac{Paq \in \mu}{q \in \mu^*}$, где μ^* эпистемически альтернативно к μ относительно a ;

по (СК*) $\frac{Kap_1 \in \mu}{p_1 \in \mu^*}$, где μ^* - то же, что и выше.

При этом μ^* останется непротиворечивым, что обусловлено особенностями выбора q .

Этому результату противостоят теоремы, доказуемые в системе Хинтикки:

$\vdash \frac{Kap \in \mu^*}{p \in \mu}$ и $\vdash \frac{p \in \mu^*}{p \in \mu}$.

Они говорят о том, что если выражение принадлежит эпистемически альтернативному множеству, то оно истинно.

В более общем виде это несоответствие, как нам представляется, может быть выражено следующим образом: под знанием Хинтикка понимает "вечные" истины, т.е. такие положения, которые никогда, ни при каких условиях не могут стать ложными. «...Если некто говорит: "Я знаю, что p ", то он имплицитно отрицает, что какая-либо дополнительная информация заставила бы его изменить свою позицию»³⁶ Но, с другой стороны, по мнению Хинтикки, под эпистемически альтернативными к μ множествами следует понимать такие множе-

³⁶Ibid. P.20.

ства, которые "описывают положения дел, при которых человек... знает по крайней мере так же много, как и при положении дел, описываемом μ "³⁷. То есть эпистемически альтернативные миры характеризуются тем, что дают определенное описание состояния знания a .

Тогда получается, что эпистемически альтернативное к μ относительно a множество μ^* описывает такое состояние, при котором знание a включает ложное утверждение. Это противоречит общему пониманию знания Хинтиккой, выраженному формулой: "То, что a знает, истинно".

Это несоответствие, вероятно, является результатом того, что критерием защитимости не предусмотрен случай, когда в качестве совместимого со всем остальным знанием a , рассматривается ложное утверждение, не противоречащее истинным вида Кар₁.

Как нам представляется, можно было бы предложить несколько возможных выходов из затруднения.

1. Запретить рассматривать в качестве совместимых со всем, что a знает, ложные утверждения, не связанные по смыслу ни с одним из известных ему истинных утверждений. Тогда Paq (при q , выбранном, как описано выше) не будет принадлежать защитимому множеству и сложностей не возникнет.

Но если учесть, что Paq может быть получено из $\sim Ka \sim q$ по правилу $(A \sim K)$:

если λ - защитимое множество

и если $\sim Kar \in \lambda$, то

$\lambda + \{ "Pa \sim r" \}$ тоже защитимо,

то это ограничение перейдет на $(A \sim K)$: если q в $\sim Ka \sim q$ ложно и не связано по смыслу с остальными утверждениями, известными a , то нельзя сделать вывод о защитимости множества предложений $\{ "Kar_1", \dots, "Kar_n", \sim Ka \sim q \}$. А это уже не кажется естественным: почему наличие предложения, содержащего утверждение о незнании a некоторого предложения (хотя бы и лож-

³⁷ Ibid. P.52.

ного) делает все множество незащитимым? Кроме того, введение такого ограничения означает запрещение анализировать множества предложений, содержащие принципиально новые для a утверждения.

2. Можно считать, что в качестве подоператорных выражений в формулах вида " Kap_i ", " $Ka\sim p_i$ ", " Raq " могут использоваться только логически истинные и логически ложные утверждения. Тогда не возникнет никаких проблем с критерием защитимости, поскольку логическая ложность " q " в " Raq " означает, что из q по законам логики (которые, по Хинтикке, a знает) выводимо любое $\sim p_i$, которое противоречит p_i из Kap_i . А это значит, что Raq - при q логически ложном - не может входить в защитимое множество предложений.

Но сужение сферы анализируемых в системе эпистемических утверждений до содержащих только логически истинные или логически ложные подоператорные выражения означало бы, что такая система вряд ли имеет право претендовать на анализ феномена знания, поскольку реальное знание может содержать как фактически истинные, так и фактически ложные утверждения.

3. Есть, на наш взгляд, и еще один выход - изменить понимание знания. Считать знанием не только "вечные" истины, но и такие положения, для которых характерно, что, являясь объективно ложными, они не противоречат остальным истинным утверждениям, включенным в систему знания. Причем признаются на определенном этапе развития знания истинными.

Этот выход нам представляется самым естественным, поскольку реальное развитие знания именно таково, что некоторые положения добавляются, а некоторые отбрасываются, так как оказываются не соответствующими действительности. (Кстати говоря, в случае понимания знания как совокупности "вечных" истин, его объем может изменяться лишь в одном направлении - нарастать за счет накопления все новых и новых истинных утверждений, которые никогда, ни при каких условиях не могут стать ложными. Понятно, что так пред-

ставленная динамика знания не отражает реальных процессов его трансформации. В то же время, если просто отбросить постулат "знаемое истинно" и взамен не предложить никакого другого, в определенных отношениях аналогичного ему, знание недопустимо релятивизируется и становится неотличимым от мнения, для которого как раз и характерно, что само утверждение может быть истинно, несмотря на ложность подоператорного выражения: например, предложение "Джон полагает, что все лебеди белы" может быть истинно, хотя объект мнения Джона - "Все лебеди белы" - ложно.)

В случае принятия предложения 3) сложностей с критерием защитимости не возникнет, поскольку то, что оказывается знанием в соответствии с ним, не будет расходиться с тем, что понимается под знанием в системе.

Это предложение реализовано в рамках эпистемического построения, которое предполагает обобщенное понимание знания³⁸. Для него характерно, фактически, выделение двух типов знания: первого - как содержащего такие положения, значение которых не может измениться при добавлении новой информации (хинтикковское понимание); и второго - знания в смысле принадлежности суждения мирам знания, но не обязательно истинности его в выделенном мире. При таком понимании становится объяснимым не только увеличение объема знания (как у Хинтикки), но и его изменение за счет отбрасывания некоторых положений на основании того, что они оказываются не соответствующими действительности.

Приведенные соображения, на наш взгляд, позволяют получить некоторое представление о тех трудностях, которые возникают при попытках строгим обра-

³⁸Формулировку соответствующего эпистемического построения можно найти в материалах: *Beskova I. Generalized understanding of knowledge and epistemological semantics//Logic, Methodology and Philosophy of Science. M.,1983. Sec. 5. P.76-79.*

зом проанализировать и разграничить психические содержания, имеющие в современной культуре статус знаний и мнений.

Но этими проблемами не исчерпываются сложности, связанные с анализом эпистемических категорий.

Так, например, в проблеме непоследовательного (противоречивого) мнения можно увидеть еще один круг вопросов. И прежде всего, чем обусловлено существование фактически, взаимоисключающих подходов к оценке значимости данного феномена для адекватности эпистемического построения?

Такие классики логического анализа естественного языка, как Р.Монтегю и Я.Хинтиikka строили свои системы без учета этого принципа. Специалисты в области структурного анализа языка, напротив, полагали, что без него адекватное понимание феномена мнения не может быть достигнуто. Например, Б.Паги писала: «Некоторые логики ... предпочитают сузить понятие мнения за счет введения ограничения непротиворечивости. С логической точки зрения это естественно, так как трудно (если вообще возможно) построить формальную систему, которая бы допускала противоречивость мнения без веры во все что угодно. Но формальная система, которая не допускает непоследовательного мнения, какой бы элегантной она ни была, вряд ли может рассматриваться как экспликация смысла предложений с оператором "полагает" в естественном языке»³⁹.

Такое расхождение в оценках данного принципа обусловлено, на наш взгляд, неодинаковым его пониманием. В первом случае непоследовательность мнения фактически рассматривается как нечто случайное по отношению к нормальному разумному субъекту, поскольку сводится к наличию в эпистемически альтернативных мирах двух взаимоисключающих утверждений. А это означает, что субъект одновременно полагает, что

³⁹Partee B. The Semantics of Belief-Sentences//Approaches to Natural Language. Dordrecht, 1973. P.317.

имеет место *p* и что имеет место *не-p*.

Но такое понимание, на наш взгляд, составляет лишь часть, сторону, оттенок подлинной непоследовательности мнения. Это - непоследовательность в крайнем своем выражении. В таком виде она действительно нечто исключительное, возможно не свойственное нормальному, здравомыслящему субъекту. Именно это обстоятельство, а не техническая сложность проблем, возникающих при попытках выразить противоречивость мнения в логически непротиворечивой системе (как полагает Б.Пати), заставило, по нашему мнению, многих специалистов отказаться от поиска решений в этом направлении.

Подлинная же непоследовательность мнения, как представляется, есть нечто гораздо более тонкое и поэтому более распространенное в действительности. Она возникает тогда, когда человек на основании имеющейся у него информации знает, что должно быть такто, но продолжает верить в противоположное. При таком понимании непоследовательность мнения выступает не как исключительная, беспримерная неразумность субъекта, а, скорее, как его нежелание или неспособность расстаться со своими иллюзиями, которые, как он осознает, хотя и беспочвенны, но по той или иной причине необходимы ему.

Непоследовательность в первом смысле может оспариваться на том основании, что не все люди настолько неразумны, чтобы допускать очевидное противоречие. Против второго понимания возразить труднее. У каждого человека, вероятно, есть определенные иллюзии. Поэтому так понимаемая непоследовательность мнения выступает уже не как исключение, а как правило.

В первом случае ею можно пренебречь. Во втором - она должна найти отражение в адекватной эпистемической системе.

Есть еще один тип проблем, возникающих при попытках осуществления логико-методологического анализа феноменов знания и мнения. Мы уже говорили о

тех трудностях, которые связаны с их строгим пониманием и разграничением. Посмотрим теперь, какие проблемы связаны с выявлением их соотношения.

Здесь возможны различные варианты интерпретации. Например, (1) "субъект знает все, во что он верит"⁴⁰, и верит в кое-что из того, что знает"; (2) "субъект верит во все, что знает, и знает кое-что из того, во что верит"; (3) "субъект знает нечто из того, во что верит, и верит в кое-что из того, что знает".

Нетрудно видеть, что (1)-(3) моделируют различные понимания знания и мнения. Так, (1), в некотором приближении, может рассматриваться как модель скептика, а (2) - легковера.

Однако не будет ли допущение любого из перечисленных вариантов означать исходное постулирование того содержания, которое впоследствии и должно быть раскрыто в системе? Возможно, что правильнее не предполагать изначально какой-либо взаимосвязи между мирами знания и мнения субъекта. (Иначе говоря, считать, что субъект не знает ничего из того, во что верит, и не верит ни во что из того, что знает.)

Хотя такое предположение противоречит интуитивно приемлемому, однако возможно, что в данном случае имеет место ситуация, аналогичная той, которая нашла свое отражение в создании обобщенных описаний состояний⁴¹.

В этой связи возникает вопрос более общего плана: какое рациональное зерно заключено в допущении интуитивно неприемлемых предпосылок в том случае,

⁴⁰ Термин "верит" в данном контексте используется как аналог выражений "полагает", "считает", "думает".

⁴¹ Имеется в виду идея изменения понятия описания состояний таким образом, чтобы при его формулировании не принималось заранее предположение, что в действительности действуют законы непрогнворчия и исключенного третьего. См.: *Войшвилло Е.К. Понятие интенциональной информации и интенционального отношения логического следования (содержательный анализ)//Логико-методологические исследования. М.,1980.*

если такое допущение позволяет получать положительный результат?

Категория "веры", если ее понимать не как перевод английского "belief", а как имеющую собственное содержание, характерное для русского языка, еще сложнее для анализа⁴². Адекватное рассмотрение этого феномена должно позволить учесть различные его проявления - от крайнего иррационализма ("Верю, потому что абсурдно") до крайнего рационализма ("Верю, только если знаю").

Постановка проблемы соотношения веры и мнения, веры и знания, веры и иллюзий - в значительной степени зависит от понимания самого этого феномена. А этот вопрос невозможно решить, не рассмотрев функции, которые различные формы верований выполняют в сообществе, а также не проанализировав их глубинных взаимосвязей с другими сторонами человеческой природы: генетическую обусловленность, возможность различным образом регулировать психическую и эмоциональную сферы и др. Некоторые интересные подходы к анализу этих вопросов, на наш взгляд, намечены в рамках социобиологических исследований.

Так, Э.Уилсон показывает⁴³, что различные формы верований будут удерживаться и распространяться в сообществе, если их наличие способствует повышению адаптивных возможностей человека. Иначе говоря, их полезность должна возникать как совокупный результат в целом возрастающей приспособленности членов сообщества⁴⁴. И напротив, если соответствующие формы верований ослабляют своих последователей, вызывают

⁴² Иногда стилистические соображения заставляют переводить этот термин (to believe) не только как "полагать", "думать", "считать" и т.п., но и как "верить". В данном случае нам хотелось бы различить эти два употребления. Анализируемая в следующем фрагменте категория "веры" ближе английскому "faith".

⁴³ Wilson E.O. On Human Nature. Cambridge; L., 1978.

⁴⁴ Ibid. P.175.

разрушение среды, укорачивают жизнь людей, то, несмотря на их возможную эмоциональную привлекательность, происходит их самоизживание⁴⁵.

Э.Уилсон полагает, что поскольку гены задают функционирование нервной, гармональной системы человека, работу его органов чувств, они почти наверняка влияют на процессы научения. Существуют определенные ограничения на формирование некоторых видов поведения. Эти ограничения имеют физиологический базис, а он, в свою очередь, генетически обусловлен. Из этого следует, что духовный выбор испытывает влияние цепочки взаимосвязей, которые ведут от генов, через физиологию, к ограниченному научению в течение отдельной человеческой жизни⁴⁶. Уилсон отмечает адаптивную ценность различных форм верований (от магических обрядов до современных форм государственных религий в развитых обществах), если они способствуют повышению выживаемости и продуктивности своих последователей.

Вот только небольшой перечень тех функций, которые различные формы верований выполняют в сообществе.

Они позволяют некоторым образом упорядочить существующие в нем отношения, придать им определенность и ясность, избавляя от неудобств двусмысленности. Один из примеров - обряд ритуального включения молодых людей в сообщество мужчин. Реальность - биологическая и психологическая - такова, что действительный переход от подростка к взрослому совершается очень постепенно. Причем нередки ситуации, когда обществу, ожидая "взрослой" реакции, сталкивается с поведением ребенка и наоборот. Чтобы устранить эту неопределенность, реальный постепенный процесс взросления достаточно произвольно разделяется сообществом на два четко отграниченных периода, ритуально органи-

⁴⁵Ibid. P.176-177.

⁴⁶Ibid. P.177.

зованный переход между которыми позволяет однозначно отнести каждого отдельного индивида к той или иной категории.

Совершенно очевидны такие функции веры, как консолидация членов сообщества, стремление подчинить интересы индивида интересам группы (что, как показывают исследования в области популяционной генетики, в рамках отбора родичей является селективно ценным признаком)⁴⁷. Примером может служить роль верований среди завоевателей, которую Уилсон сравнивает с мечом, и роль верований среди побежденных, уподобляемая щиту⁴⁸.

Очень интересные и тонкие, на наш взгляд, моменты связаны с психотерапевтической ролью верований, которая может быть продемонстрирована на примере средневековых процессов над ведьмами. Тщательное изучение судебных документов, оказывается, позволяет сделать вывод о том, что доносы на "ведьм" обычно следовали за ситуациями, когда бедная женщина просила подаяния в какой-либо форме, прогонялась хозяином, вслед за чем его постигало несчастье - падеж скота, смерть одного из близких и т.п.⁴⁹

Какие же функции могла выполнять столь широко распространенная вера в колдовство? К.Томас⁵⁰ полагает, что обвинение конкретного лица в ведьмовстве позволяло легче пережить понесенную утрату, так как, во-первых, обнаруживался конкретный виновник, который нес наказание. Во-вторых, когда человек прогонял от

⁴⁷Солбриг О., Солбриг Д. Популяционная биология и эволюция. М., 1982. С.267.

⁴⁸Wilson E.O. On Human Nature. P.175.

⁴⁹Любопытны некоторые психологические моменты, связанные с восприятием конкретного лица как ведьмы, - это уединенный образ жизни, обособленность от других и назойливость поведения.

⁵⁰Thomas K. The Relevance of Social Anthropology to the Historical Study of English Witchcraft//Witchcraft Confessions and Accusation. L.,1970. P.47-79.

своей двери просящего, у него формировался комплекс вины, что служило благодатной почвой для последующего доносительства. Положение осложнялось еще и тем, что в обществе действовали две противоположные установки относительно должного поведения. С одной стороны, считалось, что получать следует по труду, с другой - признавалось благом делиться с неимущим. В такой ситуации обвинения в колдовстве позволяли внутренне оправдать наиболее эгоистические формы собственного поведения.

Может быть, несколько менее очевидные вещи, о которых нам хотелось бы сказать, имеют отношение к регуляции психической сферы. Как известно, одна из возможностей устранения или по крайней мере уменьшения тревожности - очень важного негативного фактора, влияющего на приспособительные возможности индивида, - заключается в том, чтобы обнаружить внешний источник своей тревоги, иногда совершенно иллюзорный, но тем не менее позволяющий сказать себе: "Мои проблемы связаны с тем-то и тем-то. И поскольку я это знаю, я имею возможность избежать неприятностей". То есть определенные ограничения собственного поведения позволяют в целом уменьшить общий уровень тревожности⁵¹.

Таким образом, табу, жестко формулируемые запреты, как представляется, именно благодаря осознанию наложения известных субъекту ограничений на возможности поведения и действий, позволяют получать определенную психологическую компенсацию в форме снижения тревожности и повышения уверенности в себе: "Я не буду нарушать запреты и этим не навлеку на себя гнев богов (покровителей, предков)".

Это лишь незначительная часть того обширного круга проблем, которые связаны с логико-методологи-

⁵¹Березин Ф.Б. Некоторые механизмы интрапсихической адаптации и психосоматические соотношения//Бессознательное. Т.2. С.285-287.

ческим рассмотрением динамики психических содержаний, зародившихся когда-то в рамках нерасчлененных элементов прото-эмоцио-ментального комплекса и трансформировавшихся постепенно в знания, мнения, иллюзии и верования. Мы стремились показать, что адекватность анализа компонентов системы личностных смыслов, имеющих статус разного рода эпистемических категорий, непосредственно связана с решением некоторых более общих вопросов. Приведенные примеры позволили наметить определенные типы возникающих методологических проблем. (В их числе те, которые касаются природы самих средств логического анализа, и те, что связаны с различиями в понимании анализируемых феноменов.)

Какова роль рассмотренных психических содержаний в формировании и развитии способности творческого мышления? Сначала то, что касается эмоцио-ментального комплекса.

Мы видим причину его значимости для функционирования творческого мышления в специфике организации ассоциативных связей. Поскольку основой восприятия, на базе которого формируется содержание эмоцио-ментального комплекса, являются нерасчлененные, целостные комплексы собственных впечатлений субъекта, постольку ассоциирование информации на этом уровне основывается на соотношении собственных впечатлений по поводу воспринятого. Представляется, что именно на уровне эмоцио-ментального комплекса - больше, чем где-либо в рамках других систем психических содержаний, - основой сопоставления может выступать эмоциональная окрашенность впечатлений субъекта. Это, вероятно, одна из самых нетривиальных (для сознания человека) предпосылок ассоциирования, поскольку эмоциональное восприятие базируется на совершенно ином множестве исходных данных, чем, например, "рассудочное".

На наш взгляд, основное отличие будет складываться за счет возможности выявления и учета содержа-

ний так называемой "невербальной коммуникации". И в том числе - семиотики телодвижений; "языков" мимики, жестов, поз; особенностей использования и структурирования личностного пространства в процессе общения и т.п.

Невербальная коммуникация позволяет создавать контексты, в рамках которых устраняется исходная неопределенность вербального общения. Кроме того, невербальное коммуникативное поведение гораздо в меньшей степени поддается сознательному контролю и коррекции, чем вербальное. В этом смысле можно утверждать, что выявление и учет содержаний невербальной коммуникации позволяют получать более достоверную, более правдивую картину происходящего, чем та, которая формируется на основе учета лишь декларируемых содержаний.

Понятно, что в реальном мыслительном процессе взаимодействуют и параллельно функционируют как сами эти средства восприятия и представления информации, так и "картины", "образы", складывающиеся на их основе (имеется в виду вербальная и невербальная коммуникация). Но в плане анализа роли эмоцио-ментального комплекса в работе творческого мышления нам хотелось бы подчеркнуть именно то обстоятельство, что иной (по сравнению с функционированием сознания) будет и база исходных данных, и сама основа их соотношения. Поэтому решения, возникающие в результате обращения к осмыслению проблемы на уровне эмоцио-ментального комплекса, могут быть весьма неожиданны и нетривиальны.

Именно с такой организацией эмоцио-ментального комплекса, на наш взгляд, связано разрушительное влияние дистресса на продуктивную способность. Через воздействие на эмоциональную сферу (а это именно эмоциональное воздействие, поскольку умом человек может понимать бессмысленность и ненужность эмоциональных реакций в определенных стрессовых ситуациях, но "сердце" не слушается) удар передается в

прото-эмоцио-ментальный комплекс, результатом чего является начинающийся вслед за ударом хаос, разрушение систем сложившихся взаимодействий. Существующие связи рвутся. Все расстроено. Нормальное функционирование комплексов нарушено.

В результате такой дезорганизации утрачивается возможность установления связей на одной из самых нетривиальных для сознания человека основ - на базе уподобления собственных впечатлений по поводу воспринимаемой и хранящейся информации.

Очевидно, ругинное мышление в подобной ситуации пострадает в меньшей степени, поскольку может осуществляться без обращения к этой глубинной сфере (хотя, безусловно, свои проблемы возникнут и в этом случае из-за наличия взаимосвязей интеллектуальной и эмоциональной сферы). Что же касается продуктивного мышления, то его нормальное функционирование самым серьезным образом зависит от эмоционального состояния человека.

Как уже говорилось, на базе прото-эмоцио-ментального комплекса формируются психические содержания, имеющие в современной культуре статус знаний, мнений, представлений, верований и т.п. Мы стремились показать, что отношения между ними - достаточно сложные, а граница, разделяющая их, не всегда определена. Тем не менее, некоторые выводы относительно их функционирования в процессе формирования способности творческого мышления, как представляется, можно сделать.

Например, формирование знаний, в отличие от навыков и умений, на наш взгляд, связано с достаточно поздними этапами человеческой истории, когда получили определенное развитие средства символического представления и оперирования информацией. Знания составляют элемент концептуальной системы, поэтому их формирование и эволюция связаны с формированием и эволюцией такого рода систем.

Напротив, может показаться, что верования возни-

кают на самых ранних этапах эволюции человеческого мышления. Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Если исходить из истождественности веры и мнения, то следует учесть, что феномен веры связан с формированием некоторых более или менее отвлеченных представлений, в целом образующих достаточно стабильно функционирующую (и при этом устойчивую к критике) систему, позволяющую на ее основе интерпретировать самые различные события, происходящие в окружающем человека мире.

Попытаемся проиллюстрировать это на примере анализа верований народности азанде (Восточная Сахара), который был проведен английским антропологом Эд.Эванс-Притчардом⁵². Он обращал внимание на исключительную устойчивость верований к критике с позиции иной объяснительной модели. Им рассматривалась процедура гадания на растительном ядовитом экстракте - бенге, позволяющая, по мнению азанде, установить, виновен ли подозреваемый в содеянном. В рот цыпленку вливалось снадобье, и при этом колдун вопрошал оракула бенге, виновен ли данный человек в данном преступлении. Если цыпленок умирал, то считалось, что оракул дал утвердительный ответ. Если оставался жив, ответ был отрицательным. Но результат мог рассматриваться как окончательный только после того, как проводилась повторная проверка, в ходе которой дух бенге должен был ответить, как мы теперь сказали бы, на мета-вопрос: "Если оракул яда сказал правду в предыдущем испытании, пусть цыпленок выживет. Если нет, пусть он умрет". Если цыпленок вновь выживал, решение считалось окончательным. Если умирал, это означало, что результат был неверен. Естественно, в ходе подобного рода испытаний оракул яда довольно часто давал противоречивые ответы. Но это отнюдь не обескураживало азанде. Противоречивый результат, ошибки ора-

⁵²Evans-Pritchard E. Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande. Oxford, 1937.

кула, как это для нас ни странно, служили дополнительным доказательством его непогрешимости: неправильные ответы объяснялись действием мистических сил и лишь подтверждали точность его суждений, когда такие силы не действовали.

Эванс-Притчард пробовал интересоваться, а что будет, если дать цыпленку магическое снадобье, не задавая вопросов, или дать дополнительную дозу яда выжившему после обычных доз цыпленку? Но сама постановка подобного рода вопросов является в рамках верований азанде нелепой. Азанде не знает, что случится, его не интересует, что случится, и никто никогда не был настолько глуп, чтобы тратить хороший бенге на бессмысленные эксперименты, придумать которые может только европеец.

В этом примере, на наш взгляд, примечательны следующие моменты. Во-первых, наглядно видна историческая и культурная обусловленность критериев отнесения некоторых утверждений к категории истинных или ложных, осмысленных или бессмысленных. Во-вторых, достаточно отчетливо проступает то общее, что роднит концептуальные построения с системой верований: внутренняя согласованность, оформление в соответствии с критериями, действующими в рамках самих этих построений, достаточно высокая устойчивость к попыткам критики с позиции альтернативных объяснительных моделей и т.п.

В этой связи, на наш взгляд, можно утверждать, что вера, так же как и знание, является элементом некоторой более общей системы представлений и поэтому не возникает на ранних этапах эволюции человеческого мышления. В качестве своей основы она предполагает наличие достаточно развитой интерсубъективной системы знаний, а также способности оперирования символическими репрезентатами.

Напротив, мнение теснее связано с внутренним миром человека, с его переживаниями по поводу той или иной ситуации. И в этом смысле можно утверждать, что

в процессе эволюции мыслительной способности оно возникает раньше, чем вера и знание.

Иллюзии, на наш взгляд, представляют собой некоторую разновидность мнения - мнение вопреки знанию. Если понимать иллюзии таким образом, то они являются достаточно поздним "приобретением" эволюции, сопровождающим формирование знания. Иллюзии - это, в некотором роде, феномен метауровня, на котором только и возможно сопоставление (в данном случае противопоставление) знаний и мнений.

Иллюзиям, очевидно, в определенной степени родственны фантазии. И те и другие возможны лишь на таком уровне развития мышления, когда содержания собственного внутреннего мира приобретают для субъекта самостоятельную значимость (ценность), становятся объектом внимания, рассмотрения, сравнения. Фантазии, так же как и иллюзии, достаточно опосредованно связаны с реальным положением вещей, являются порождением психики человека, следствием свободного комбинирования ранее сформировавшихся восприятий. Может быть в этом еще одна причина того, почему творческое мышление, опирающееся на фантазию, является относительно поздним продуктом развития человеческой мыслительной способности.

В акте творческого мышления осуществляется оперирование самыми различными пластами индивидуальной системы личностных смыслов. Поэтому с точки зрения развития творческой способности необходимо не только накопление знаний, но и приобретение самого разнообразного опыта, позволяющего формировать индивидуальные мнения, верования и даже иллюзии. Все они оказываются значимыми и могут быть использованы на разных стадиях творческого процесса.

Сознание, подсознание, бессознательное

На наш взгляд, формирование сознания произошло постепенно, в ходе развития коммуникации и за-

крепления функционирования звукокомплексов в виде образов-символов. Как мы стремились показать, по мере развития мыслительной способности, человек начинает вычленять себя из окружающего. Сфера личностных переживаний становится объектом рассмотрения, структурирования и оценки. Подобные трансформации прото-мыслительной способности, как представляется, и лежали в основе формирования средств осознанного восприятия, размещения и оперирования информацией.

Ранее существовавшие формы, по существу, не могут быть названы ни осознаваемыми, ни бессознательными, поскольку сами эти категории связаны с более поздними этапами эволюции мышления и с другими типами психических содержаний. Как уже отмечалось, эти психические содержания базировались на таком типе восприятия, который принципиально отличался от существующего в рамках современной картины мира, различающей компоненты осознанного и бессознательного (подсознательного, периферического, краевого сознания и пр.).

С функционированием образов-символов, на наш взгляд, начинается постепенное оформление средств осознанного восприятия и преобразования информации. В противовес им, те формы восприятия, которые оказались наиболее тесно связанными с "реликтовыми", составили содержание неосознаваемой сферы личностных смыслов. Дальнейшая дивергенция сознания и бессознательного приводила к тому, что психические содержания, сначала не слишком различавшиеся по степени своей осознанности, позднее составили как бы две полярные, противоположные сферы системы личностных смыслов (правда, связанные множеством переходных ступеней). Содержание бессознательного становилось все менее доступным осознанию.

По существу же, как сами психические содержания, накопленные в процессе фило- и онтогенеза, так и те процедуры оперирования информацией, которые сфор-

мировались на этой основе, не утрачиваются и не исчезают со временем. Они продолжают функционировать в мышлении и памяти человека, поставляя ему те содержания, которые получены на базе осмысления современной реальности средствами, унаследованными от "Родителя" и "Ребенка".

Таким образом, если на основе проведенного анализа логики эволюции человеческого мышления попытаться понять некоторые компоненты мыслительной активности человека, то, на наш взгляд, можно сказать следующее.

Базисом формирования бессознательного являются реликтовые формы восприятия, обусловившие возникновение первичных звукокомплексов - как средства спонтанного интегрированного выражения в прото-образах переживаний субъекта по поводу определенных ситуаций. Соответственно, содержание бессознательного включает те компоненты системы личностных смыслов, которые человек извлекает на основе использования такого рода форм восприятия и репрезентации информации. При этом можно различать ментальные конструкты, которые являются общечеловеческим достоянием (вероятно, они соответствуют коллективному бессознательному К.Юнга), и те, которые складываются в процессе жизнедеятельности каждого отдельного индивида и получены в результате применения этих же форм перцепции и репрезентации к осмыслению современной субъекту реальности (вероятно, их можно считать соответствующими индивидуальному бессознательному Юнга).

Несколько слов относительно понимания природы подсознания. Как уже отмечалось, особую роль в эволюции мышления играет формирование образов-символов на базе первичных прото-образов. Ему соответствуют фундаментальные изменения мыслительной способности и складывание новых сфер осмысливаемой реальности - субъективной и символической. В этой связи представляется, что сфера личностных смыслов, зафиксиро-

ванных на уровне подсознания, включает психические содержания, извлекаемые субъектом на основе оперирования образами-символами. И здесь, очевидно, могут быть выделены компоненты, фиксирующие как общечеловеческий, так и индивидуальный опыт, накапливаемый в процессе жизнедеятельности каждого отдельного субъекта. Соответственно, закономерности функционирования образов-символов составят принципы оперирования информацией на уровне подсознания. (Некоторые вопросы, связанные с функционированием подсознания, будут рассмотрены позднее - при анализе специфики мышления креативных личностей.)

Творческое мышление является наиболее концентрированным выражением максимально эффективного и гармоничного функционирования всех компонентов мыслительной способности человека. При этом субъект оперирует пластами смыслов, включающих элементы как общечеловеческого, так и индивидуального, как осознанного, так и неосознанного (бессознательного, подсознательного) опыта.

Реликтовые формы восприятия, находившие свое выражение в складывании первичных (спонтанных и комплексных) прото-образов, возникшие на их основе способы репрезентации информации в виде образов-символов, символические и образные средства представления и оперирования информацией, явившиеся закономерным этапом естественного развития мыслительной способности человека, - все они сохраняют свою значимость (хотя и в различной степени для различных культур) и продолжают функционировать в мышлении современного человека. Содержания общечеловеческого опыта, а также результаты, получаемые каждым отдельным индивидом вследствие использования этих форм восприятия и оперирования информацией в процессе его жизнедеятельности, составляют компоненты индивидуальной системы личностных смыслов. Максимально эффективное и гармоничное функционирование всей этой сложной системы обеспечивает возможность

реализации творческого акта. Однако в рамках современной технократической культуры преимущественно развитие получили средства, базирующиеся на осознанном восприятии и оперировании информацией. Соответственно этому сформировались и стереотипы восприятия действительности, и система приоритетов и ценностей, и картина мира (включая критерии научности), и др.

Напротив, те компоненты мыслительной активности, которые более непосредственно связаны с фило- и онтогенетически ранними формами репрезентации и оперирования информацией (являющиеся базисом подсознания и бессознательного), приобрели статус знания низшего порядка, менее ценного, менее достоверного, менее совершенного. Такое, если так можно выразиться, несколько высокомерное отношение создавалось постепенно всем духом, всем пафосом прогресса, совершившегося в направлении доминирования средств осознанного восприятия и переработки информации.

И именно потому, что специально это мироощущение никем не насаждалось, оно оказалось столь прочно вплетенным в структуру цивилизации, что отказаться от него, и даже просто вычленив компоненты такого рода стереотипов, не так-то просто.

Примером такого высокомерно-пренебрежительного недооценивания альтернативного мировосприятия может, на наш взгляд, служить существовавшее до недавнего времени отношение к детской культуре. (Кстати говоря, если учесть существование взаимосвязи между фило- и онтогенетически ранними формами восприятия и осмысления действительности и содержанием бессознательного и подсознания, представляется не случайным, что подобное отношение затронуло детскую культуру.)

Хотя научный интерес к детскому фольклору пробудился в различных странах в конце прошлого столе-

тия⁵³, но тогда он носил несколько академический характер: записи делались на основе воспоминаний взрослых и, естественно, подвергались цензуре "взрослого" сознания.

И лишь с 60-х годов нашего столетия начинаются исследования "живой" фольклорной традиции детей, которые позволили выявить удельный вес различных "жанров" в структуре фольклора, условия, необходимые для того, чтобы ребенок мог приобщиться к детской традиции, нормы поведения, существующие в детском сообществе, и т.д.

Стали изучаться такие устойчивые феномены детской культуры, как "дразнилки" (мощное средство пресечения нежелательных для группы форм поведения), "страшилки" (знаменитые "черная рука", "красное пятно" и пр., через рассказы о которых прошли, наверное, все взрослые), многочисленные "отговорки", сам характер которых (строго фиксированные формы, непререкаемый авторитет) наводит на мысль об их родстве некоторым ранним проявлениям ритуальной практики. Обращает на себя внимание также безграничная уверенность в действии разного рода заклятий ("скрещенные на груди руки оберегают от нападения змеи"), "вызываний" (гномиков, Белоснежки, чертиков и т.п.), гаданий, традиционных словесных формул, имеющих почти магическую власть над участниками "ритуала" ("Тьфу, тьфу. Космическая печать, не стирать", "Мирись, мирись, мирись и больше не дерись. А если будешь драться, я буду кусаться. А кусаться ни при чем, буду драться кирпичом. А кирпич ломается, дружба начинается"). Все эти стороны жизнедеятельности изучаются специалистами (и то, как мы видели, с недавнего времени). Обыденное же

⁵³В России одним из первых его собирателей был П.В.Шейн. В 20-е годы многое для развития исследований сделали О.И.Капица и Г.С.Виноградов. Однако в 30-е годы эти исследования приостановились.

Знание относится к этим феноменам снисходительно-покровительственно: придет время, дети поумнеют, и все эти глупости сами по себе пройдут. Но полезно было бы задаться вопросом: почему подобные формы осмысления и упорядочения мира настолько устойчивы, что встречаются у разных народов и в практически неизменном виде сохраняются на протяжении длительного времени?

В целом же хотелось бы отметить следующее. Обращаясь к анализу альтернативных форм мышления и восприятия, хорошо было бы нам не уподобиться представлениям племени азанде, для которых целые пласты реальности (включая определенного типа взаимозависимости, вопросы, отношения) вообще не существуют, так как не вписываются в их картину мира (которая, попутно отметим, очень устойчива к попыткам критики с позиции иных объяснительных моделей. - И в самом деле, какой же нормальный человек будет расходовать хороший бенге, чтобы найти ответы на бессмысленные вопросы?). Поэтому хотелось бы, чтобы различные формы мировосприятия и мироощущения (зачастую нетрадиционные для современной культуры), различные способы репрезентации и оперирования информацией, о которых речь шла в этой книге, не отвергались изначально на том лишь основании, что наше нынешнее восприятие и мышление не таково. Мы стремились как раз к тому, чтобы показать, что творческое мышление, как целостный феномен, не может быть понято, если наша объяснительная модель будет базироваться на учете лишь тех компонентов видения мира, которые традиционны и привычны для современной технократической культуры. Все то, что дала история человечества, все плоды длительной эволюции мыслительной способности, а также то, что возникает и развивается в процессе формирования и развития детского мышления, - все это, хотя и стерлось в значительной степени в нашей памяти, но не утрачено нами.

Самые разные обстоятельства (о которых здесь шла речь) осложняют доступ к этим пластам системы личностных смыслов и к реконструкции этих форм оперирования информацией, - это и специфическая направленность нашей цивилизации, и действие механизмов психологической защиты, и определенная нетерпимость к результатам и достижениям альтернативных культур, и, напротив, некоторая переоценка собственных достижений (которые, вообще говоря, у технократической цивилизации действительно очень велики, особенно если в качестве мерил выбирается технический прогресс, а не, допустим, развитие духовности, совершенствование личности и т.п.).

При этом может возникнуть такое возражение: даже если не будет отрицаться существование всех тех форм восприятия и осмысления информации (начиная с реликтовых и кончая некоторыми альтернативными для современной культуры), о которых мы говорили, все равно маловероятно, что это может что-либо дать для понимания природы творческого мышления, поскольку многие из них отражают наивные знания и представления, примитивные формы восприятия, случайные (например, базирующиеся на собственной эмоциональной реакции) оценки.

Мы уже стремились показать, что то, что в рамках современной картины мира квалифицируется как "наивное", "примитивное", "случайное", нуждающееся в изживании и преодолении, по существу, может представлять собой гораздо более сложные (для оценки их роли в мышлении современного человека) феномены. С этой точки зрения сопоставим некоторые черты "реликтовых" и базирующихся на современной картине мира форм восприятия и представления информации. Причем преимущество последних может оказаться не столь уж очевидным, а недостатки первых - не такими уж драматичными. Например, как уже отмечалось, в основе формирования первичных прото-образов лежали комплексы впечатлений субъекта по поводу определен-

ной жизненной ситуации (применительно к оценке степени адекватности мышления вроде бы плохо - субъективизм). Они представляли собой форму спонтанной и непосредственной реакции, осуществлявшейся в условиях повышенной (по сравнению с современной культурой) чувствительности, восприимчивости субъекта к сигналам окружающей среды. Исходные прото-образы не содержали в себе элементов интер-субъективности, знания о том, *что* в этих звукокомплексах является более репрезентативным в отношении коммуницируемого содержания, а *что*, напротив, затрудняет возможности взаимопонимания. (Тоже хорошего мало - самый примитивный взгляд на вещи, без учета того, что существенно, а что малозначительно, случайно.) Однако подобные комплексы "незамутненных знаний" впечатлений, зафиксированные в памяти человека, служат источником нетривиальных сопоставлений и ассоциаций (что очень важно с точки зрения перспектив нахождения творческих решений). В свою очередь, сопоставления, осуществляемые осознанно и базирующиеся на современных формах видения и осмысления мира, имеют в своей основе, во-первых, те представления о подобном, сходном, которые существуют в настоящее время в рамках данной культуры; во-вторых, они используют данные, претерпевшие многочисленные изменения вследствие упорядочения, структурирования информации, ее классифицирования, именованя и т.д. В результате, и те содержания, которые участвуют в подобного рода актах сопоставления, не просто несут на себе отпечаток современной культуры, но вообще (самым непосредственным образом) являются ее порождением. Следовательно, в них в некоторой неявной форме отражены и зафиксированы все те стереотипы восприятия и осмысления мира, которые присущи современной культуре (для нахождения нестандартных решений это, похоже, не так уж удобно).

Понятно, что для установления нетривиальных аналогий (что многими исследователями справедливо оце-

нивается как одно из необходимых условий продуктивности мышления) приходится пытаться выйти за пределы этих стереотипов. Но как это возможно, если оперирование осуществляется в рамках системы данных, базирующихся на этих стереотипах, на основе представлений о подобном (сходном, аналогичном), которое существует в современной культуре и включает эти стереотипы как неотъемлемую составную часть? (Тоже не очень обнадеживает).

Возможно, именно здесь оказывается полезным тот альтернативный опыт восприятия мира, который зафиксирован в виде первичных прото-образов и который постоянно пополняется за счет получения новых компонентов психических содержаний в результате использования этих альтернативных форм репрезентации информации. И поскольку прото-образы базируются на комплексах впечатлений субъекта, постольку ассоциирование психических содержаний может осуществляться на основании, например, их сходной переживаемости субъектом. Совершенно ясно, что устанавливаемые на такой основе ассоциативные связи могут весьма существенно отличаться от тех, которые базируются на выявлении необходимых признаков сопоставляемых объектов.

Здесь снова возникает возражение, что аналогии, основанные на сопоставлении собственных впечатлений, мало что могут дать для рационального осмысления проблемы. Однако, как нам представляется, это не так. В первой главе были подробно проанализированы механизмы, обеспечивающие возможность неслучайной и произвольной репрезентации ситуаций в комплексах впечатлений субъекта. На этом основании мы можем делать вывод о том, что в прото-образах, пусть в наивной (с точки зрения современной культуры) форме, но достаточно адекватно отражались значимые для человека как вида параметры жизненной ситуации. Поэтому установление ассоциаций на базе уподобления комплексов собственных впечатлений может иметь в своей ос-

нове серьезные объективные корреляции, знание о которых, кстати говоря, вполне может оказаться утраченным в процессе развития цивилизации в направлении доминирования средств символической репрезентации информации. То же относится к тем пластам системы личностных смыслов (а также к тем механизмам оперирования информацией), которые связаны с функционированием образов-символов. Хотя по сравнению с прото-образами они содержат элементы интерсубъективного знания, более опосредованно относятся к окружающей реальности, все же при этом они сохраняют отпечаток исходного, эмпатического восприятия.

Преимущество образов-символов как формы репрезентации информации мы видим в том, что они объединяют в себе противоположные способы освоения мира - непосредственность и спонтанность индивидуальных интегральных образов с интерсубъективностью, относительной независимостью от сиюминутного восприятия реалий окружающего. Образы-символы позволяют в максимально сжатой, спрессованной форме адресоваться к тем содержаниям, воспроизведение которых требовало вначале оживления в памяти всего комплекса связанных с ситуацией впечатлений.

В форме образов-символов появляется возможность выражать и коммуницировать содержания ситуаций, непосредственным участником которых сам субъект не был. Образы-символы служат источником возникновения мыслительных конструктов, аналогов которым в объективной реальности человек не встречал. На этой основе становится возможным возникновение верований, разного рода фантазий, в архаичной форме задающих картину мира, принимаемую данным сообществом.

Применительно к анализу творческого мышления эти особенности репрезентации и оперирования информацией с помощью образов-символов играют немаловажную роль. В частности, за счет "перевода" проблемы

на этот уровень анализа удастся в значительной степени отойти от многих стереотипов символической культуры и в то же время обратиться к тем пластам содержания, в которых фиксирован непосредственный, образный, целостный опыт субъекта.

Итак, мы стремились показать, что самые различные способы представления и оперирования информацией, о которых речь шла в этой книге, имеют право на существование в модели функционирования творческого мышления. Все они - на разных стадиях и в различной степени - участвуют в решении задач. Одни процедуры - сбор данных, проверка гипотез, выведение возможных следствий из того или иного допущения - осуществляются с преимущественным использованием средств осознанного оперирования информацией (символических или образных - в зависимости от характера задачи). Для других стадий, традиционно выделяемых в рамках творческого акта (инкубация, озарение), характерно доминирование неосознанных механизмов переработки информации, а также обращение к пластам системы личностных смыслов, зафиксированных в подсознании или бессознательном.

Если же попытаться кратко сформулировать выводы относительно специфики трансформаций в характере мыслительной активности при переходе от осознанного анализа проблемы к ее переработке на уровне подсознания (бессознательного), то можно сказать, что при этом осуществляется обращение к принципиально иной сфере психических содержаний, базирующихся на иной картине мира и ином понимании места человека в нем, а также использование альтернативных механизмов репрезентации и оперирования информацией.

4. ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

В этой главе мы попытаемся наметить определенные механизмы функционирования мышления, объяснить некоторые эмпирически выявляемые особенности восприятия и переработки информации лицами с высоким творческим потенциалом. При этом особенно интересными кажутся нам вопросы, связанные со спецификой организации концептуальных структур, ассоциативных сетей, особым статусом стереотипов (когнитивных штампов) в мышлении креативных личностей.

Известно, что способность более эффективно оперировать противоречивой информацией специалистами выделяется в числе отличительных черт одаренных людей¹. На наш взгляд, эта их особенность связана с иной (не только количественно, но и качественно) представленностью подсознательно протекающих мыслительных процессов.

На уровне сознания человек не очень удачно использует противоречивые данные. И в частности, исследования показали², что в ситуациях, когда испытуемые были вынуждены формулировать суждение на основе совокупности признаков, содержащих взаимоисключающие утверждения, их мыслительная стратегия сводилась к отбрасыванию одного из компонентов противоречивой информации и принятию решения на основании другого. При этом выбор "оставляемого" признака определялся некоторыми установками достаточно общего характера: собственными предпочтениями, сложившейся системой представлений и т.п. С чем же связана такая особенность функционирования сознания? Рас-

¹MacKinnon D.W. Creativity: a Multi-faceted Phenomenon//Creativity. A discussion at the Nobel Conference. Amsterdam;L.,1970. P.29-32.

²Posner M. Cognition: An Introduction. Illinois,1973. P.80.

смотрим эти вопросы несколько подробнее.

В каждую единицу времени на органы чувств человека обрушивается гигантский поток информации. И лишь весьма незначительная ее часть осознается. В основном же она фиксируется и репрезентируется неосознанно. Это приводит к тому, что на уровне подсознания функционирует информация, миновавшая барьер сознания и критичности, не испытывая на себе действия мыслительных процедур (структурирования, классификации, упорядочения и т.д.), используемых в процессе вербализации информации. Поэтому она обладает такими свойствами, как неупорядоченность, многообразное переплетение свойств, связей, отношений (да и сами они не выделяются в том виде, в каком это характерно для сознания), наличие разнообразных оттенков, полутонов и прочих затрудняющих упорядочение, но более адекватно отражающих реальный мир компонентов информации.

Сознание не может эффективно функционировать в таких условиях: для него характерно выделение стабильного, однозначного, последовательного. В определенном смысле, наверное, можно утверждать, что оно оперирует предельными значениями (не исключительно ими, но предпочтительно ими). А предельные значения различных оттенков и полутонов сведутся как раз к двум, являющимся крайними точками континуума. И поскольку сознание не в состоянии их совместить - настолько противоположными оказываются их параметры - фундаментальную роль начинает играть требование непротиворечивости рассмотрения³. При таком пони-

³Следует оговориться, что речь в данном случае идет о сознательной переработке информации в рамках мышления, развившегося и функционирующего в современной технократической цивилизации. Хорошо известно, что существуют типы мышления (например, архаичное или мышление, сформировавшееся в рамках альтернативных культур, - скажем, буддистской), которые совершенно по-иному относятся к противоречиям: или нечувствительны к ним, что особенно характерно для филогенетически ранних форм культур: 1, или рас-

мании оно сводится, фактически, к призыву, сделать ставку на одно упорядочение континуума (и лежащее в основе этого упорядочения огрубление реальных связей), не использовать при этом огрубления того же континуума в противоположном направлении.

В теоретических построениях такая стратегия оправдана, поскольку позволяет до конца раскрыть то содержание, которое скрыто в выбранном предельном случае. И все результаты, которые будут получены на этом пути, окажутся однозначно относимыми именно к данному исходному упорядочению информации. Несответствия, которые неизбежно возникнут раньше или позже, поскольку в основе всего лежало изначальное огрубление реальных связей и отношений, также будут однозначно и недвусмысленно относимы к выбранному упорядочению, а не к некоторой нерасчлененной и неструктурированной совокупности исходных представлений.

Поэтому, очевидно, можно сказать, что в противоречии реализованы предельные состояния того континуума, который существует в "картинке" подсознания и с которым сознанию трудно справиться. Противоречие - это, в некотором роде, "ужас сознания" перед безграничностью неосознаваемого, а закон непротиворечия - это попытка защититься от разрушительного для него объема и невысказанного разнообразия информации, которыми оперирует подсознание.

Сознательная настроенность субъекта на возможность допустить противоречие в собственной картине мира уменьшает порог восприятия неосознаваемого, в

смаывают знание, представленное в логически-противоречивой форме, как феномен более высокого порядка, чем дискурсивное знание, как средство достижения особых состояний сознания. Например: "Так Приходящий говорил о всех мыслях как о не-мыслях, поэтому их и именуют мыслями" ("Алмазная праджняпарамитасутра"//Психологические аспекты буддизма. Новосибирск,1991. С.118).

результате чего данные подсознательной переработки информации оказываются более доступными сознанию. Поэтому внутренняя готовность субъекта принять противоречие, признать его правомерность (а не отбросить сходу один из компонентов информации, как не соответствующий действительности) - важнейший эвристический фактор.

Существование на уровне сознания противоречивых утверждений является отражением того обстоятельства, что субъект признает наличие определенного несоответствия (допустим, между принимаемыми им общими положениями и тем или иным состоянием дел в действительности). Собственно говоря, такое признание и выражает осознание проблемной ситуации.

Очевидно, наличие противоречия определенным образом репрезентируется и на уровне подсознания, которое, если можно так выразиться, "знает", что человек столкнулся с положением вещей, эффективного выхода из которого он в данный момент не видит. Компоненты такой ситуации, в которых выражается основное содержание проблемы, также представлены в подсознании.

Как оно оперирует ими? На наш взгляд, на этом уровне фундаментальную роль играют личностные и эмоциональные компоненты опыта. Поэтому субъективная значимость информации приобретает гораздо больший вес, чем в сознании. В сознании доминируют рассудочные оценки, рассчитанные выгоды, в сознании действует и определяет значимость информации та шкала ценностей, которая согласуется с нормами культурной среды данного индивида. Взвешивая значимость определенных фрагментов информации на уровне сознания, человек руководствуется теми соображениями, которые не должны поставить под сомнение его Я-концепцию. Однако все эти соображения могут весьма мало соответствовать той системе ценностей и той шкале оценок, которая укоренилась в подсознании и бессознательном индивида и которая явилась результатом действия множества факторов как субъективного, как и объ-

ективного характера (имеются в виду определенные генетические предрасположенности, условия жизнедеятельности человека и т.п.).

Компоненты такой внутренней, скрытой шкалы отражают неповторимую историю формирования именно данной личности. Многие из них могут не осознаваться субъектом в силу целого ряда причин. Например, из-за их возможного несоответствия тем "хорошим", "правильным", "моральным" мотивам, которые признаются допустимыми в данной культуре и которые индивид принимает и включает в свою осознаваемую (или провозглашаемую перед самим собой) систему ценностей.

Сложность при этом заключается в том, что в случае наличия существенных расхождений между двумя такими системами ценностей (действующей на уровне сознания и не осознаваемой индивидом) осознание компонентов последней может поколебать или даже расшатать Я-концепцию данного индивида, что неизбежно приведет к необходимости переоценки и пересмотра всей картины мира и понимания своего места в ней. А это, в свою очередь, затруднит адаптацию человека к условиям постоянно изменяющейся внешней среды и нарушит более или менее устойчивое равновесие, в условиях которого он (до осознания неосознававшихся и травмирующих компонентов информации) жил. Действие механизмов психологической защиты препятствует проникновению на уровень сознания психических содержаний, способных нарушить гомеостаз всей системы. Поэтому существование различий между "внешней" и "внутренней" шкалой ценностей и оценок может не восприниматься субъектом.

Итак, для подсознания характерно наличие мыслительных конструктов, в некоторой форме репрезентирующих осознаваемое человеком противоречие, причем сами эти конструкты характеризуются тем, что их субъективная значимость для данного индивида не просто неразрывно связана с их мыслительным содержанием,

но является одним из компонентов такого содержания. Кроме того, эта субъективная значимость установлена в соответствии с внутренней неосознаваемой шкалой ценностей, во многих случаях принципиально отличающейся от внешней.

Как уже отмечалось, непротиворечивое оперирование противоречивой информацией в ряде случаев достигается за счет того, что субъект волевым усилием объявляет лишь один из ее компонентов истинным. Понятно, что тогда никакого противоречия не остается: ведь если одно из утверждений истинно, то противоречащее ему ложно. В тех же случаях, когда человек вынужден принять и его истинность, создается мощный очаг внутреннего напряжения, нестабильности, тревоги, устранение которого требует такой реорганизации системы восприятия мира, в рамках которой данное противоречие было бы снято. Если этого так и не удастся достичь, оно вытесняется из сферы сознания.

И здесь примечательным оказывается следующее обстоятельство. При оценке информации на уровне сознания индивид склонен отдать предпочтение тем компонентам, которые соответствуют определенным стереотипам, штампам, вписываются в систему ценностей и приоритетов, действующих на уровне сознания.

В подсознании же может оказаться принципиально иной субъективная значимость оцениваемых компонентов: то, что в сознании выступало как доминирующее, в подсознании может потерять свою значимость, и наоборот. Тогда, условно говоря, значение "истина" может оказаться приписанным утверждению, которое на уровне сознания было оценено как ложное. В результате произойдет радикальная переоценка исходной ситуации, что позволит изменить угол рассмотрения проблемы.

Итак, компоненты информации, воспринимавшиеся на уровне сознания как более существенные, - в силу их соответствия разного рода стереотипам, установкам субъекта, его ожиданиям, предпочтениям и т.п. - на уровне подсознания могут восприниматься как менее

значимые. И напротив, данные, или не зафиксированные на уровне сознания, или (по тем или иным причинам) оцененные как не заслуживающие серьезного рассмотрения, на уровне подсознания могут стать определяющими. Подобный механизм мог, вероятно, сформироваться в процессе эволюции человека вследствие стремления уменьшить негативные последствия изначальной репрезентации информации на основе ранее сложившихся стереотипов. В конечном счете, это обеспечивает нахождение более эффективных решений в постоянно изменяющихся жизненных ситуациях и, тем самым, способствует повышению адаптивных возможностей человека⁴. Весьма существенным параметром такого механизма является то, что благодаря ему, любой результат, полученный на любом уровне осмысления информации (в значительной степени независимо от установок субъекта), на определенном этапе ее переработки вовлекается в процесс решения.

На наш взгляд, подобное изменение значимости информации напоминает механизм функционирования высшей нервной деятельности, описанный И.П.Павловым (в так называемой "фазе внушения"), когда не сильные, а слабые раздражители оставляют в сознании и памяти наиболее устойчивые следы. Возможно, именно с таким феноменом изменения субъективной значимости информации в подсознании связан пересмотр некоторых более или менее фундаментальных стереотипов (ранее исходным образом ограничивавших поле решения задачи), которым нередко сопровождаются озарения. Происходящее при этом изменение значения информации, на наш взгляд, возможно вследствие действия двух факторов:

⁴При этом, однако, не следует забывать, что наличие устойчивых концептуальных структур, кроме упомянутых отрицательных, имеет и бесспорные положительные следствия для развития знания субъекта.

1. Психические содержания, энергетическая значимость которых ниже порогового значения (скажем, некоторого δ), попадают в подсознание, а те, значимость которых выше δ , - в сознание. Тогда автоматически все те содержания, которые функционируют в сознании и имеют статус разного рода стереотипов, окажутся для подсознания незначимыми (просто в силу несоответствия их энергетических значений параметрам информации, перерабатываемой в подсознании). И наоборот, информация, незначимая для сознания из-за ее малого (меньше δ) энергетического значения, будет основным объектом переработки в подсознании. Если исходить из такого понимания механизмов изменения значимости элементов информации в подсознании, можно сказать, что оценка компонентов противоречия становится иной просто в силу специфической ориентированности сознания и подсознания на соответствующие энергетические значения психических содержаний.

2. Изменение субъективной значимости компонентов противоречивой информации на уровне подсознания может происходить из-за того, что на этом уровне действует совсем иная шкала ценностей, чем в сознании. Вероятно, степень отличия будет весьма индивидуальной. Но уже тот факт, что многие побудительные мотивы субъектом не осознаются, говорит о том, что это расхождение может быть весьма значительным (отдельные компоненты этой системы именно потому находятся в сфере бессознательного, что их осознание угрожает Я-концепции, сформировавшейся на основе осознаваемой шкалы ценностей).

Учитывая все сказанное, представляется возможным говорить о том, что подсознание в противоречивой ситуации функционирует так же уверенно, как в непротиворечивой - сознание⁵. Это возможно, в частности,

⁵Поскольку информация, функционирующая на уровне подсознания, имеет иные параметры, чем та, которой оперирует сознание, такие

потому, что оценка информации на непротиворечивость - один из наиболее жестких стереотипов сознательного восприятия, осмысления и репрезентации информации - в соответствии с действием предложенного выше механизма - оказывается на уровне подсознания, по меньшей мере, весьма ослабленным. Такого рода отношение подсознания к противоречивой информации лишь на первый взгляд кажется необычным. По существу же известны такие состояния сознания (например, сновидноизмененное сознание), когда человек не удивляется даже самым фантастическим образованиям и сюжетным поворотам, воспринимая их как нечто совершенно естественное.

Таким образом, можно сказать, что мыслительные конструкты, более или менее адекватная репрезентация которых на уровне сознания позволяет идентифицировать их как противоречивые, являются неотъемлемым компонентом той картины мира, которая формируется на уровне подсознания. В настоящее время в логике получены результаты⁶, позволяющие утверждать, что представление о возможных положениях дел в действительности, выражающееся в принятии соответствующих описаний состояний, задает и соответствующую логику рассуждения. Например, переход от традиционного понятия описания состояний к понятию обобщенного описания состояний обусловит переход от классической

характеристики, как "противоречивость-непротиворечивость", осмысленные по отношению к символической форме репрезентации, автоматически на область подсознания переноситься не могут. Вероятно, применительно к подсознанию имеет смысл говорить лишь о наличии или отсутствии определенного рода образований (мыслительных конструктов), более или менее адекватное выражение которых с использованием естественного языка приводило бы к формулированию взаимоисключающих суждений.

⁶Войшвилло Е.К. Понятие интенциональной информации и интенционального следования//Логико-методологические исследования. М.,1980.

логики - к релевантной. В этом смысле⁷, вероятно, можно говорить о том, что наличие на уровне подсознания картины мира, естественным компонентом которой являются противоречивые мыслительные конструкты, обусловит специфическую "логику" подсознания (которая, возможно, в некоторых своих аспектах будет близка паранепротиворечивым построениям).

Еще один момент, на котором хотелось бы остановиться - это специфика в организации ассоциативных сетей. Как известно, существуют различные представления о том, какого рода отношения в рамках оцениваемой информации служат основанием для ее ассоциирования. (Например, Аристотель выделял отношения смежности, сходства и контраста.) Однако независимо от различий в понимании оснований ассоциации в самом общем виде, на наш взгляд, можно говорить о существовании особенностей в формировании ассоциативных сетей на основе сознательного осмысления имеющейся информации и на уровне подсознания⁸. В первом случае особую значимость приобретает способность субъекта достаточно последовательно анализировать имеющиеся данные и максимально полно учитывать выявленные свойства и связи сопоставляемых сущностей. Природа подсознательного выявления сходства (подобия, контраста) представляется существенно иной.

Известно, что в процессе восприятия информации происходит ее параллельное кодирование, в результате чего элементы информации оказываются зафиксиро-

⁷Разумеется, с оговорками об относительной применимости любых понятий, определенных для вербальных форм репрезентации информации.

⁸Бесспорно, такого рода различие является огрублением реального ассоциативного процесса, в котором результаты сознательного и подсознательного восприятия и переработки информации переплетены и взаимосвязаны. Речь, по существу, может идти лишь о большей или меньшей представленности соответствующих процессов.

ванными как с помощью вербального (символического) кода, так и в невербальной форме, с использованием зрительных, слуховых, тактильных и других образов. И если вербализация информации связана с ее упорядочением, выделением однозначных свойств и связей объекта, то в рамках невербального восприятия формируется некоторый нерасчлененный, целостный образ объекта. Поэтому на уровне подсознания иной оказывается та база данных, на основе которых осуществляется уподобление. С другой стороны, не может не быть иным и само представление о сходном (подобном, контрастном). Ведь то представление, которое функционирует в нашем сознании, обусловлено сложным комплексом феноменов культуры, среди которых и существующая система ценностей, и научная картина мира, и многое другое. А, как уже отмечалось, на уровне подсознания происходит ослабление действия разного рода стереотипов, устойчивых представлений и т.п. Учитывая эти обстоятельства, нетрудно понять, что сети ассоциаций, которые возникают в процессе подсознательной переработки информации, будут существенно отличаться от тех, которые могут быть сформированы в результате сознательно направляемых усилий.

И в частности, необходимо выделить следующие отличительные моменты. Во-первых, более обширной является база данных, на основе которых устанавливаются ассоциативные связи. Во-вторых, поскольку информация, составляющая основу ассоциирования, невербальна, она, как уже отмечалось, не подвергается тем преобразованиям, которые неизбежны в процессе вербализации. И наконец, само представление об ассоциируемом, которое функционирует на уровне сознания и уже в силу этого не может не испытывать на себе ограничивающего влияния стереотипов мышления, на уровне подсознания является существенно ослабленным.

Но поскольку на основе ассоциирования информации, хранящейся в долговременной памяти и вновь по-

ступающей, в мышлении субъекта формируются концептуальные структуры, с опорой на которые воспринимается, оценивается и размещается новая информация, постольку описанные выше особенности в организации ассоциативных связей не могут не обуславливать особенностей в характере концептуальных структур креативных личностей. Последние, как нам представляется, будут отличаться большей сложностью и независимостью от стереотипов, а также меньшими ограничениями на сочетаемость информации. Смысловое содержание понятий, функционирующих в рамках такого рода структур, будет включать более обширный комплекс информации невербальной природы различной степени осознанности, за счет чего размерность субъективного семантического пространства⁹ может быть более высокой.

Однако, несмотря на относительно большую представленность подсознательных процессов восприятия и переработки информации в мышлении креативных личностей, важнейшую роль в организации концептуальных структур играет вербализованная информация.

Существует представление, что вербализация снижает творческие возможности индивида и, напротив, регресс вербализации (при условиях, допускающих ее возможность) связан с более высокой творческой потенциальностью¹⁰. Поэтому возникает вопрос о роли процедуры вербализации информации в творческом мышлении и даже в некотором более широком контексте - об отношении вербальности и креативности.

Исследования показали¹¹, что в тех случаях, когда

⁹Субъективное семантическое пространство может рассматриваться как модель категориальной структуры индивидуального сознания, на основе которой осуществляется классификация информации путем анализа ее значений.

¹⁰Анализ соответствующих результатов см.: *Westcott M.R. Toward a Contemporary Psychology of Intuition*. N.Y.;L., 1968. P.90.

¹¹*Posner M. Cognition: An Introduction*. P.75.

испытуемым при решении задачи на распознавание образов предлагалось предварительно сформулировать основание классификации, результаты были хуже, чем в тех случаях, когда такое исходное ограничение не накладывалось, и субъекты были свободны в выборе тактики решения задачи. Более того, оказалось, что в ряде случаев реальное отнесение образов к соответствующим классам не отвечало вербально формулируемым основаниям и при этом было более адекватным. Эти результаты представляются достаточно интересными в плане анализируемой проблемы, поскольку способность адекватного распознавания и оценки информации непосредственно связана с возможностями ее последующего продуктивного использования. Рассмотренные под таким углом зрения, эти результаты как будто бы свидетельствуют о том, что вербализация информации в процессе решения задачи препятствует реализации творческих потенций.

Однако, как нам кажется, отношение между такой фундаментальной формой мыслительной активности человека как вербальное представление данных, и его творческими возможностями существенно сложнее. Прежде всего, вероятно, есть основания говорить о различной роли вербализации информации на разных уровнях мыслительного процесса, и, тем самым, на разных стадиях творческого акта.

Упомянутое различие станет более очевидным, если иметь в виду, что процедура вербализации информации не тождественна операции именованию, являющейся, в определенном смысле, ее завершающей стадией. Для того, чтобы определенное восприятие или результат переработки информации получил вербальную форму репрезентации, необходимо предварительное осуществление ряда мыслительных процедур, направленных на упорядочение, структурирование информации, выделение в ней однозначных связей и отношений, более и менее существенных свойств и зависимостей и т.п. Помимо этого, информация классифицируется, иденти-

фицируется, сопоставляется с хранящимися в памяти прототипами и вариантами возможных отклонений от них и др. В результате - воспринятая и закодированная с помощью невербальных средств информация существенным образом модифицируется, огрубляется, а иногда и искажается. Целый ряд свойств, отношений, зависимостей, которые зафиксированы в рамках целостного образа, формирующегося в процессе невербального кодирования, остается за пределами, условно говоря, той модели, которая возникает как следствие преобразования информации в ходе ее вербализации. Совершенно естественно, что в подобного рода процессах существенную роль будут играть те представления, мировоззренческие, методологические и другие установки, которые существуют в сознании субъекта и применительно к которым упорядочиваются, оцениваются и размещаются вновь поступающие данные. Это, в свою очередь, не может не привести к тому, что вербализованная информация оказывается жестче, чем невербальная, увязанной с укоренившимися в сознании человека штампами, ожиданиями, предпочтениями, представлениями о перспективном направлении поиска и др. А поскольку возможности нахождения нестандартного, нетривиального решения существенно обусловлены способностью преодоления разного рода исходных ограничений на проблему, понятно, что, оперируя вербальной информацией, индивиду труднее осуществить подобный отказ. Этим, на наш взгляд, хотя бы отчасти объясняются те результаты исследований, о которых говорилось выше (относительно зависимости адекватности решения задачи от степени использования вербальной формы репрезентации информации).

Однако сводится ли роль вербализации в процессе когнитивной деятельности к только что упомянутой зависимости? Как нам представляется, нет. Ведь мыслительная активность в рамках решения творческой задачи не исчерпывается использованием невербальных средств представления и переработки информации.

Напротив, любой результат, полученный в ходе преимущественно подсознательного осмысления проблемы, может быть осознан лишь тогда, когда он будет вербализован. И вот на этом этапе степень развитости категориальных средств естественного языка и степень владения каждым данным индивида этими средствами являются фундаментальными для реализации его творческих потенций. При этом мы полагаем, что степень владения языком означает не просто наличие большего или меньшего объема терминов и их значений в памяти человека, но и способность более или менее адекватно вербализовать невербальные компоненты существующей в подсознании информации. (Имеется в виду способность произвольного, сознательно направляемого поиска и нахождения максимально адекватных вербальных аналогов тем или иным компонентам невербального опыта индивида.) Очевидно, что степень владения естественным языком не только повлияет на способность произвольного осознания, но и обусловит степень адекватности таких мыслительных процедур, как категоризация, идентификация, классификация информации и др. Основания подобной зависимости видятся в следующем.

Как уже отмечалось, человек в процессе вербализации стремится использовать прежде всего именно привычные, достаточно устойчивые обозначения и часто уподобляет свои впечатления категориям языкового кода. Поэтому чем богаче выразительные возможности тех средств символического кодирования, которые имеются в распоряжении субъекта, тем богаче и сложнее сетка, которая им накладывается на мир, тем более тонкие детали, оттенки, аспекты осмысливаемого могут быть выражены и тем меньше результирующие искажения информации.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Это вопрос о специфическом статусе когнитивных стереотипов (штампов) в мышлении креативных личностей. Отчасти этот вопрос уже затраги-

вался, когда речь шла о преимущественной представленности подсознательно протекающих мыслительных процессов. Однако следует коснуться и некоторых других аспектов.

Вообще, при обращении к проблеме стереотипов стало уже достаточно традиционным подчеркивание их негативной роли в рамках творческого процесса и указание на необходимость их более полного преодоления с целью достижения подлинно нового, творческого результата. И действительно, подобное представление имеет под собой серьезные основания, поскольку совершение творческого шага невозможно без отказа от некоторого множества исходных ограничений на проблему, обусловленных определенными стереотипами, когнитивными штампами.

Однако если роль стереотипов в мышлении столь однозначна, то почему они так живучи и труднопреодолимы? Ведь история формирования знаний о человеке учит тому, что в процессе филогенеза закрепляется лишь то, что полезно, а стереотипы, на первый взгляд, только мешают эффективной адаптации человека (которая неразрывно связана со способностью смотреть на уже известные вещи под другим углом зрения)? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть те функции, которые стереотипы мышления выполняют в когнитивном процессе.

Итак, человек живет в условиях постоянно изменяющейся внешней среды, что само по себе достаточно часто требует от него разрешения новых задач. В таких условиях его адаптация может быть эффективной только при наличии способности прогнозировать определенные события ближайшего или достаточно отдаленного будущего, чтобы максимально эффективно действовать в соответствующим образом изменившихся условиях. Однако для того, чтобы подобное прогнозирование было возможным (хотя бы и в самой примитивной форме), человек должен обладать способностью вычленять в непрерывном потоке восприятия относительно устойчи-

вые, значимые для него фрагменты информации. Такого рода способность является неотъемлемым свойством человеческого мышления, на что, в частности, указывают экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что даже в тех случаях, когда предъявлявшиеся конфигурации заведомо не содержали никаких регулярностей, испытуемые все же "обнаруживали" их. Это фундаментальное свойство человеческого разума, как нам представляется, и лежит в основе формирования системы стереотипов в мышлении.

Существенным является и другое обстоятельство. В процессе становления человеческой личности, усвоения достижений культуры и накопления результатов собственного опыта в сознании человека формируется достаточно устойчивая система представлений, знаний, навыков, ценностей, позволяющая ему более или менее эффективно адаптироваться к условиям внешней среды. Предпосылкой такой адаптации служит способность оперативно и адекватно воспринимать, кодировать и идентифицировать поступающую информацию, правильно ее классифицировать и оценивать. В свою очередь, выполнение этих задач невозможно без наличия достаточно стабильной системы знаний. Причем чем более разветвленной является сеть хранимой информации, тем более сложный комплекс восприятий может быть размещен на ее основе. Таким образом, степень развитости существующих в сознании субъекта знаний и представлений самой различной природы непосредственно влияет на эффективность восприятия и последующего использования поступающей информации.

Вообще представляется достаточно вероятным, что нормальное функционирование мозга, нервной системы, психики человека возможно лишь в условиях более или менее стабильной системы ценностей и ориентиров, относительно которых происходит отбор, оценка и размещение новой информации. Если нет таких направляющих линий, устойчивых контуров, вся система знания как бы повисает в воздухе, становится зыбкой и

неустойчивой. Вместе с ней теряет свою устойчивость и положение человека в мире. Поэтому можно предположить, что именно стремление к гомеостазу обуславливает осознанное и бессознательное формирование множества разного рода стереотипов. Их расшатывание угрожает самосохранению человека, и потому мозг обладает приспособительным механизмом, блокирующим проникновение на уровень сознания тех впечатлений и результатов, которые могут оказать травмирующее воздействие. Иначе говоря, поколебать или разрушить сложившуюся и устоявшуюся систему представлений, на основе которой (и относительно которой) происходит ориентация и приспособление человека к действительности.

Вообще, представление о существовании механизмов психологической защиты сформировалось в рамках фрейдизма. Как известно, Фрейд, анализируя причины неврозов, предположил, что глубинной основой их формирования являются детские сексуальные переживания, в силу существования социальных запретов вытесненные в сферу бессознательного. Последующие исследования показали, что не менее драматичным для человека является осознание определенных элементов информации, способных поколебать или разрушить образ собственного "я"¹². При этом акцент из сферы сексуальных переживаний был перенесен в сферу, если так можно выразиться, социально значимых компонентов развития личности (способность достичь признания, уважения, любить, быть любимым, быть понятым и др.). Такое увеличение множества стимулов, существенных для формирования специфики личности, представляется оправданным. Более того, на наш взгляд, их сфера может быть расширена за счет включения также тех личностно значимых элементов системы знаний, представлений, ценностей, которые лежат в основе картины

¹²См., напр.: *Arieti S. The Realm of Unconscious in the Cognitive School of Psychoanalysis* // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т.3.

мира, сформировавшейся в результате становления данной конкретной личности, усвоения ею достижений культуры и фиксации результатов собственного опыта. Поскольку подобного рода система составляет основу ориентации человека в мире и ее разрушение чревато ослаблением приспособительных возможностей индивида, постольку можно предположить, что действие механизмов психологической защиты распространяется и на обеспечение ее стабильности. Как следствие, информация, осознание которой может привести к необходимости отказа от определенных фундаментальных для данной личности положений, установок, штампов, может блокироваться.

Существуют ли в действии подобного рода механизма аспекты, которые можно было бы рассматривать как специфичные для мышления креативных личностей? Представляется, да. На наш взгляд, можно утверждать, что у лиц с высоким творческим потенциалом - или от природы, или в результате индивидуальной истории становления данной личности - механизмы психологической защиты в той или иной мере оказываются ослабленными. Одной стороной такого ослабления как раз и является то, что информация, способная расшатать существующую систему знания и поколебать стереотипы, имеющие в данное время статус бесспорных (которая у большинства людей блокируется), у креативных личностей получает более свободный доступ на уровень сознания. Это, если так можно выразиться, - положительное следствие ослабления механизмов психологической защиты.

Вместе с тем, вряд ли можно предполагать, что такого рода ослабление столь избирательно, что беспрепятственно пропускает на уровень сознания информацию, концептуально значимую, и блокирует травмирующую (ту, которая может причинить боль, страдание субъекту). Поэтому, скорее всего, в результате ослабления механизмов психологической защиты наряду с информацией, обеспечивающей возможность отказа от

когнитивных стереотипов (штампов) и, тем самым, увеличивающей вероятность совершения творческого шага, на уровень сознания более широким потоком устремится и вся информация, которая для данной личности имеет травмирующий характер и в обычных случаях блокируется. Такое предположение, на наш взгляд, дает возможность понять и некоторые другие аспекты в проблеме специфики мышления креативной личности. В частности, это касается соотношения чувствительности (сензитивности¹³) и креативности.

В исследованиях, посвященных рассмотрению параметров мышления лиц с высоким творческим потенциалом, часто отмечаются когнитивная и эмоциональная их открытость, высокая степень чувствительности, восприимчивости как к сигналам, поступающим из внешнего мира, так и к внутренним¹⁴. Эта зависимость является достаточно очевидной: более развитая способность к восприятию и фиксированию оттенков, деталей в поступающей информации, при прочих равных условиях, обеспечит более богатую базу исходных данных самой различной природы. А это, в свою очередь, обусловит возможность вербализации и осознания более тонких аспектов, отношений, свойств в рамках воспринятого и осмысливаемого. В результате исходная база данных для формирования ассоциативных связей будет существенно шире и т.д.

Однако, как нам представляется, можно говорить и о менее тривиальном отношении степени восприимчивости, сензитивности субъекта и креативности его мышления. А именно, о восприимчивости, эмоциональной и когнитивной открытости - как следствии

¹³Под чувствительностью в данном контексте понимается способность организма реагировать на изменение раздражителя возникновением или изменением ощущения.

¹⁴См., напр.: *Creativity. A discussion at the Nobel Conference*. Amsterdam; L., 1970. P.2-9; *Westcott M.R. Toward a Contemporary Psychology of Intuition*. P.89; Психология творчества. М., 1990.

развитой творческой способности (поскольку, как уже говорилось, последняя может быть обусловлена, в частности, и ослаблением действия механизмов психологической защиты). Поэтому определенная уязвимость, незащищенность, нестандартность поведения людей с высоким творческим потенциалом (широко известные "чудачества") не должны рассматриваться как их каприз или проявление их нежелания вписаться в стандартную систему межличностных отношений. По существу, эти особенности оказываются оборотной стороной одаренности этих людей и не могут быть сняты произвольно.

В этой связи хотелось бы рассмотреть вопрос о психо-эмоциональных особенностях креативных личностей несколько подробнее. В современной литературе этой стороне проблемы уделяется значительное внимание. При этом целый ряд характеристик практически всеми исследователями причисляется к неотъемлемым личностным качествам креативных субъектов. В их числе - любознательность, даже до некоторой степени любопытство (однако не в обыденном понимании, а скорее как выражение стремления к получению новой информации, вероятно, по смыслу приближающееся к понятию "пытливость"), способность видеть проблему там, где ее не видят другие. Данное обстоятельство, как попутно справедливо отмечается, способно доставить немало неприятностей и неудобств его обладателю, поскольку усмотрение проблем побуждает говорить о них, а это не всегда приветствуется окружающими, которые - в массе своей - не видят никаких проблем в соответствующем положении вещей.

Упоминается также и такое качество, как гибкость в восприятии и оценке информации (в противовес жесткости, ригидности), присущая в большинстве своем креативным личностям. Последнее находит и экспериментальное подтверждение. Так, интересные исследования особенностей восприятия информации при условии

различных способов предшествующего обучения показали, что так называемая "да-тенденция"¹⁵, складывается как следствие более разнообразного предшествующего личностного опыта субъекта¹⁶ и обуславливает следующую особенность восприятия: скорее модификации, не принадлежащие к данному классу будут ошибочно причислены к нему, чем подлинные варианты прототипа будут необоснованно отвергнуты. И напротив, так называемая "нет-тенденция" (т.е. склонность к негативному ответу на вопрос о принадлежности некоторого данного объекта к соответствующему классу) формируется как следствие более однообразного предшествующего обучения и обуславливает противоположную особенность восприятия: скорее подлинная модификация некоторого прототипа будет ошибочно отвергнута, чем конфигурация, не являющаяся в действительности вариантом прототипа, будет неверно принята¹⁷.

Представляется достаточно очевидным, что подобные особенности восприятия не безразличны к формированию способности нахождения нетривиальных решений в познавательных ситуациях: склонность к усмотрению некоторого известного субъекту прототипа в большем числе встречающихся комбинаций позволит применить имеющиеся знания к большему множеству новых ситуаций, а также обусловит возможность минимизации числа малоотличающихся прототипов (ведь неверная оценка некоторых конфигураций, как не относящихся к данному классу, заставит формировать для них свой, новый прототип. Вероятно, в подобной позна-

¹⁵Т.е. склонность давать позитивный ответ на вопрос о присущности или не присущности вновь предъявляемых конфигураций тому классу объектов (прототипу), который сформировался у испытуемого на основе предшествующего научения.

¹⁶Имеется в виду формирование прототипа на основе предъявления значительно различающихся между собой конфигураций.

¹⁷Posner M. Cognition: An Introduction. P.53-54.

вательной ситуации вновь формируемый прототип будет незначительно отличаться от исходного, причем сами отличия вряд ли окажутся существенными, поскольку в основе такого вычленения лежала неверная исходная оценка информации).

И еще одна деталь. Негативный ответ выражается не просто в произнесении соответствующего отрицательного высказывания. Такого рода реакция порождает комплексную перестройку многих систем организма, вследствие которой всё в человеке оказывается настроенным на отвержение, неприятие предлагаемого. В результате возможность продуктивного использования отрицаемой информации оказывается минимальной (а ведь известно, что даже из ложных идей, гипотез, теорий могут быть извлечены весьма нетривиальные и перспективные выводы). Кроме того, "нет-реакция" чаще всего предопределяет проигрышную стратегию поведения, когда несмотря на осознание своей ошибки, субъект будет - даже вопреки очевидному - внутренне сопротивляться изменению ранее высказанной оценки. И напротив, готовность к позитивному восприятию информации позволяет максимально продуктивно использовать ее впоследствии. Стремление субъекта вычленить рациональное зерно, готовность признать и некоторые сильные стороны, справедливые моменты пусть и неверного в целом построения дадут возможность включить выявленные рациональные моменты в собственные концептуальные структуры, что, естественно, обогатит их и позволит в ряде случаев продуктивно изменить угол видения проблемы.

Таким образом, гибкость (так же как и толерантность) мышления может рассматриваться, с одной стороны, как следствие более вариабельного личностного опыта субъекта, с другой - как предпосылка формирования особенностей восприятия и оценки информации, обеспечивающих возможность ее последующего креативного использования.

Что же касается проблемы соотношения креативно-

сти и интеллектуальности, то можно сказать, что до сих пор не существует ее общепринятого решения. Однако исследователи склоняются к мысли об отсутствии однозначной корреляции этих параметров. Вероятно, подобный вывод обусловлен отсутствием в настоящее время методик оценки интеллектуальных и креативных возможностей, достаточно точно ориентированных на выделение тех параметров личности, которые действительно являются характеристическими для этих способностей. Например, тест отдаленных ассоциаций, предложенный Медником, базируется на понимании креативности как ассоциации наиболее удаленных элементов восприятия, а тесты Торранса - на оценке креативности как особой восприимчивости к недостающим элементам информации, дисгармонии, пробелам в знании. Существуют тесты, базирующиеся на оценке предпочтения сложных или простых фигур и др. При определенных условиях (диктуемых иным пониманием креативности) исследователи обнаруживают практически нулевую ее корреляцию с показателями интеллектуальности¹⁸. Поэтому выявление соотношения этих двух способностей, вероятно, требует более углубленной теоретической разработки соответствующих проблем. А пока представляется преждевременным делать окончательные выводы о наличии или отсутствии корреляции степени интеллектуальности и креативности.

Интерес представляет также сочетание креативности с такими комплексными психологическими характеристиками как интровертность-экстравертность¹⁹. С

¹⁸См.: *Трик Х.Е.* Основные направления экспериментального изучения творчества//Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. М.,1981. С.303. См. также: *McKinnon D.W.* Creativity: a multi-faceted phenomenon//Creativity. A discussion at the Nobel Conference. P.18-32.

¹⁹Как известно, эти психологические типы были выделены и описаны К.Юнгом. Для экстраверта характерна обращенность к внешнему миру, в результате чего несколько снижается значимость явлений внутреннего мира. Напротив, интроверт преимущественно

креативностью обычно связывают интровертированный тип личности. Однако данное обстоятельство, очевидно, следует принять с некоторыми оговорками. И в частности, степень представленности соответствующих характеристик в реальных субъектах является различной, и в "чистом виде" они встречаются не часто. Более характерно определенное сочетание некоторых черт этих типов. Тем не менее выделение параметров, по преимуществу присущих экстравертированным и интровертированным личностям, по всей видимости, позволяет наметить некоторые глубинные зависимости, существующие между отдельными личностными характеристиками и возможностью формирования творческой потенции. Анализируя эти вопросы, известный исследователь креативности Гилфорд уточняет, что, когда мы говорим о таких качествах, как интровертированность или, например, импульсивность креативных личностей, следует помнить, что речь идет об оценке сферы мыслительной активности. В этой связи он добавляет: "Приятно думать, что креативная личность отлична от невротика или психотика - как это нередко утверждалось ранее. Фактически эти факторы подавляют креативное поведение"²⁰.

Упомянуты исследователи и целый ряд других параметров лиц с высоким творческим потенциалом. Среди них - высокая интуитивность, усмотрение более глубоких смыслов и следствий воспринятого, уверенность в себе и в то же время неудовлетворенность ситуацией, в которой субъект себя обнаруживает, открытость восприятию как внутреннего, так и внешнего мира. Креативные личности высокомотивированы, демонстрируют значительный уровень энергии. Они обладают

ориентирован на явления внутреннего мира, что выражается в склонности к самоанализу, некоторой замкнутости, затруднении социальной адаптации и т.п.

²⁰ Guilford J.P. Creativity: Dispositions and Processes//Creativity Research. International Perspective. New-Delhi, 1980. P.227.

рефлексивным мышлением, от которого получают удовольствие. Креативы самостоятельны, отличаются значительным стремлением к автономии. Для них характерен низкий уровень социализации и высокий уровень самодостаточности. Они неконформны.

В связи с последней характеристикой вспоминаются очень интересные соображения крупнейшего советского физика П.Л.Капицы о взаимосвязи гениальности и "непослушания"²¹. Описывая особенности темперамента М.В.Ломоносова, и в частности случай, когда тот "непристойно сложил перста, поводил ими под носом академика Шумахера и сказал - накоси - выкуси...", П.Л.Капица задавался вопросом: "Возможен ли аналогичный случай в наши дни у нас в Академии наук?" Этот вопрос представлялся ему не праздным, поскольку П.Л.Капица полагал, что "в описанном инциденте есть очень много поучительного и для наших дней. Ведь гений обычно проявляется в непослушании... Непослушание есть одна из неизбежных черт, появляющихся в человеке, ищущем и создающем всегда новое в науке, искусстве, литературе, философии"²². По его мнению, одно из условий развития таланта человека - это свобода непослушания.

Закончить эту главу о мышлении креативной личности хотелось бы словами Мак-Киннона, которые, как представляется, психологически точно и лаконично ее характеризуют²³: "Главное для творческой личности - это кураж, кураж разума и духа, психологический и духовный. Кураж быть разрушительным для созидания

²¹Фрагмент «О творческом "непослушании"» опубликован впервые в журнале "Наука и жизнь". 1987. № 2.

²²«О творческом "непослушании"»//Наука и жизнь. 1987. № 2. С.82.

²³На наш взгляд, в следующем контексте выражение "мужество" явилось бы не вполне адекватным для перевода английского "courage", содержащего некоторый дополнительный оттенок в характеристике состояния духа. Поэтому мы используем термин "кураж".

нового, кураж быть открытым восприятию изнутри и извне, кураж следовать интуиции, а не логике, кураж вообразить невозможное и попытаться реализовать его. Кураж думать так, как не думал никто. Кураж стоять в стороне от коллективности и конфликтовать с нею, если это необходимо, кураж становиться и быть самим собой²⁴.

²⁴*MacKinnon D.W. Creativity: a multi-faceted phenomenon. P.32.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как возможно творческое мышление? На этот вопрос - в меру своего понимания - мы попытались ответить содержанием данной книги.

В заключение, как это обычно делается, можно было бы или сжато изложить основные ее моменты, или наметить некоторые постановки проблем, которые вытекают из предложенного понимания. Но вероятно, в первом случае для того, кто прочел книгу, это было бы скучновато. Что же касается второго варианта, то уже по ходу изложения мы стремились наметить возможные нетривиальные выходы, и значит, читатель книги с ними тоже знаком. Кроме того, когда речь идет о такой проблеме, как творческое мышление, эти выходы настолько многообразны, что любой их перечень лишь ограничит фантазию читателя.

Поэтому мы попытаемся предложить иной вариант заключения, может быть, несколько нетрадиционный для научной монографии.

Дело в том, что всё предыдущее рассмотрение осуществлялось в соответствии с канонами и традициями, принятыми в современном научном сообществе (по крайней мере в тех сферах, где это было возможно, мы к этому стремились): анализ определенных фактических данных, а также теоретических построений, использование результатов которых может помочь в решении задачи; выдвижение гипотезы; попытка обосновать правомерность существования такой гипотезы, а в некоторых случаях, может быть, и ее адекватность реальному положению вещей.

Но творческое мышление - это такая сфера человеческого духа, в которой, как мы видели, далеко не всё укладывается в рамки дискурсивного рассмотрения.

Вместе с тем известно, что существуют и иные

формы постижения сообщаемого: через косвенную речь, иносказание, метафору, поэтические символы и т.д.

Поэтому в заключение мы прибегнем именно к такой форме обращения к читателю - через поэтическую притчу, принадлежащую перу Николая Гумилева¹. Мы надеемся, что это позволит, с одной стороны, создать у читателя некоторое ощущение итога, а с другой, - чувство незавершенности, ощущение безграничности проблем, связанных с открытием и постижением нового.

Итак, "Звездный ужас".

Ночью племя проснулось оттого, что старец, обезумев, с рыданиями, бросился бежать, не разбирая дороги. Дети, внуки и правнуки кинулись за ним, умоляя его вернуться и объяснить, что произошло.

*"И такое он им молвил слово:
- Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился,
Потому что столькими очами
На него взирает с неба черный
И его высматривает тайны.
Этой ночью я заснул, как должно,
Обвернувшись шкурой, носом в землю..."*

Но затем ему приснился страшный сон, и он проснулся: "Был без шкуры я и носом к небу". И он увидел то, что побудило его повторять: -

*"Горе! Горе! Страх, петля и яма
Для того, кто на земле родился."*

Все были потрясены словами старца. Тогда его старший седобородый сын Гар решил, что он должен узнать, что увидел отец. Он лег на спину и долго молчал.

¹Размеры притчи, к сожалению, не позволяют привести ее целиком, поэтому часть содержания дается в переложении. Заранее приносим извинение за пространное цитирование.

А когда над ним склонились братья, то увидели, что лицо его "исковеркано руками смерти".

Отомстить за него решила его жена, Гарайя. Но ее попытка узнать, что увидели первые двое, кончилась тем, что она сошла с ума.

Тогда племя вынесло решение: для того чтобы задобрить "того, кто в небе", нужно принести ему в жертву "непорочную отроковицу", и они выбрали для этой цели восьмилетнюю их дочь - Гарру.

*"Положили девочку на камень,
Плоский, черный камень, на котором
До сих пор пылал огонь священный,
Он погас во время суматохи.
Положили и склонили лица,
Ждали, вот она умрет, и можно
Будет всем пойти заснуть до солнца.*

*Только девочка не умирала,
Посмотрела вверх, потом направо,
Где стояли братья, после снова
Вверх и захотела прыгнуть с камня.
Старый не пустил, спросил: - Что видишь? -
И она ответила с досадой:
- Ничего не вижу. Только небо
Вогнутое, черное, пустое
И на небе огоньки повсюду,
Как цветы весною на болоте. -
Старый призадумался и молвил:
- Посмотри еще! - И снова Гарра
Долго, долго на небо смотрела.
- Нет, - сказала, - это не цветочки,
Это просто золотые пальцы
Нам показывают, что случилось,
Что случается и что случится. -*

*Люди слушали и удивлялись:
Так не то что дети, так мужчины*

*Говорить доньне не умели,
А у Гарры пламенели щеки,
Искрились глаза, алели губы,
Руки поднимались к небу, точно
Улететь она хотела в небо,
И она запела вдруг так звонко,
Словно ветер в тростниковой чаще,
Ветер с гор Ирана на Евфрате.*

*Мелле было восемнадцать вёсен,
И она не ведала мужчины,
Вот она упала рядом с Гаррой,
Посмотрела и запела тоже.
А за Меллой Аха, и за Ахой
Урр, ее жених, и вот все племя
Полегло, и пело, пело, пело,
Словно жаворонки жарким полднем
Или смутным вечером лягушки.*

*Только старый отошел в сторонку,
Зажимая уши кулаками,
И слеза катилась за слезою
Из его единственного глаза.
Он свое оплакивал паденье
С кручи, шишки на своих коленях,
Гара, и вдову его, и время
Прежнее, когда смотрели люди
На равнину, где паслось их стадо,
На воду, где пробегал их парус,
На траву, где их играли дети,
А не в небо черное, где блещут
Недоступные, чужие звезды".*

Ужас перед неведомым. Страх, горе и ужас. Но то, что страшит тех, кто всю жизнь прожил, руководствуясь нормами и запретами сообщества, и вдруг не по своей воле нарушил их, то же самое пьянит и возбуждает тех, кому удалось переступить порог страха. Одно и то же со-

бытие оборачивается для одних драмой, для других - восторгом, счастьем, вызывая такой прилив жизненных сил, такое пробуждение дремавших потенций, что

*Люди слушали и удивлялись:
Так не то что дети, так мужчины
Говорить доньше не умели...*

И после того как находится человек, сознательно сделавший шаг в неведомое, сделавший его и не пострадавший при этом, - за ним могут устремиться и другие, избавляясь от своего ужаса перед нарушением запретов, перед опасностью неизвестности, которая гипнотизирует, губит, сводит с ума.

И оказывается, что источник горя, боли и страдания, причиненного первым, нарушающим традиции, взглядом в звездное небо, находится внутри самого человека, а не вовне его. Избавившись от внутреннего страха, люди испытывают восторг от того, что только что внушало ужас. И только человек, первым шагнувший за черту дозволенного, испытавший потрясение и боль, став свидетелем перемены, происшедшей с его сородичами, оплакивает утрату того, что трудно выразить словами.

Озарение, творческий акт - это всегда шаг в неведомое. То, что предстает в результате вольного или невольного совершения этого шага, для одних оборачивается драмой, раскрывая перед ними то, к восприятию чего они внутренне не готовы, для других - приливом жизненной энергии, восторгом, преклонением перед гармонией, совершенством и необъятностью мира, открывающегося им.

И только преодоление внутренних барьеров, отказ от изначальных собственных страхов перед опасностью неведомого позволят избежать боли и страдания и пережить восторг и очищение.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. Формирование предпосылок творческого мышления в филогенезе: реликтовые формы мыслительной активности	13
Символ как образ	13
Образ как символ	38
2. Современные формы восприятия и переработки информации.....	63
3. Система личностных смыслов и творчество.....	86
Источники формирования.....	86
Рольевые установки	93
Логико-методологический анализ.....	119
Сознание, подсознание, бессознательное.....	153
4. Личность и творчество.....	165
Заключение	192

CONTENTS

Introduction.....	3
1. Forming of creative thinking precondition in phylogenesis. Relic forms of human mental activity:	13
- a symbol as an image;.....	13
- an image as a symbol.....	38
2. Modern forms of information perception and processing.....	63
3. Personal meanings system and creativity:.....	86
- its sources;	86
- roles people act;.....	93
- logically-methodologic analysis;.....	119
- consciousness, subconsciousness, unconscious	153
4. Person and creativity	165
Conclusion	192

HOW CREATIVE THINKING IS POSSIBLE?

ANNOTATION

Transformations of archaic world perception and attitude leading to origination and development of modern figurative and symbolic modes of information representation are investigated in the monograph on the basis of cognitive psychology, psycholinguistics, sociobiology, cultural anthropology and logic.

Is asserted that relic integral forms of human mental activity are the imprescriptible components of creative thinking. They function not only in the early stages of phylogenesis but also (going deeply into the sphere of unrealizable) continue to participate in information processing in modern forms of reality comprehension.

Emotional and psychological specific features of creative persons as well as the culture influence upon the development of creativity are investigated.

The monograph is intended for the ones who are interested with the problems of creative thinking.

Научное издание

БЕСКОВА Ирина Александровна

КАК ВОЗМОЖНО ТВОРЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Редактор *Л.Ф.Пирожкова*
Художник *В.К.Кузнецов*
Технический редактор *Н.С.Беляева*

Подписано к печати 27.04.93.
Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печл. 6,21. Уч.-издл. 8,71. Тираж 500 экз. Заказ № 030

Компьютерный набор и верстка оригинала-макета осуществлены
в Институте философии РАН
Оператор *М.А.Шулькина*
Программисты: *С.Л.Гурко, С.А.Павлов, Е.Н.Платковская*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
118942, Москва, Волхонка, 14

Институт философии РАН

до конца 1993 г. и в начале 1994 г. предполагает издание следующих книг:

Абрамов М.А. Догмы и их преодоление.

Алексеева И.Ю. Человеческое знание и его компьютерный образ.

Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения.

Бабаков В.Г. Кризисные этносы.

Лазарева А.Н. Духовный опыт Гоголя.

Самарская Е.А. Истоки и смысл раскола социал-демократии.

Гиренок Ф.И. Ускользящее бытие.

Фарман И.П. Воображение в структуре познания.

Худушина И.Ф. Царь, Бог и Россия (самосознание русского оппозиционного дворянства конца XVIII - первой трети XIX века).

Будем ли мы жить во "всемирной деревне"?

Научный прогресс: когнитивный и социокультурный аспекты.

Рациональность как предмет философского исследования.

Модернизация в России и конфликт ценностей.

Эстетика природы.

Теория и жизненный мир человека.

Глобальный эволюционизм.

Самоорганизация: становление постнеклассической науки.

Средневековая философия: переводы и исследования.

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (слово II).

Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского (слово V).

Тираж книг ограничен. По вопросам приобретения и предварительных заказов обращайтесь по адресу:

119842, г. Москва,
ул. Волхонка, 14.
Институт философии РАН
Издательский отдел